Хрестоматія

по

исторіи русской литературы

Часть I.

Народная словесность и литература допетровскаго времени (XI–XVII в. в.)

Составилъ проф. П. М. Бицилли

Изд. Россійскаго Земско-Городского Комитета
Софія. 1931

Обложка работы
И. Я. БИЛИБИНА

ХРЕСТОМАТІЯ СОСТАВЛЕНА ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ ПРОГРАММАМЪ РУССКИХЪ СРЕДНИХЪ ШКОЛЪ

ХРЕСТОМАТІЯ

ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Составилъ Проф. П. М. Бицилли

ЧАСТЬ I.

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА
ДОПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ

Изданіе Россійскаго Земско-Городского Комитета
СОФІЯ 1931

ПЕЧАТНИЦА
„ДРЕВНА БЪЛГАРИЯ"
(Типографія газ: „ГОЛОСЪ")
София, ул. Гурко, **12**

ПРЕДИСЛОВІЕ

Составляя предлагаемую хрестоматію, я руководствовался соображеніями о насущныхъ нуждахъ зарубежной русской школы. Находящіяся въ обращеніи хрестоматіи (остатки до-революціонныхъ изданій, превосходная хрестоматія Бродскаго, Мендельсона и Сидорова, Г. Изд. 1923) слишкомъ дороги для учащихся, да и слишкомъ объемисты; а наша школа такъ перегружена учебными предметами, что сокращеніе матеріала по каждому необходимо. Моя цѣль была составить такую хрестоматію, которая была бы доступна по цѣнѣ всякому и заключала бы въ себѣ наиболѣе цѣнные образцы литературныхъ произведеній. Подчеркиваю, что эта хрестоматія чисто-литературная. Но оговариваюсь, что систематическаго прохожденія исторіи литературы въ средней школѣ я не считаю ни возможнымъ, ни желательнымъ. Исторія литературы, т. е. исторія смѣны стилей и жанровъ, можетъ изучаться не иначе какъ на основаніи массоваго матеріала, что въ средней школѣ немыслимо. Всякое иное изученіе воспитываетъ верхоглядство и сводится къ зубрежкѣ. Исходя изъ сказаннаго, я во-первыхъ выбросилъ изъ моей хрестоматіи все, что не имѣетъ чисто-литературнаго интереса, а, во-вторыхъ, устранилъ также матеріалъ, лишенный собственной эстетической цѣнности. Исключеніе сдѣлано для нѣкоторыхъ памятниковъ, которые, не будучи художественными произведеніями, представляютъ интересъ по языку: таковы, напримѣръ, отрывки изъ Котошихина и Посошкова, — важнѣйшіе памятники слагавшагося въ XVII вѣкѣ обще-русскаго (и притомъ чисто-русскаго) литературнаго языка (въ этомъ отношеніи Посошковъ принадлежитъ къ XVII вѣку, хотя по содержанію его сочиненія характерны для времени ихъ написанія, т. е. Петровской поры). Равнымъ образомъ я включилъ небольшой отрывокъ изъ Задонщины, произведенія незначительнаго само по себѣ, но важнаго для выясненія, путемъ сравненія, художественной цѣнности своего образца, Слова о полку Игоревѣ.

Вырабатывая составъ хрестоматіи, я считался съ мнѣніями, высказанными преподавателями въ отвѣтахъ на опросъ, произведенный поручившимъ мнѣ редакторскую работу В. З. Г. Союзомъ.

Далеко не всѣмъ, высказаннымъ въ отвѣтахъ на анкету пожеланіямъ, я могъ пойти на встрѣчу. Удовлетворить нѣкоторыя изъ нихъ — значило бы расширить хрестоматію настолько, что это значительно бы повысило ея стоимость (не говоря уже о томъ, что подчасъ desiderata касались текстовъ, имѣющихъ историческое, — идейное или иное, — но не литературное значеніе). Нѣкоторые авторы отзывовъ, въ силу какого-то недоразумѣнія, настаивали на исключеніи переписки Ивана IV съ Курбскимъ, цѣннаго образца эпистолографіи, и даже сочиненій Аввакума, величайшаго, въ допетровскій періодъ, художника слова.

Слово о Полку Игоревѣ помѣщено цѣликомъ. Исключены только тѣ мѣста, гдѣ текстъ искаженъ настолько, что никакія эмендаціи не помогаютъ добраться до смысла. Есть въ Словѣ немало мѣстъ несомнѣнно не испорченныхъ (доказательствомъ этому ихъ высокое поэтическое достоинство), но все же темныхъ. Такихъ мѣстъ я не исключалъ. Преподаватель сдѣлаетъ это, если найдетъ нужнымъ. Текстъ Слова печатаю такъ, чтобы учащимся легче было схватить ритмъ поэмы. Переводъ на современный языкъ взятъ изъ хрестоматіи Сиповскаго съ необходимыми дополненіями и измѣненіями. Редакціей Сиповскаго я воспользовался для большинства помѣщаемыхъ текстовъ.

Отдѣлъ народной словесности мною сильно сокращенъ. Въ предѣлахъ каждой отдѣльной категоріи, произведенія этого рода, съ точки зрѣнія стиля, мотивовъ, трактовки сюжетовъ, чрезвычайно однообразны. Достаточно знать одинъ образецъ, чтобы имѣть представленіе обо всѣхъ.

Для облегченія преподавателей я снабдилъ нѣкоторые тексты краткими примѣчаніями и переводами наиболѣе рѣдкихъ словъ.

П. Бицилли

ОТДѢЛЪ I.
НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

ОБРЯДОВЫЯ ПѢСНИ

Колядовая пѣсня.

За рѣкою, за быстрою,
Ой коліодка, ой коліодка!
Лѣса стоятъ дремучіе;
Въ тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе;
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни коліодушки.
Ой коліодка, ой коліодка!
Въ серединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ...
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ —
Хотятъ козла зарѣзати.
Ой коліодка, ой коліодка!
„Ты, братецъ Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!“
— Я радъ бы выпрыгнулъ;
Горючъ камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали“.
Ой коліодка, ой коліодка!

Подблюдная пѣсня.

Исусъ Христосъ у воротъ стоитъ;
Онъ съ хлѣбомъ съ солью, со скатертью,
Со скотинкою, съ животинкою.
Слава Дѣвы, слава!
Кому вынется,
Тому сбудется —
Не минуется.
Слава!

Весенняя пѣсня.

Ты пчелынька,
Пчелка ярая!
Ты вылети за море,
Ты вынеси ключики,
Ключики золотые.
Ты замкни зимыньку,
Зимыньку студеную!
Отомкни лѣтечко,
Лѣтечко теплое,
Лѣтечко теплое.
Лѣто хлѣбородное!

Пѣсня семицкая.

Береза моя, березынька,
Береза моя бѣлая,
Береза моя кудрявая!
Стоишь ты березынька,
Осередь долинушки;
На тебѣ, березынька,
Листья бумажные.
Подъ тобой, березынька:
Трава шелковая;
Близъ тебя, березынька,
Красны дѣвушки
Семикъ поютъ;

Подъ тобою, березынька,
Красны дѣвушки
Вѣнокъ плетутъ.
Что не бѣлая березынька
Къ землѣ клонится;
Не шелкова травонька
Подъ ней разстилается;
Не бумажны листочки
Отъ вѣтру раздуваются, —
Подъ этой березынькой
Съ красной дѣвицей
Молодецъ разговариваетъ.

„По завиваніи кумятся (цѣлуются) черезъ вѣнокъ, говоря „здравствуй кумъ и кума!“ Послѣ ѣды начинаются хороводы вокругъ березки съ пѣсней:

Не дождикъ березку обмываетъ:—
Здѣсь, въ рощѣ, дѣвокъ прибываетъ
Скачьте, пляшите, красны дѣвки,
А вы холостые поглядите.
Съ гулянья вамъ дѣвушекъ не взяти!
А взять ли, не взять ли съ доброй воли.
По батюшкину повелѣнью,
По матушкину благословенью,
По невѣстину рукодѣлью.

Ставятъ въ середину хоровода дѣвушку, поютъ:

Ай во полѣ липынька стояла,
Во полѣ кудрявая стояла;
Подъ липою бѣлъ шатеръ,
Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица,
За тѣмъ сидитъ красная,
Шьетъ ширинку золотомъ.
Нижетъ узду жемчугомъ.
Ѣхалъ мимо молодецъ;
„Богъ на помощь, дѣвица!
Богъ на помощь, красная!
Ширинку шить золотомъ,
Низать узду жемчугомъ!“

Молодцы спрашиваютъ:

„Не мнѣ ли ширинку?
Не моему ли коню уздечка?“

Дѣвушки отвѣчаютъ:

— Не по молодцѣ ширинка,
Не по твоемъ конѣ уздечка!—
Русалка — царица,
Не загуби душки,
Не дай удавиться,
А мы тебѣ кланяемся.
Мы пойдемъ, дѣвочки,
Во луга гулять,
Ай люли, люли, во луга гулять!
Во луга гулять.
Вѣнки завивать,
Ай люли, люли, вѣнки завивать!
Мы завьемъ вѣночки
На всѣ красны денечки,
Ай люли, люли, на красны денечки!

Благослови Троица,
Богородица,
Намъ вѣнокъ сплести,
Ай люли, люли, намъ вѣнокъ сплести!
Свекру-батюшкѣ,
Свекрови-матушкѣ.
Ай люли, люли. свекрови-матушкѣ!
Свекру-батюшкѣ — малиновый,
Свекрови-матушкѣ — калиновый.
Ай люли, люли, калиновый!
А мнѣ молодой
Съ гибкаго вѣтійка,
Ай люли, люли, съ гибкаго вѣтійка!
Да пойду-ль я тицкомъ
Лужкомъ-бережкомъ,
Ай люли, люли, лужкомъ-бережкомъ!
Сломлю со сыра дуба вѣточку
Брошу на быстру рѣченьку.
Ай люли, люли, на быстру рѣченьку!

При пѣніи этой пѣсни бросаютъ вѣнки въ воду. Если гаданіе предсказываетъ неудачный бракъ, то поютъ:

Да грозна, грозна
Громовая туча!
Ай люли, люли, громовая туча!
Грознѣй того нѣтъ, —
Ко мнѣ свекоръ ѣдетъ.
Ай люли, люли, ко мнѣ свекоръ ѣдетъ!
Ко мнѣ свекоръ ѣдетъ
Со лютою свекровью!
Вы мостите мосты, —
Гнилыя колоды.
Ай люли, люли, гнилыя колоды!
Забивайте гвозди, —
Еловыя шишки.

Ай люли, люли, еловыя шишки!
Чтобы мостъ обломился,
Лютый свекоръ залился,
Ай да люли, люли, лютой свекоръ залился!

Пѣсня купальская.

Купала, наша Купала!
Дай намъ котлы золота!
Вотъ солодушка цвѣтетъ!
Я усяду при ней,
Проночую при ней,
Подстерегу красотку,
Сорву папоротку, —
Буду богачъ-богатырь,
Закуплю я весь свѣтъ!

Пѣсня егорьевская.

Мы вокругъ поля ходили —
Егорья окликали...
„Егорій ты нашъ храбрый,
Ты спаси нашу скотинку.
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ подъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго!“

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ

Мнѣ ночесь-то мало спалось,
Да во снѣ много видѣлось.
Ужъ я видѣла, подруженьки,
Я гору высокую.
Среди горы крутыя
Лежитъ бѣлый горючъ-камень.
На этомъ на камешкѣ
Сидитъ орелъ, птица острая,
Во когтяхъ держитъ лебедушку.
Подъ горой, подъ высокою
Лѣса растутъ темные
И шипица колючая,
Да и крапива-то жгучая...
Во этомъ темномъ лѣсу
Ходитъ медвѣдь со медвѣдицей.
Разсудите, подруженьки,
Мнѣ къ чему сонъ привидѣлся?..
Эта гора-то высокая —
Чужа дальняя сторона;
Бѣлый-то камешекъ —
Чужой-то высокъ теремъ;
А орелъ, птица острая, —
Чужой это чужанинъ...
Онъ въ когтяхъ держитъ лебедушку —
Да меня молодешеньку; —
А лѣса-то растутъ темные —
Чужи люди незнамые;
Что медвѣдь со медвѣдицей —
Богоданный-то батюшка
Съ богоданною матушкой;
Шипица колючая —
Богоданны милы братцы;
Крапива-то жгучая —
Богоданныя сестрицы.

*

...Наѣхали разсказы-сваты большіе,
Выводили надежу свѣта-батюшка
На новы сѣни на рѣшетчаты,
Стали спрашивать про бѣлую лебедушку,
Оцѣнять стали бажону [1]) вольну волюшку.
Сговорилъ же свѣтъ-родитель мой батюшка:
Эта волюшка — во сто рублей,
Руса косынька — во тысячу,
А красной дѣвушкѣ и цѣны нѣтъ..
Но лукавъ былъ злодѣй большій сватъ:
Онъ близешенько къ родителю двигается,
Низешенько ему да поклоняется,
Самъ сулитъ ему да засуливаетъ
Сорокъ ведеръ зелена вина,
Сорокъ ведеръ пива пьянаго.
На то ли мои родители окинулись;
Промѣняли мою вольную-то волюшку
Какъ на этое на сладко зелено вино.
Пропились да промоталися,
Прогуляли мою волюшку...

---

1) Береженую, дорогую.

*

Поется при расплетаніи косы передъ отправленіемъ въ баню.

...У свово-то родима батюшка,
У своей-то родимой матушки
Я чесала васъ, русы волосы,
Середи-то полу дубоваго;
Я мочила васъ, русы волосы,
Ключевой водой холодною;
Я сушила васъ, русы волосы,
На крутомъ красномъ крылечикѣ
Я сходимымъ краснымъ солнышкомъ.
На чужой-то дальней сторонушкѣ,
Я у свекра у батющки,
Я у свекрови у матушки,
Чесать стану васъ, русы волосы,
Во кутѣ да за занавѣсой;
Мочить стану васъ, русы волосы,
Я своими да горючими слезами;
А сушить стану васъ, русы волосы,
Я своей тоской да кручинушкой.
И запрутъ васъ, русы волосы,
На тридцать три замка,
На тридцать три ключа,
И бросятъ эти ключики
Во сине море Хвалынское.
Сохватаетъ эти ключики
Рыба, да рыба бѣлая...
Тяжеленько привыкать будетъ
Ко чужому отцу къ матери,
Ко чужому роду-племени;
Будь головушкой поклонлива,
Будь сердечушкомъ покорлива,
Носи платьице, не снашивай,
Терпи горюшко, не сказывай...
Ты во темную во ноченьку
Выходи, моя подруженька,
На высокое крылечушко,
Ты высказывай обидушку
На широку гладку уличку, —
Разнесутъ твою обидушку
Часты-буйные вѣтерки.

Одѣваніе невѣсты.

По послѣднему денечку
Нанесло тучку черную
Со громами со трескучими,
Съ молніями со сверкучими
На батюшковъ высокъ теремъ,
На матушкину горенку.
Пріѣзжалъ чужой чужбининъ
Съ храбрымъ своимъ поѣздомь,
Съ поѣзжанами молодыми,
Гдѣ-то есть у молодешеньки
Соколъ-братецъ, братецъ родименькой,
Голубчикъ златокрыленькой,
Запонка да воротовая,
Сердоликъ, дорогой камень.
Наряжу я молодешенька
Службицу я не великую,
Да работку не тяжелую:
Ты сходи-ка, братецъ-соколъ мой,
Въ постоялую конюшеньку,
Ты возьми-ка, братецъ-соколъ мой,
Что ни лошадь саму лучшую;
Запряги-ка, братецъ-соколъ мой,
Въ саночки да въ самокаточки;
Поѣзжай-ка, братецъ-соколъ мой,
Въ славный городъ Вытегру,
Въ лавочки торговыя,
Закупи-ка, братецъ-соколъ мой,
Горнитуру [1]) мнѣ чернаго
И шелковъ семи разныхъ.
Гдѣ-то есть у молодешеньки
Тайны, милыя подруженьки,
Дорогія поровеночки. —
Вы повышейте, голубушки,
Заузорчатую занавѣсь:
Вы на первомъ углѣ вышейте
Вы Литву да со татарами;
На другомъ углѣ вышейте
Вы Москву да со боярами;
Вы на третьемъ углѣ вышейте
Царя да со царицею;
На четвертомъ углѣ вышейте
Короля со королицею.
На середочкѣ же вышейте
Красно солнышко со мѣсяцемъ,
Да со частыми звѣздочками.
Ты повѣсь-ко, братецъ-соколъ мой,
Заузорчатую занавѣсь
Ко крыльцу да ко перильному
И ко столбику точеному,

---

[1]) То, что служитъ для отдѣлки платьевъ. Исковерканное французское слово. Его появленіе въ пѣснѣ древняго происхожденія (упоминаніе о Литвѣ и татарахъ) показываетъ, какъ пѣсни постепенно перерабатывались народомъ.

Ко колечку золоченому.
Какъ поѣдетъ да чужой чужбининъ,
Въ городахъ онъ не бывающій,
Мудрости мало видающій:
Разглядится да разсмотрится
На узорчатую занавѣсь,
И оставитъ молодешеньку
На родимой на сторонушкѣ,
У желанныхъ у родителей. —

ПОХОРОННЫЯ ПРИЧИТАНІЯ

Плачъ по отцу.

Со восточной со сторонушки
Подымалися да вѣтры буйные
Со громами да со гремучими,
Со молоньями да со палючими;
Пала, пала съ небеси звѣзда
Все на батюшкову на могилушку...
Расшиби-ка ты, громова стрѣла,
Еще матушку да мать сыру землю!
Развались-ко-ся ты, мать-земля,
Что на всѣ четыре стороны!
Откройся-ко, да гробова доска!
Распахнитеся, да бѣлы саваны!
Отвалитеся, да ручки бѣлыя,
Отъ ретиваго отъ сердечушка,
Развернитеся, да уста сахарныя!
Обернись-ко-ся, да мой родимой батюшко,
Перелетнымъ ты да яснымъ соколомъ!
Ты слетай-ко-ся да на сине море,
На сине море на Хвалынское,
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Со бѣлова лица ржавчину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,
На свой-етъ да на высокъ теремъ, —
Ты послушай-ко, родимой батюшко,
Горе-горькихъ нашихъ пѣсенокъ...

. . . .

Обернись-ко-ся, мой милой ладушка,
Перелетнымъ ты да яснымъ соколомъ!
Ужъ я выйду на широку я на улочку:
Посмотрю я, горе-горькая,
На всѣ на четыре стороны,
Не летитъ ли моя мила пташечка,
Не несетъ ли мнѣ вѣстку-грамотку!
Ужъ мнѣ ждать будетъ — не дождатися,
Мнѣ глядѣть — не наглядѣтися:
Ну, нѣтъ мнѣ отъ милаго ладушки,
Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки,
Ни словеснаго челобитьица!
А какъ безъ мово-то мила ладушки
Наносятъ на меня люди добрые.

Плачъ вдовы.

Какъ бы я въ пространноей, богатой жирушкѣ [1])
Такъ сидѣла бы у трудной [2]) у постелюшки,
Я видѣла бы скорую смеретушку. [3])
Если пришла бы каликой перехожоей, —
Наладила бы хлѣбъ-соль столовую,
Накормила бы калику перехожую
И оставила бы законную свою семеюшку;
Если удалымъ дороднымъ добрымъ молодцемъ,
Я одѣла бы его во цвѣтно платьице,
Дала бы опоясочки шелковые...
Я дарила бы золотой казной свою семеюшку.
Какъ въ проклятой, во несчастной живу жирушкѣ,
Многоуходны сердечны малы дѣтушки;
У насъ нѣтъ вѣдь хлѣба-соли столовыя
И ни славныя одежи молодецкія...
У насъ нѣту золотой казны безсчетноей;
Такъ не видѣла я законную свою семеюшку,

---

[1]) Жизнь; [2]) Печальной; [3]) Смертушка, смерть.

Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася.
Не по силушкамъ крестьянчикамъ работушка,
Не по розмысламъ проклятая заботушка...
Какъ буду ростить я сердечныхъ своихъ дѣтушекъ
Безъ своей законноей семеюшки?
Мнѣ въ темномъ лѣсу ли заблудитися,
Али мнѣ упасть да въ кругло малое озерышко?...
Буду нищей каликой перехожоей.
Какъ во чистое во полюшко раздѣять [1]) великая кручинушка,
Такъ съ моей съ великой со кручинушки, —
Вырастать да будутъ лѣсушки дремучіе, —
Ужъ тутъ моей кручинушкѣ не мѣстечко;
Воспрещать будутъ сосѣди спорядобные, [2])
Что зарастать будутъ поля да хлѣбородныя.
Какъ раздѣять мнѣ великая кручинушка?
Я сберу-пойду сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
Не разступится-ль вѣдь матушка сыра земля?
Кабы матушка сыра земля разступилася,
Я съ дѣтушками сейчасъ схоронилася...

ИЗЪ БЫТОВЫХЪ ПѢСЕНЪ

Воспоминаніе о дѣвичьей жизни.

Ахъ, да у соловушки крылья примахалися.
Примахалися.
Ахъ, да сизы перушки, ахъ, да поломалися,
Поломалися.
Ахъ, да у молодчика кудри завивалися,
Завивалися.
Ахъ, да тѣми ли кудерками дѣвки дивовалися,
Дивовалися.
Дивовавши кудерками, замужъ похваталися,
Похваталися.
Вышедши молодушкой, жизнью обижалися,
Обижалися.
„Ахъ, да распроклятая жизнь наша замужняя,
Жизнь наша замужняя.
Ахъ, да я у матушки жила, какъ цвѣтокъ цвѣла,
Какъ цвѣтокъ цвѣла;
Ахъ, да я у батюшки жила, какъ вѣнокъ плела,
Какъ вѣнокъ плела.
Ахъ, да я молодушкой живу, какъ въ огнѣ горю,
Какъ въ огнѣ горю“.

ПѢСНИ УДАЛЫЯ И РАЗБОЙНИЧЬИ

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная головушка,
Безпріютная головушка, молодецкая.
Ужъ куда я, добрый молодецъ не кинуся,
Что по лѣсамъ, по деревнямъ все заставы,

[1]) Разсѣять; [2]) Рядомъ живущіе

На заставахъ ли все крѣпки караулы:
Они меня ловятъ, стерегутъ.
Что куда-то ни пойду, братцы, ни поѣду,
Что ни въ чемъ-то мнѣ, добру-молодцу, нѣтъ счастья.
Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государынѣ своей матушкѣ спрошуся:
Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила?
Ты какимъ меня счастьемъ надѣлила?

Ахъ вы, горы, горы крутыя!
Ничего-то вы, горы, не породили,
Что ни травушки, ни муравушки,
Ни лазоревыхъ цвѣточковъ. василечковъ;
Ужъ вы только породили, круты горы,
Бѣлъ горючъ камень, великъ добрѣ.
Что на камушкѣ растетъ-ли частъ ракитовъ кустъ,
Что подъ кусточкомъ лежитъ — убитъ добрый молодецъ,
Разметавъ свои руки бѣлыя,
Растрепавъ свои кудри черные;
Изъ реберъ его поросла трава,
Ясны очи его пескомъ засыпались.
Что не ласточка, не касаточка
Вкругъ тепла гнѣзда увивается,
Увивается его матушка родимая:
„Ахъ! какъ я тебѣ, сынъ, говаривала:
Не водись, мой сынъ, со бурлаками,
Что со бурлаками, со ярыгами;
Не ходи, мой сынъ, во царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина;
Потерять тебѣ, сыну, буйну голову“.

Ахъ, ты поле мое, поле чистое!
Ты раздолье мое широкое;
Ахъ, ты всѣмъ, поле, изукрашено,
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками, василечками;
Ты однимъ, поле, обезчещено,
Что посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ,
Что на кусточкѣ на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона:
Онъ точитъ кровь на сыру землю.
Подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ,
Что лежитъ, убитъ, добрый молодецъ!
Избитъ, израненъ, исколотъ весь.
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ — какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ — какъ ручей течетъ;
Молодая жена плачетъ — какъ роса падетъ;
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати,
Какъ завтра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ идти
Передъ грознаго судью, самого царя,
Еще станетъ меня царь-государь спрашивати:
„Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много-ль съ тобой было товарищей?“
— Я скажу тебѣ, надежа, православный царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину
Что товарищей у меня было четверо:
Ужъ какъ первый мой товарищъ — темная ночь,
А второй мой товарищъ — булатный ножъ,
А какъ третій товарищъ мой — добрый конь.

А четвертый мой товарищъ — тугой лукъ,
Что разсыльщики мои — калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа, православный царь:
„Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ!
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать;
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими.
Что двумя ли столбами съ перекладиной“.

Что повыше было города Царицына,
Что пониже было города Саратова
Протекала, пролегала мать Камышинка-рѣка,
За собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга;
Она устьицемъ впадала въ Волгу-матушку рѣку
Что по той ли было матушкѣ Камышенкѣ-рѣкѣ,
Какъ плывутъ тутъ выплываютъ есаульные стружки,
На стружкахъ сидятъ гребцы, все бурлаки молодцы,
Все бурлаки молодцы, все завольски удальцы.
Хорошо братцы-молодцы переряжены сидятъ:
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
Однорядочны кафтаны, — всѣ камкой подложены,
Коноватные бешметы въ одну нитку строчены,
Всѣ тафтяныя рубашки галуномъ обложены;
На нихъ штаники суконны по старинну кроены,
Что желтый сафьянъ сапожки — всѣ шильцомъ каблуки,
Они веслами гребутъ, сами пѣсеньки поютъ.
Становилися стружечки среди Волги къ островку,
Они ждали-поджидали губернатора къ себѣ,
Губернатора къ себѣ астраханскаго еще.
Ахъ, что взговорятъ молодцы-бурлаки удальцы:
„Еще что-то на водѣ у насъ бѣлѣется?“
Забѣлѣлися тутъ флаги губернаторскіе.
Кого ждали, поджидали, того лядъ [1]) и несетъ.
Астраханскій губернаторъ догадается:
„Ахъ вы гой еси, бурлаки, люди вольные,
Вы берите золотой казны, что надобно,
Вы берите цвѣтно платье губернаторское,
Вы берите всѣ диковинки заморскія.
Вы берите ли вещицы астраханскія“
Ахъ, что взговорятъ молодцы, люди вольные:
„Намъ не дорога твоя золота казна.
Намъ не дорого цвѣтно платье губернаторское.
Намъ не дороги диковинки заморскія,
Намъ не дороги вещицы астраханскія, —
Дорога намъ буйная твоя головушка.
Какъ срубили съ губернатора буйну голову,
Они бросили голову въ Волгу-матушку рѣку.
И что сами молодцы насмѣялися ему,
„Ты добрѣ ли, губернаторъ, къ намъ строгой былъ,
Ахъ, ты билъ, насъ губилъ, много въ ссылку посылалъ,
Ахъ, ты женъ нашихъ, дѣтей на воротахъ разстрѣлялъ“

---

1) Чортъ.

БЫЛИНЫ

Святогоръ

Снарядился Святогоръ во чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
„Какъ бы я тяги нашелъ,
Такъ я бы всю землю поднялъ!“
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную:
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку: она не скрянется, [1])
Двинетъ перстомъ ее — не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою — не подымется.
„Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
А эдакого чуда не наѣзживалъ,
Такова дива не видывалъ:
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется не подымется!“
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма рукама,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и кончаніе.

Вольга Святославговичъ

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославговичъ.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
Избирать себѣ дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцовъ безъ единаго,
Самъ еще Вольга во тридцатыихъ.
Жаловалъ его родной дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій,
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ — Гурчевцомъ,
Другимъ городомъ — Орѣховцемъ,
Третіимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Со своею дружинушкой хоробрую
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до пабѣдья;
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,

[1]) Двинется.

Съ края въ край бороздки пометываетъ:
Въ край онъ ѣдетъ — другого не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великіе-то всѣ каменья въ борозду валитъ.
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говоритъ Вольга таковы слова:
„Божья ти помочь, оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки пометывати,
Коренья, каменья вывертывати!“
Говорилъ оратай таковы слова:
—Поди-тко, Вольга Святославговичъ,
Со своею со дружинушкой хороброю,
Мнѣ-ка надобна Божья помощь крестьянствовати!
Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
Со своею со дружинушкой хороброю?
„Ай-же ты, ратай-ратаюшко!
Ѣду къ городамъ за получкою:
Къ первому городу — ко Гурчевцу,
Ко другому городу — Орѣховцу,
Ко третьему городу — ко Крестьяновцу“.
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай-же, Вольга Святославговичъ!
А недавно я былъ въ городни, третьеводни,
На своей кобылѣ соловоей.
Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
Два мѣха соли по сороку пудъ.
И живутъ-то мужики всѣ разбойники,
Они просятъ грошевъ подорожныихъ;
А былъ я съ шалыгой подорожною,
Платилъ имъ гроши подорожные:
Который стоя стоялъ, тотъ и сидя сидитъ,
Который сидя сидѣлъ, тотъ и лежа лежитъ.
Говорилъ Вольга таковы слова:
„Ай-же, оратай-оратаюшко,
Поѣдемъ со мной во товарищахъ!“
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Ай-же, Вольга Святославговичъ!
Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
И не для-ради мужика деревенщины.
Какъ бы сошку съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшковъ земельку повытряхнути
И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ?
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцовъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хоробрая,
Пять молодцовъ могучіихъ,
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за обжи [1]) вокругъ вертятъ;
А не могутъ сошки изъ земельки повыдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ;
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую:

[1]) Оглобли.

Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошку съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшковъ земельку повытряхнути,
Бросить сошку за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылѣ соловенькой,
Къ этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и подскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга туть покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
„Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
Эта кобылка конькомъ бы была, —
За эту кобылку пятьсотъ бы дали“.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Глупый Вольга Святославговичъ,
Взялъ я кобыллу жеребчикомъ сподъ матушки
И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
Этая кобылка конькомъ бы была,
За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.
Говорилъ Вольга Святославговичъ:
— Ай-же ты, ратай-ратаюшко!
Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
Какъ величаютъ по отчеству?“
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай-же ты, Вольга Святославговичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивати:
„Молодой Микулушка Селяниновичъ!“

Илья Муромецъ

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридсять три года;
Пришли къ нему нища братія,
Самъ Исусъ Христосъ, два апостола:
„Ты поди, Илья, принеси испить!“
— Нища братія, я безъ рукъ — безъ ногъ!
„Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!“
Илья сталъ вставать — ровно встрепанный;
Онъ пошелъ — принесъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать;
Ему нищи отворачиваютъ;
Нища братія у Ильи спрашивали:
„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“
— Отъ земли столбъ былъ бы до небушки,
Ко столбу было золото кольцо,
За кольцо бы взялъ, святорусску поворотилъ!
„Ты поди, Илья, принеси другу чашу!
Илья сталъ имъ поднашивать;
Они Ильѣ отворачиваютъ.
Выпивалъ Илья безъ отдыху
Большу чашу въ полтора ведра
Они у Ильи стали спращивать
„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“
— Во мнѣ силушки полозинушка.
Говорятъ калики перехожіе:
„Будешь ты, Илья, великій богатырь,
И смерть тебѣ на бою не писана:
Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
И со всею поленицею [1]) удалою,
А только не выходи драться
Съ Святогоромъ богатыремъ:
Его и земля на себѣ черезъ силуноситъ;
Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ

[1]) Поленица — отъ поле, степь — вольница, удальцы.

У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
Его любитъ матушка сыра-земля;
Не ходи еще на Вольгу Сеславьича:
Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростью-мудростью.
Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго,
Выходи въ раздольице чисто-поле:
Покупай перваго жеребчика,
Станови его въ срубу на три мѣсяца,
Ты по три ночи жеребчика въ саду поваживай
И въ три росы жеребчика выкатывай,
Подводи къ тыну ко высокому:
Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать,
И въ ту сторону, и въ другую сторону;
Поѣзжай на немъ, куда хочешь,
Будетъ носить тебя".
Тутъ калики потерялися.
Пошелъ Илья къ родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую:
Очистить надо палъ отъ дубья-колодья,
Онъ дубье-колодье все повырубилъ,
Въ глубоку рѣку повыгрузилъ,
А самъ и сшелъ домой.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ,
Онъ и проситъ себѣ благословеньица:
„Охъ ты гой еси, родимый милый батюшка!
Дай ты мнѣ свое благословеньице:
Я поѣду въ славный стольный Кіевъ-градъ,
Помолитьсѧ чудотворцамъ Кіевскимъ
Заложиться за князя Володиміра,
Пнслужить ему вѣрой-правдою,
Постоять за вѣру хрисьянскую".
Отвѣчаетъ старой хресьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ:
— Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
Не помысли зломъ на Татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ хрисьянина.
Поклонился Илья Муромецъ отцу до-земли,
Самъ онъ сѣлъ на добра коня,
Поѣхалъ онъ во чисто поле.
Онъ и бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ кожу до черна мяса;
Ретивой его конь осержается;
Прочь отъ земли отдѣляется,
Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго.
Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ — колодязь сталъ;
У колодязя срубилъ сырой дубъ,
У колодязя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подписалъ свое имячко:
„Ѣхалъ такой-то сильный могучій богатырь
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ",
Въ третій скочилъ — подъ Черниговъ-градъ.

Алеша Поповичъ.

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясные соколы вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря.
Что по имени Алешенька Поповичъ младъ,
А со молодымъ Екимомъ Ивановичемъ.
Они ѣздятъ богатыри плечо о плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское:
Они ѣздили, гуляли по чисту полю,
Ничего они въ чистомъ полѣ не наѣзживали.
Не видали птицы перелетныя,
Не видали они звѣря прыскучаго
Только въ чистомъ полѣ наѣхали —

Лежатъ три дороги широкія;
Промежу тѣхъ дорогъ лежитъ горючъ камень,
А на камени подпись подписана.
Взговоритъ Алеша Поповичъ младъ:
А и ты, братецъ Екимъ Ивановичъ!
Въ грамотѣ поученый человѣкъ —
Посмотри на каменю подписи.
Что на каменю подписано".
И скочилъ Екимъ съ добра коня,
Посмотрѣлъ на каменю подписи.
Росписаны дороги широкія:
Первая дорога въ Муромъ лежитъ,
Другая дорога въ Черниговъ градъ,
Третья ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Говорилъ тутъ Екимъ Ивановичъ:
„А и братецъ, Алеша Поповичъ младъ,
Которой дорогою изволишь ѣхать?"
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
„Лучше намъ ѣхать ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру".
Втапоры поворотили добрыхъ коней
И поѣхали они ко городу ко Кіеву;
Не доѣхавши они до Сафатъ-рѣки,
Становились на лугахъ на зеленыихъ —
Надо Алешѣ покормить добрыхъ коней.
Разставили тутъ два бѣлы шатра,
Что изволилъ Алеша опочивъ держать.
А и мало время позамѣшкавши.
Молодой Екимъ со добры кони
Стреножимши въ зеленъ лугъ пустилъ,
Самъ ложился въ свой шатеръ опочивъ держать.
Прошла та ночь осенняя,
Ото сна пробуждается,
Встаетъ рано-ранешенько,
Утренней зарею умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
На востокъ онъ Алеша Богу молится.
Молодой Екимъ сынъ Ивановичъ
Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
А сводилъ ихъ поить на Сафатъ на рѣку;
И приказалъ ему Алеша
Скоро сѣдлать добрыхъ коней.
Осѣдлавши онъ, Екимъ, добрыхъ коней,
Наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву,
Пришелъ тутъ къ нимъ калика перехожій:
Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская, [1]) земли греческой,
Въ тридцать пудъ шелепуга [2]) подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ налита свинцу чебурацкаго;
Говоритъ таково слово:
„Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ саженъ,
Промежъ плечей косая сажень,
Промежъ глазъ калена стрѣла;
Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь,
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ".
Привязался Алеша Поповичъ младъ:
„А и ты, братецъ калика перехожая!
Дай мнѣ платье каличее,
Возьми мое богатырское,
Лапотки свои семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шубу свою соболиную, долгополую,
Шляпу сорочинскую, земли греческой,
Въ тридцать пудъ шелепугу подорожную,
Въ пятьдесятъ пудъ налиту свинцу чебурацкаго".
Даетъ свое платье калика Алешѣ Поповичу,
Не отказываючи; а на себя надѣвалъ
То платье богатырское.
Скоро Алеша каликою наряжается —
И взялъ шелепугу дорожную,
Которая была въ пятьдесятъ пудъ,
И взялъ въ запасъ чингалище [3]) булатное,

---

[1]) Сарацинская; [2]) дубина [3]) кинжалъ

Пошелъ за Сафатъ-рѣку.
Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ;
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Поповичъ едва живъ идетъ.
Говоритъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
„Гой еси, калика перехожая!
А и гдѣ ты слыхалъ и гдѣ видалъ
Про млада Алешу Поповича?
А и я бы Алешу копьемъ закололъ,
Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ.
Говоритъ тутъ Алеша каликою:
„А и ты гой еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
Поѣзжай поближе ко мнѣ,
Не слышу, что ты говоришь“.
И подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ младъ;
Сверстался Алеша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлеснулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Расшибъ ему буйну голову —
И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
Вскочилъ ему Алеша на черну грудь.
Втапоры взмолился Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
„Гой еси ты, калика перехожая!
Не ты ли Алеша Поповичъ младъ?
Только ты Алеша Поповичъ младъ —
Семъ побратуемся съ тобой“.
Втапоры Алеша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь,
Платье съ него цвѣтное на сто тысячей —
И все платье на себя надѣвалъ;
Садится на его добра коня
И поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ.
Втапоры увидѣли Екимъ Ивановичъ
И калика перехожая.
Испужалися его, сѣли на добрыхъ коней,
Побѣжали ко городу Ростову, —
И постигаетъ ихъ Алеша Поповичъ младъ.
Обернется Екимъ Ивановичъ,
Онъ выдергивалъ палицу боевую въ тридцать пудъ,
Бросилъ назадъ себя.
Показалося ему, что Тугаринъ Змѣевичъ младъ —
И угодилъ въ груди бѣлыя Алеши Поповича,
Сшибъ изъ сѣделечка черкасскаго.
И упалъ онъ на сыру землю.
Втапоры Екимъ Ивановичъ
Скочилъ съ добра коня, сѣлъ на груди ему,
Хочетъ пороть груди бѣлыя —
И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ крестъ,
Самъ заплакалъ, говорилъ каликѣ перехожему:
„По грѣхамъ надо мною, Екимомъ учинилося,
Что убилъ своего братца родимаго“.
И стали его оба трясти и качать
И потомъ подали ему питья заморскаго;
Отъ того онъ здравъ сталъ.
Стали они говорити и между собою платьемъ мѣняти:
Калика свое платье надѣвалъ каличье,
А Алеша свое богатырское,
А Тугарина Змѣевича платье цвѣтное
Клали въ чемоданы къ себѣ.
Сѣли они на добрыхъ коней
И поѣхали всѣ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.

Василій Буслаевъ.

Въ славномъ великомъ Новѣградѣ,
А и жилъ Буслай до девяносто лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ, не перечился,
Со мужики новогородскими
Поперекъ словечка не говаривалъ,
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье бытье
И все имѣніе дворянское;
Оставалася матера вдова,
Матера Амелфа Тимоѳеевна,
И оставалося чадо милое,
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
Будетъ Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимоѳеевна,
Учить его во грамотѣ, —
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать, —

Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному, —
Пѣтье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца,
Во славномъ Новѣгородѣ.
Супротивъ Василія Буслаева.
Повадился вѣдь Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, съ безумницы,
Съ веселыми удалыми добрыми молодцы,
Допьяна ужъ сталъ напиватися, —
А и ходя въ городѣ уродуетъ:
Котораго возьметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго хватитъ поперекъ хребта,
Тотъ кричитъ, реветъ, окорачь ползетъ.
Пошла-то жалоба великая;
А и мужики новогородскіе.
Посадскіе, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдовѣ Амелфѣ Тимоѳеевнѣ
На того на Василья Буслаева:
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить, его на умъ учить,
Журьба Васькѣ не взлюбилася,
Пошелъ онъ Васька во высокъ теремъ,
Садился Васька на ременчатый стулъ
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставено:
„Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Валися къ Васькѣ на широкій дворъ,
Тотъ пей и ѣшь готовое
И носи платье разноцвѣтное“.
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки.
Въ то же время поставилъ Васька чанъ середи двора,
Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.
Во славномъ было во Новѣградѣ,
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Васькѣ на широкій дворъ
Къ тому чану, зелену вину;
Вначалѣ былъ Костя Новоторженинъ,
Пришелъ онъ, Костя на широкій дворъ,
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ —
Въ половинѣ было налито
Тяжела свинцу чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ, —
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ:
Стоитъ тутъ Костя не шевельнется
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.
Говорилъ Василій сынъ Буслаевичъ:
„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
А и будь ты мнѣ названый братъ,
И паче мнѣ брата родимаго“.
А и мало время позамѣшкавши,
Пришли два брата боярченка,
Молодой Василій сынъ Буслаевичъ
Тѣмъ молодцамъ сталъ радошенъ и веселешенокъ.
Пришли тутъ мужики Залѣшена,
И не смѣлъ Василій показатися къ нимъ.
Еще тутъ пришло семь братовъ Сбродовичи. —
Собиралися, сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единаго
Онъ самъ Василій тридцатый сталъ;
Какой зайдетъ, убьютъ его,
Убьютъ его, за ворота бросятъ.
Послышалъ Васинька Буслаевичъ:
У мужиковъ новгородскіихъ
Канунъ варенъ, пива ячныя,
Пошелъ Василій со дружиною,
Пришелъ во братчину въ Никольщину.
„Не малу мы тебѣ сыпь платимъ,
За всякаго брата по пяти рублевъ“.
А за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ,
А и тотъ-то староста церковный
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину;
А и зачали они тутъ канунъ варенъ пить,
А и тѣ-то пива ячныя.

Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
Бросился на царевъ кабакъ,
Со своею дружиною хороброю:
Напилися они туто зелена вина
И пришли во братчину во Никольщину.
А и будетъ день ко вечеру,
Отъ малаго до стараго,
Начали ужъ ребята боротися.
А въ иномъ кругу въ кулаки битися:
Отъ тое борьбы отъ ребячія,
Отъ того бою отъ кулачнаго.
Началася драка великая:
Молодой Василій сталъ драку разнимать,
А иной дуракъ зашелъ съ носа,
Его по уху оплелъ;
А и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ:
„ Гой еси ты, Костя Новоторженинъ,
И Лука, Моисей, дѣти боярскіе!
Уже Ваську меня бьютъ".
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили.
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали, —
Кричатъ, ревутъ мужики посадскіе.
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, мужики новогородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
Напущаюсь я на весь Новгородъ
Битися, дратися
Со всею дружиною хороброю;
Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ,
Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
На всякій годъ по три тысячи;
А буде же я васъ побью,
И вы мнѣ покоритеся,
То вамъ платить мнѣ такову же дань".
въ томъ-то договорѣ руки они подписали..
Началась у нихъ драка-бой великая.
Пошелъ Василій по Волхъ-рѣкѣ..
А идетъ Василій по Волхъ-рѣкѣ,
По той Волховой по улицѣ;
Завидѣли добрые молодцы,
А его дружина хоробрая,
Молода Василья Буслаева, —
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
У нихъ-то, молодцовъ, думушки прибыло.
Молодой Василій Буслаевичъ
Пришелъ-то молодцамъ на выручку,
Со тѣми мужики новогородскими
Онъ дерется, бьется день до вечера;
А ужъ мужики покорилися.
Покорилися и помирилися —
Понесли онн записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимоѳеевнѣ;
Насыпали чану чистаго серебра,
А другую чашу краснаго золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьютъ челомъ, поклоняются:
„Осударыня матушка,
Принимай ты дороги подарочки.
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и рады мы платить
На всякій годъ по три тысячи,
На всякой годъ будемъ тебѣ носить:
Съ хлѣбниковъ по хлѣбику,
Съ калашниковъ по калачику,
Съ молодицъ повѣнечное,
Съ дѣвицъ повалечное,
Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
Опричь поповъ и дьяконовъ".
Втапоры матера вдова
Амелфа Тимоѳеевна
Посылала дѣвушку чернавушку
Привести Василья со дружиною.
Приходитъ Василій Буслаевичъ
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Матерой вдовѣ Амелфѣ Тимоѳеевнѣ.
Какъ вьюнъ около ее увивается,
Проситъ благословеніе великое:
„А свѣтъ ты, моя сударыня-матушка,
Матера вдова Амелфа Тимоѳеевна!
Дай мнѣ благословеніе великое,
Идти мнѣ, Василью, въ Ерусалимъ-градъ,
Со всею дружиною хороброю,
Мнѣ-ко Господу помолитися,
Святой святынѣ приложитися,
Во Ердани-рѣкѣ искупатися".
Что возговоритъ матера вдова,
Матера Амелфа Тимоѳеевна:
„Гой еси ты, мое чадо милое,

Молодой Василій Буслаевичъ!
То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго,
А и не носи Василья сыра земля".
Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару растопляется,
Материно сердце распущается;
И даетъ она много свинцу, пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружье долгомѣрное:
„Побереги ты, Василій, буйну голову свою".
Скоро молодцы собираются
И съ матерой вдовой прощаются.
Походили они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по озеру Ильменю;
Бѣгутъ они ужъ сутки — другія,
А бѣгутъ уже недѣлю — другую —
Встрѣчу имъ гости-корабельщики:
„Здравствуй, Василій Буслаевичъ!
Куда, молодецъ, поизволилъ погулять?"
Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, гости-корабельщики!
А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
Смолоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душу спасти;
А скажите вы, молодцы, мнѣ прямого пути
Ко святому граду Іерусалиму".
Отвѣчаютъ ему гости-корабельщики
„А и гой еси, Василій Буслаевичъ!
Прямымъ путемъ въ Іерусалимъ-градъ
Бѣжать семь недѣль,
А окольной дорогой полтора года.
На славномъ морѣ Каспійскіимъ,
На томъ острову на Куминскіимъ,
Стоитъ застава крѣпкая,
Стоятъ атаманы козачіе,
Но много, не мало ихъ—три тысячи;
Грабятъ бусы, галеры,
Разбиваютъ червлены корабли".
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
„А не вѣрю я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А и вѣрю въ свой червленой вязъ;
А бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ..."
Будутъ они во Ердань-рѣкѣ,
Бросали якори крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ.
Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ,
Со своею дружиною хороброю,
Въ Іерусалимъ-градъ;
Пришелъ во церкву соборную,
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя, Василія Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему:
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Что смолоду бито много, граблено.
И ко святой святынѣ приложился онъ,
И въ Ердани-рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ,
Даетъ золотой казны не считаючи.
И походитъ Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль.

Садко-богатый гость

Какъ по морю, морю синему
Бѣгутъ, прибѣгутъ тридцать кораблей,
Тридцать кораблей — единъ соколъ корабль
Самого Садки, гостя богатаго.
А всѣ корабли, что соколы летятъ,
Соколъ корабль на морѣ стоитъ;
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
„А ярыжки вы, люди наемные,
А наемны люди подначальные!
А въ мѣсто всѣ вы собирайтеся,
А и рѣжьте жеребья вы валжены,
А и всякъ-то пиши на имена,
И бросайте вы ихъ на сине море".—
Садко покинулъ хмелево перо,
И на немъ-то подпись подписана,
А и самъ Садко приговариваетъ:
„А ярыжки, люди вы наемные!

А слушайте рѣчи праведны;
А бросимъ мы ихъ на сине море,—
Которые по верху плывутъ,
А и тѣ бы душеньки правыя;
Что которые-то во морѣ тонутъ,
А мы тѣхъ спихнемъ во сине море“.
А всѣ жеребья по верху плывутъ,
Кабы яры гоголи по заводямъ,
Единъ жребій въ морѣ тонетъ,
Во морѣ тонетъ хмелево перо
Самого Садки, гостя богатаго.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
„Вы ярыжки, люди наемные,
А наемны люди подначальные!
А вы рѣжьте жеребья вѣтляные,
А пишите всякъ себѣ на имена,
А и самъ къ нимъ приговаривай:
А которы жеребья во морѣ тонутъ,
А и то бы душеньки правыя“.
А и Садко покинулъ жеребій булатной,
Синяго булата вѣдь заморскаго,
Вѣсомъ-то жеребій десять пудъ.
И всѣ жеребьи во морѣ тонутъ,
Единъ жеребій по верху плыветъ,
Самого Садки, гостя богатаго.
Говорилъ тутъ Садко купецъ, богатый гость:
„Вы ярыжки, люди наемные,
А наемны люди подначальные!
Я Садъ-Садко знаю, вѣдаю,
Бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ,
Тому царю заморскому
Не платилъ я дани, пошлины,
И во то сине море Хвалынское
Хлѣбъ съ солью не опускивалъ,
По меня Садку смерть пришла.
А вы, купцы, гости богатые,
А вы, цѣловальники любимые,
А и всѣ приказчики любимые,
Принесите шубу соболиную“.
И скоро Садко наряжается,
Беретъ онъ гусли звончаты
Со хороши струны золоты,
И беретъ онъ шахматницу дорогу
Со золоты тавлеями,
Со тѣми дороги, вальящаты.
И спущали сходню вѣдь серебряну,
Подъ краснымъ золотомъ;
Походилъ Садко купецъ, богатый гость,
Спущался онъ на сине море,
Садился на шахматницу золоту;
А и ярыжки, люди наемные,
А наемные люди, подначальные,
Утащили сходню серебряну,
И серебряну подъ краснымъ золотомъ,
Ее на соколъ-корабль,
А Садко остался въ синемъ морѣ,
А соколъ корабль по морю пошелъ.
И всѣ корабли какъ осколы летятъ,
А единъ корабль по морю бѣжитъ,
Какъ бѣлъ кречетъ,
Самого Садки, гостя богатаго.
Отца матери молитвы великія,
Самого Садки, гостя богатаго.
Подымалася погода тихая,
Понесло Садку, гостя богатаго.
Не видалъ Садко купецъ, богатый гость,
Ни горы, ни берегу.
Понесло его Садку къ берегу,
Онъ и самъ Садко туто дивуется.
Выходитъ Садко на круты береги,
Пошелъ Садко подлѣ синя моря,
Нашелъ онъ избу великую,
А избу великую во все дерево,
Нашелъ онъ двери — и въ избу вошелъ.
И лежитъ на лавкѣ Царь морской:
„А и гой еси ты, купецъ, богатый гость!
А что душа радѣла, того Богъ мнѣ далъ!
И ждалъ Садко двѣнадцать лѣтъ,
А нынѣ Садко головой пришелъ;
Поиграй, Садко, въ гусли звончаты“.
И сталъ Садко царя тѣшити,
Заигралъ Садко въ гусли звончаты,
А и Царь морской зачалъ скакать, зачалъ плясать —
И того Садку гостя богатаго
Напоилъ питьями разными.
Напивался Садко питьями разными,
И развалился Садко, и пьянъ онъ сталъ,
И уснулъ Садко купецъ, богатый гость,
И во снѣ пришелъ святитель Николай къ нему,
Говоритъ ему таковы рѣчи:

„Гой еси ты, Садко купецъ, богатый гость!
А рви ты свои струны золоты,
И бросай ты гусли звончаты,
Расплясался у тебя Царь морской,
А сине море всколебалося,
А и быстры рѣки разливалися,
Топятъ много бусы, корабли,
Топятъ души напрасныя
Того народа православнаго".
А и тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Изорвалъ онъ струны золоты,
И бросаетъ гусли звончаты;
Пересталъ Царь морской скакать и плясать,
Утихло море синее,
Утихли рѣки быстрыя,
А поутру сталъ туто Царь морской,
Онъ сталъ Садку уговаривать —
А и хочетъ Царь Садку женить
И привелъ ему тридцать дѣвицъ.
Никола ему во снѣ наказывалъ:
„Гой еси ты, купецъ, богатый гост,
А станетъ тебя женить Царь морской,
Приведетъ онъ тридцать дѣвицъ;
Не бери ты изъ нихъ хорошую, бѣлую, румяную.
Возьми ты дѣвушку поваренную;
Поваренную, что котора хуже всѣхъ"
А и тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Онъ думалъ — не продумался.
И беретъ онъ дѣвушку поваренную,
А котора дѣвушка похуже всѣхъ.
А и туто Царь морской
Положилъ Садку на подклѣтѣ спать.

. . . .

Отъ сна Садко пробуждался,
Онъ очутился подъ Новымъ-городомъ,
А лѣвая нога во Волхвѣ-рѣкѣ.
И скочилъ Садко, испужался онъ,
Взглянулъ Садко-онъ на Новгородъ,
Узналъ онъ церкву, приходъ свой,
Того Николу Можайскаго,
Перекрестился крестомъ своимъ.
И глядѣлъ Садко на Волхъ-рѣкѣ,—
Отъ того синя моря Хвалынскаго.
По славной матушкѣ Волхъ-рѣкѣ,
Бѣгутъ, побѣгутъ тридцать кораблей,
Единъ корабль самого Садки, гостя богатаго.
И встрѣчаетъ Садко купецъ, богатой гость,
Цѣловальниковъ любимыихъ.
Всѣ корабли на пристань стали,
Сходни метали на крутой берегъ,
И вышли цѣловальники на крутъ берегъ;
И тутъ Садко поклоняется:
„Здравствуйте, мои цѣловальники любимые
И приказчики хорошіе!"
И тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Со всѣхъ кораблей въ таможню положилъ
Казны своей сорокъ тысячей —
По три дня не осматривали.

ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПѢСЕНЪ

Петръ Великій

Еще было въ славной матушкѣ да въ каменной Москвѣ,
Ай вѣдь по небу-то было голубому,
Выкаталась-то луна, да луна свѣтлая,
Луна свѣтла, опекало солнце красное,
Што въ ту вѣдь все пору было во время
Зародился у насъ младенькой царевичъ-отъ,
Што по имени вѣдь Петръ да Алексѣевичъ,
Ночку не спали премудры разны плотнички,
Колыбелечку царевичу готовили,

Украшали вѣдь они да красным золотомъ.

Не спали ночью и нянюшки съ мамушками—все готовили наряды новорожденному. Царь на радостяхъ собралъ пиръ, на который съѣхались многіе цари. Три дня веселились гости.

Еще сталъ-то расти младъ царевичъ-отъ,
Онъ вѣдь скоро-то возрастаетъ тутъ
Возрастаетъ онъ да какъ скорехонько,
Еще сталъ у насъ да Петръ-отъ Первой-отъ,
Сталъ семи годовъ — да ему отъ роду
Какъ премудрой былъ царевичъ-отъ хитрой-мудрой,
Изучился-то онъ скоро Божьей грамотѣ,
Ко всему онъ изучился, чему надобно.

Наступило время жениться. Царь предлагаетъ ему выбирать невѣсту

Отвѣчаетъ царевичъ Петръ все Алексѣевичъ:
„Я жениться не хочу да въ каменной Москвѣ.
Ты построй-ко мнѣ-ка, батюшка, да славный городъ-отъ,
Питенбурхъ-отъ ты мнѣ сдѣлай славнымъ городомъ.
Я уѣду, тамъ дакъ буду жить-то я,
Буду жить-то я, владѣть своимъ дворцомъ.

Царь согласился и женилъ его

Онъ женилъ-то вѣдь его въ землѣ невѣрной,
Въ богатой онъ землѣ у короля швецкаго;
Онъ вѣдь бралъ-то тутъ Настасью Королевичну.

. . . .

Они съ той поры жили хорошо да безъ лиха.
Ихъ какъ жизнь-то вѣдь была, да какъ цвѣты цвѣли,
Какъ цвѣты-то цвѣли у нихъ лазуревы,
Какъ катился ихній вѣкъ, да какъ рѣка текла.

У нихъ родился царевичъ. На радостяхъ Петръ велѣлъ устроить пиръ. На пиру „премудрые люди" предупредили его, что царевичъ окажется измѣнникомъ.

„Ужъ ты гой еси, да нашъ бѣлый царь,
Ужъ ты бѣлой нашъ царь да Петръ ты Первой нашъ,
Изъ отечества же свѣтъ Алексѣевичъ!
Хошь растетъ-то у тебя твое-то чадо милое,
Твое мило растетъ чадушко любимое,
Онъ вѣдь сдѣлаетъ-то тебѣ, вѣрно, измѣнушку,
Онъ измѣнушку тебѣ, да онъ твоей вѣрѣ,
Онъ вѣдь будетъ править вѣрушку старинную
Онъ старинну будетъ вѣру богомольную,
Богомольную хранить вѣрушку спасенную!.."

Выросши царевичъ постоянно грустилъ. На вопросъ отца о причинѣ тоски, царевичъ отвѣчалъ:

„Мнѣ ночесь мало спалось да много видѣлось.
Прилетѣло-то, пришло будто два ангела,
Што два ангела мнѣ-ка, два хранителя;
Говорятъ они про вѣру, про спасенную,
Про спасенную про вѣру богомольную.
Называли то меня младымъ царевичемъ,
Говорятъ-то все они мнѣ-ка, разсказывали:
Какъ теперича живешь хоть ты наслѣдничкомъ,
Когда будешь жить-то ты царемъ царить,

Ты царемъ будешь царить, да слыть все бѣлымъ-то.
Не держи-ко ты, не вѣруй вѣрѣ папиной,
Ты не вѣруй-ко еще да вѣрѣ дѣдовой;
Оврати-ко ты вѣдь вѣрушку къ себѣ назадъ,
Ты повѣруй-ко-се въ вѣру ту все въ правдѣдка".

За эти рѣчи Петръ посадилъ сына въ темницу.

Говоритъ-то самъ вѣдь таковы слова:
„Придержу-ту я его хошь трои суточки,
Я въ той ли продержу да въ темной темницѣ,
Не повѣруетъ ли онъ да въ вѣру нонѣшну?"

Царевичъ не уступалъ убѣжденіямъ отца; въ гнѣвѣ тотъ схватилъ саблю, чтобы зарубить сына, но въ это время вошла царица.

Што идетъ-то она, слезно уливается:
„Ужъ ты гой еси, мой да супругъ милой ты,
Ужъ ты милой ты мой да все любимой ты!
Дай сказать мнѣ хошь единое словечушко!
Нѣту, нѣту такихъ правъ да на Святой Руси, —
Не отсѣкаютъ-то цари да буйны головы!
Ты вѣдь хочешь отсѣчи у сына да у любимаго,
Разорить ты вѣдь хошь да свое царство все!"
Тутъ стопталъ-то царь ногами-ти все рѣзвыма.

Царевичъ испугался и умеръ отъ испуга.

Вѣдь заплакала царица Королевична:
„Какъ потухла-то у меня свѣча все воску ярова,
Со восточну ту стороночку упала съ неба звѣздочка!
Укатилась-то у меня виноградинка,
Виноградинка моя да сладка ягодка!"

Петръ похоронилъ царевича, а царевну отправилъ въ монастырь „спасеный".

Онъ вѣдь съ тѣхъ-то поръ да нашъ Петръ Первой-отъ,
Повелась-то его жизнь все не на радости,
Не на радости пошла, не на весельицѣ.

Прошло шесть лѣтъ; царь нарядился плотникомъ и пошелъ работать; стряпухой у плотниковъ была „вдова прекрасная".

Какъ по имени-то все Екатерина-то,
Изъ отечества была все Алексѣевна!

Царь сталъ свататься. Екатерина согласилась идти за него. Въ день вѣнчанія была дурная погода. Священникъ, не знавшій кого онъ вѣнчаетъ, сталъ выговаривать Петру, зачѣмъ онъ выбралъ такой день. Петръ далъ ему много золота.

„Ты бери, бери, да кольки дано тутъ,
Овѣнчай ты тольки царя бѣлаго,
Царя бѣлаго меня да Алексѣевича!"
Скидавалъ-то онъ свое платье плотниково;
Да увидѣли тогда-то, што тутъ бѣлой царь.
Еще попъ-отъ вѣдь да испугался тутъ
За свои-ти вѣдь онъ да за грубы рѣчи;
Екатерина Алексѣевна да чуть въ умѣ стоитъ,
Чуть въ умѣ она стоитъ, да изъ глазъ слезы льетъ.
Подломились-то у ней да ножки рѣзвыя,
Опупали то у ей да ручки бѣлыя.
Еще тутъ они да повѣнчалися.

СКАЗКИ

Кощей безсмертный.

Жилъ-былъ царь, у него былъ одинъ сынъ. Когда царевичъ былъ малъ, то мамки и няньки его прибаюкивали: „Баю-баю, Иванъ-царевичъ! выростешь большой, найдешь себѣ невѣсту: за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ сидитъ въ башнѣ Василиса Кирбитьевна — изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается“. Минуло царевичу пятнадцать лѣтъ, сталъ у отца проситься поѣхать-поискать свою невѣсту. —„Куда ты поѣдешь? ты еще слишкомъ малъ!“ — „Нѣтъ, батюшка! когда я малъ былъ, мамки и няньки меня прибаюкивали и сказывали, гдѣ живетъ моя невѣста; а теперь я поѣду ее разыскивать“. Отецъ благословилъ его и далъ знать по всѣмъ государствамъ, что сынъ его Иванъ-царевичъ поѣхалъ за невѣстою. Вотъ пріѣзжаетъ царевичъ въ одинъ городъ, отдалъ убрать свою лошадь, а самъ пошелъ по улицамъ погулять. Идетъ и видитъ — на площади человѣка кнутомъ наказываютъ. — „За что, — спрашиваетъ, — вы его кнутомъ бьете?“ — „А за то, — говорятъ, — что задолжалъ онъ одному именитому купцу десять тысячъ, да въ срокъ не выплатилъ; а кто его выкупитъ, у того Кощей Безсмертный жену унесетъ. Вотъ царевичъ подумалъ-подумалъ и прочь пошелъ. Погулялъ по городу, выходитъ опять на площадь, а того человѣка все бьютъ; жалко стало Ивану-царевичу, и рѣшился онъ его выкупить. — „У меня, думаетъ, — жены нѣту; отнять у меня некого“. Заплатилъ десять тысячъ и пошелъ домой: вдругъ бѣжитъ за нимъ тотъ самый человѣкъ, котораго онъ выкупилъ, и кричитъ ему: — Спасибо, Иванъ-царевичъ! еслибъ ты меня не выкупилъ, ввѣкъ бы не досталъ своей невѣсты. А теперь я помогу: купи мнѣ скорѣе лошадь и сѣдло“. Царевичъ купилъ ему лошадь и сѣдло и спрашиваетъ: — „А какъ твое имя?“ —„Меня зовутъ Булатъ-молодецъ“. Сѣли они на коней и поѣхали въ путь-дорогу; какъ только пріѣхали въ тридесятое государство, говоритъ Булатъ-молодецъ: — „Ну, Иванъ-царевичъ, прикажи купить да нажарить куръ, утокъ, гусей, — чтобъ всего было довольно! а я пойду твою невѣсту доставать. Да смотри; всякій разъ, какъ я забѣгу къ тебѣ, ты рѣжь у любой птицы правое крылушко и подавай на тарелочкѣ“. Пошелъ Булатъ-молодецъ прямо къ высокой башнѣ, гдѣ сидѣла Василиса Кирбитьевна; бросилъ полегоньку камушкомъ и сломилъ у башни золоченый верхъ. Прибѣгаетъ къ Ивану-царевичу, говоритъ ему: — „Что ты спишь? подавай курицу“. Тотъ отрѣзалъ правое крылушко и подалъ на тарелочкѣ. Булатъ-молодецъ взялъ тарелочку, побѣжалъ къ башнѣ и закричалъ: — Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и просилъ меня отдать вамъ эту курочку“. Она испугалась, сидитъ — ничего не говоритъ; а онъ самъ за

нее отвѣчаетъ: — Здравствуй, Булатъ-молодецъ! здоровъ ли Иванъ-царевичъ?" — „Слава Богу, здоровъ!" — „А что же ты, Булатъ-молодецъ, стоишь? возьми ключикъ, отопри шкапчикъ, выпей рюмочку и ступай съ Богомъ". Прибѣгаетъ Булатъ-молодецъ домой и опять говоритъ Ивану-царевичу: — „Что сидишь? подавай гуся". Тотъ отрѣзалъ правое крылушко, положилъ въ тарелочку и подалъ ему. Булатъ-молодецъ взялъ и понесъ къ башнѣ: — Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и прислалъ вамъ гуся". Василиса Кирбитьевна тотчасъ беретъ ключъ, отпираетъ шкапъ и подаетъ рюмку водочки. Булатъ-молодецъ не берется за рюмку, а хватаетъ дѣвицу за праву руку; вытащилъ ее изъ башни, посадилъ къ Ивану-царевичу на лошадь, и поскакали они, добрые молодцы, съ душой красной дѣвицей во всю конскую прыть. Поутру встаетъ-просыпается царь Кирбитъ, видитъ, что у башни верхъ сломанъ, а дочь его похищена, сильно разгнѣвался и приказалъ послать погоню по всѣмъ путямъ и дорогамъ. Много ли, мало ли ѣхали наши витязи — Булатъ-молодецъ снялъ съ руки свой перстень, спряталъ его и говоритъ; — „Поѣзжай, Иванъ-царевичъ! а я назадъ ворочусь, поищу перстень". Василиса Кирбитьевна начала его упрашивать: — „Не оставляй насъ, Булатъ-молодецъ! хочешь, я тебѣ свой перстень подарю". Онъ отвѣчаетъ: — „Никакъ нельзя, Василиса Кирбитьевна! моему перстню цѣны нѣтъ — мнѣ дала его родная матушка; какъ давала, приговаривала! носи — не теряй, мать не забывай!" Поскакалъ Булатъ-молодецъ назадъ и повстрѣчалъ на дорогѣ погоню; онъ тотчасъ всѣхъ перебилъ, оставилъ только единаго человѣка, чтобъ было кому царя повѣстить, а самъ поспѣшилъ нагнать Ивана-царевича. Много ли, мало ли они ѣхали — Булатъ-молодецъ запряталъ свой платокъ и говоритъ: — „Ахъ, Иванъ-царевичъ! я платокъ потерялъ; поѣзжайте вы путемъ-дорогою, я васъ скоро опять нагоню". Повернулъ назадъ, отъѣхалъ нѣсколько верстъ и повстрѣчалъ погоню вдвое больше, перебилъ всѣхъ и вернулся къ Ивану-царевичу. Тотъ спрашиваетъ: — „Нашелъ ли платокъ?" — „Нашелъ". Настигала ихъ темная ночь; раскинули они шатеръ, Булатъ-молодецъ легъ спать и Ивана-царевича на караулъ поставилъ и говоритъ ему: — „Каковъ случай — разбуди меня!" Тотъ стоялъ-стоялъ — утомился, началъ клонить его сонъ, онъ присѣлъ у шатра и заснулъ. Откуда ни взялся Кощей Безсмертный унесъ Василису Кирбитьевну. На зарѣ очнулся Иванъ-царевичъ; видитъ, что нѣтъ его невѣсты, и горько заплакалъ. Просыпается и Булатъ-молодецъ, спрашиваетъ его: — „Что плачешь?" — „Какъ мнѣ не плакать? кто-то унесъ Василису Кирбитьевну". —„Я же тебѣ говорилъ: стой на караулѣ! Это дѣло Кощея Безсмертнаго; поѣдемъ искать". Долго-долго они ѣхали, смотрятъ: два пастуха стадо пасутъ. — „Чье это стадо?" Пастухи отвѣчаютъ: — „Кощея Безсмертнаго". Булатъ-молодецъ и Иванъ-царевичъ выспросили пастуховъ, далеко-ль Кощей живетъ, какъ туда проѣхать, когда они со стадомъ домой ворочаются и куда его запираютъ? Потомъ слѣзли съ лошадей, свернули пастухамъ головы, нарядились въ ихъ платье и погнали стадо домой; пригнали и стали у воротъ. У Ивана-царевича былъ на рукѣ золотой перстень — Василиса Кирбитьевна ему подарила; а у Василисы Кирбитьевны была коза — отъ той козы молокомъ она утромъ и вечеромъ умывалась. Прибѣжала дѣвушка съ чашкой, подоила козу, и несетъ молоко, а Булатъ-молодецъ взялъ у царевича перстень и бросилъ въ чашку. — „Э, голубчики! —

говоритъ дѣвушка, — вы озорничать стали!“ Приходитъ къ Василисѣ Кирбитьевнѣ и жалуется: — „Нониче пастухи надъ нами насмѣхаются, бросали въ молоко перстень!“ Та отвѣчаетъ: — „Оставь молоко, я сама процѣжу“. Стала цѣдить, увидала свой перстень, и велѣла послать къ себѣ пастуховъ. Пастухи пришли, — „Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна!“ — говоритъ Булатъ-молодецъ! здравствуй, царевичъ! какъ васъ Богъ сюда занесъ?“ — „За вами, Василиса Кирбитьевна, пріѣхали, вы отъ насъ нигдѣ не скроетесь: хоть на днѣ моря, и то отыщемъ;“ Она ихъ за столъ усадила, всякими яствами накормила и винами напоила. Говоритъ ей Булатъ-молодецъ: — „Какъ пріѣдетъ Кощей съ охоты, разспросите его, Василиса Кирбитьевна, гдѣ его смерть? А теперь не худо намъ спрятаться“. Только-что гости успѣли спрятаться, прилетаетъ Кощей Безсмертный. — „Фу-фу, — говоритъ, — прежде русскаго духу не было слыхать, видомъ не видать, а ноничe русской духъ въ-очью является, въ уста бросается“. Отвѣчаетъ ему Василиса Кирбитьевна: — „Самъ ты по Руси налетался, русскаго духа нахватался, такъ онъ тебѣ и здѣсь чудится!“ Кощей пообѣдалъ и легъ отдыхать; пришла къ нему Василиса Кирбитьевна, кинулась на шею, миловала-цѣловала, сама приговаривала: — „Другъ ты мой милой! насилу дождалась тебя; ужъ не чаяла въ живыхъ увидать — думала, что тебя лютые звѣри съѣли!“ Кощей засмѣялся: — Дура-баба — волосъ долог, да умъ коротокъ: развѣ могутъ меня лютые звѣри съѣсть?“ — „Да гдѣ жъ твоя смерть?“ — „Смерть моя въ голикѣ подъ порогомъ валяется“. Какъ скоро Кощей улетѣлъ, Василиса Кирбитьевна побѣжала къ Ивану-царевичу. Спрашиваетъ ее Булатъ-молодецъ: — „Ну, гдѣ смерть Кощеева?“ — Въ голикѣ подъ порогомъ валяется“ — Нѣтъ, это онъ нарочно вретъ! надо разспросить его похитрѣе“. Василиса Кирбитьевна тотчасъ придумала: взяла голикъ, вызолотила, разными лентами украсила и положила на столъ. Вотъ прилетѣлъ Кощей Безсмертный, увидалъ на столѣ вызолоченный голикъ и спрашиваетъ: — „Зачѣмъ это сдѣлано?“ — „Какъ же можно, — отвѣчала Василиса Кирбитьевна, — чтобъ твоя смерть подъ порогомъ валялась; пусть лучше на столѣ лежитъ!“ — „Ха-ха-ха, баба-дура! волосъ длиненъ, да умъ коротокъ; развѣ здѣсь моя смерть?“ — „А гдѣ же!“ — „Моя смерть въ козлѣ запрятана“. Василиса Кирбитьевна, какъ только Кощей на охоту уѣхалъ, взяла, убрала козла лентами да бубенчиками, а рога ему вызолотила. Кощей увидалъ, опять разсмѣялся: — „Эхъ, баба-дура! волосъ длиненъ, да умъ коротокъ; моя смерть далече: на морѣ-на-окіянѣ есть островъ, на томъ на островѣ дубъ стоитъ, подъ дубомъ сундукъ зарытъ, въ сундукѣ — заяцъ, въ зайцѣ — утка, въ уткѣ — яйцо, а въ яйцѣ — моя смерть!“ Сказалъ и улетѣлъ. Василиса Кирбитьевна пересказала все это Булату-молодцу да Ивану-царевичу; они взяли съ собой запасу и пошли отыскивать Кощееву смерть. Долго ли, коротко ли шли, запасъ весь пріѣли и начали голодать. Попадается имъ собака со щенятами. — „Я ее убью, — говоритъ Булатъ-молодецъ, — намъ ѣсть больше нечего“. — Не бей меня, — проситъ собака, — не дѣлай моихъ дѣтокъ сиротами: я тебѣ сама пригожусь!“ — „Ну, Богъ съ тобой“. Идутъ дальше — сидитъ на дубу орелъ съ орлятами. Говоритъ Булатъ-молодецъ: — „Я убью орла!“ Отвѣчаетъ орелъ: — Не бей меня, не дѣлай моихъ дѣтокъ сиротами: я тебѣ самъ пригожусь!“ — Такъ и быть, живи на здоровье!“ Подходятъ къ окіанъ-морю широкому, на берегу ракъ ползетъ. Говоритъ Булатъ-молодецъ:

— „Я его пришибу!“ Отвѣчаетъ ракъ: — „Не бей меня, добрый молодецъ! во мнѣ корысти немного, хоть съѣшь — сытъ не будешь. Придетъ время — я и самъ пригожусь!“ — „Ну, ползи съ Богомъ!“ — сказалъ Булатъ-молодецъ, посмотрѣлъ на море, увидалъ рыбака въ лодкѣ и крикнулъ: „Причаливай къ берегу!“ Рыбакъ подалъ лодку: Иванъ-царевичъ да Булатъ-молодецъ сѣли и поѣхали къ острову; добрались до острова и пошли къ дубу. Булатъ-молодецъ ухватилъ дубъ могучими руками и съ корнемъ вырвалъ: досталъ изъ-подъ дуба сундукъ, открылъ его — изъ сундука выскочилъ заяцъ и побѣжалъ что есть духу. „Ахъ, — вымолвилъ Иванъ-царевичъ, — еслибъ на эту пору собака была, она бъ зайца поймала!“ Глядь — а собака ужъ тащитъ зайца. Булатъ-молодецъ взялъ его разорвалъ — изъ него вылетѣла утка и высоко поднялась въ поднебесье. — „Ахъ, — вымолвилъ Иванъ-царевичъ, — еслибъ на эту пору да орелъ былъ, онъ бы поймалъ утку!“ — а орелъ ужъ несетъ утку! Булатъ-молодецъ разорвалъ утку — изъ утки выкатилось яйцо и упало въ море. —„Ахъ, — сказалъ царевичъ, — еслибъ ракъ его вытащилъ!“ — а ракъ ужъ ползетъ, яйцо тащитъ. Взяли они яйцо, пріѣхали къ Кощею Безсмертному, ударили его тѣмъ яйцомъ въ лобъ — онъ тотчасъ растянулся и умеръ. Бралъ Иванъ-царевичъ Василису Кирбитьевну и поѣхали въ дорогу.

Ѣхали-ѣхали; настигла ихъ темная ночь, раскинули шатеръ Василиса Кирбитьевна спать легла. Говоритъ Булатъ-молодецъ:—„Ложись и ты, царевичъ, а я буду на часахъ стоять“. Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и сдѣлались двѣнадцать дѣвицъ: — „Ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! — убили вы нашего брата Кощея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстушку Василису Кирбитьевну; не будетъ и вамъ добра; какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою собачку любимую, она вырвется у псаря, разорветъ царевича на мелкія части, а кто это слышитъ да ему скажетъ, тотъ по колѣна будетъ каменный!“ — Поутру Булатъ-молодецъ разбудилъ царевича и Василису Кирбитьевну, собрались и поѣхали въ путь-дорогу. Настигла ихъ вторая ночь; раскинули шатеръ въ чистомъ полѣ. Опять говоритъ Булатъ-молодецъ: — „Ложись спать, Иванъ-царевичъ, а я буду караулить“. Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и стали двѣнадцать дѣвицъ: — „Ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ!—убили вы нашего брата Кощея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстушку Василису Кирбитьевну; не будетъ и вамъ добра: какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести своего любимаго коня, на которомъ съизмала привыкъ кататься, конь вырвется у конюха и убьетъ царевича до смерти. А кто это слышитъ, да ему скажетъ, тотъ будетъ по поясъ каменный! — Настало утро, опять поѣхали. Настигла ихъ третья ночь; разбили шатеръ и остановились въ чистомъ полѣ. Говоритъ Булатъ-молодецъ: — „Ложись спать, Иванъ-царевичъ, а караулить я буду“. Опять въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и стали двѣнадцать дѣвицъ: — „Ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! убили вы нашего брата Кощея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстушку Василису Кирбитьевну, да и вамъ добра не нажить: какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою любимую корову, отъ которой съизмала молочкомъ питался, она вырвется у скот-

ника и подниметъ царевича на рога. А кто насъ видитъ и слышитъ, да ему скажетъ, то весь будетъ каменный". — Сказали, обернулись голубицами и улетѣли. Поутру проснулся Иванъ-царевичъ съ Василисой Кирбитьевной и отправились въ дорогу. Пріѣхалъ царевичъ домой, женился на Василисѣ Кирбитьевнѣ и спустя день или два говоритъ ей: — „Хочешь я покажу тебѣ мою любимую собачку? когда я былъ маленькой — все съ ней забавлялся". Булатъ-молодецъ взялъ свою саблю, наточилъ остро, остро и сталъ у крыльца. Вотъ ведутъ собачку; она вырвалась у псаря, прямо на крыльцо бѣжитъ, а Булатъ-молодецъ махнулъ саблею и разрубилъ ее пополамъ. Иванъ-царевичъ на него разгнѣвался, да за старую службу промолчалъ — ничего не сказалъ. На другой день приказалъ онъ вывести своего любимаго коня; конь перервалъ арканъ, вырвался у конюха и скачетъ прямо на царевича. Булатъ-молодецъ отрубилъ коню голову. Иванъ-царевичъ еще пуще разгнѣвался, приказалъ было схватить его и повѣсить, да Василиса Кирбитьевна упросила: — „Если-бъ не онъ, — говоритъ — ты-бъ меня никогда не досталъ". На третій день велѣлъ Иванъ-царевичъ вывесть свою любимую корову; она вырвалась у скотника и бѣжитъ прямо на царевича. Булатъ-молодецъ отрубилъ и ей голову. Тутъ Иванъ-царевичъ такъ озлобился, что никого и слушать не сталъ; приказалъ позвать палача и немедленно казнить Булата-молодца. — „Ахъ, Иванъ-царевичъ! коли ты хочешь меня палачемъ казнить, такъ лучше я самъ помру. Позволь только три рѣчи сказать..."— Разсказалъ Булатъ-молодецъ про первую ночь, какъ въ чистомъ полѣ прилетали двѣнадцать голубицъ и что ему говорили — и тотчасъ окаменѣлъ по колѣна; разсказалъ про другую ночь — и окаменѣлъ по поясъ. Тутъ Иванъ-царевичъ началъ его упрашивать, чтобъ до конца не договаривалъ. Отвѣчаетъ Булатъ-молодецъ:—„Теперь все равно — на половину окаменѣлъ, такъ не стоитъ жить!" — Разсказалъ про третью ночь и оборотился весь въ камень. Иванъ-царевичъ поставилъ его въ особой палатѣ, и каждый день сталъ ходить туда съ Василисой Кирбитьевной да горько плакаться. Много прошло годовъ; разъ какъ-то плачется Иванъ-царевичъ надъ камнемъ Булатомъ-молодцомъ и слышитъ изъ камня голосъ раздается:— „Что ты плачешь? мнѣ и такъ тяжело!" — „Какъ мнѣ не плакать? вѣдь я тебя загубилъ". — „Если хочешь, можешь меня спасти: у тебя есть двое дѣтей — сынъ и дочь, возьми ихъ, зарѣжь, нацѣди крови, и той кровью помажь камень". Иванъ-царевичъ разсказалъ про то Василисѣ Кирбитьевнѣ. Потужили они, погоревали и рѣшились зарѣзать своихъ дѣтей. Взяли ихъ — зарѣзали, нацѣдили крови и только помазали камень — какъ Булатъ-молодецъ ожилъ. Спрашиваетъ онъ у царевича и его жены — „Что, вамъ жалко своихъ дѣтокъ?" — Жалко, Булатъ-молодецъ! — „Ну, пойдемъ въ ихъ комнату". Пришли, смотрятъ, — а дѣти живы. Отецъ съ матерью обрадовались и на радостяхъ задали пиръ на весь міръ. На томъ пиру и я былъ, медъ и вино пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало, на душѣ пьяно и сытно стало.

Иванушка-дурачокъ.

Былъ-жилъ старикъ со старухою; у нихъ было три сына;двое — умные, третій — Иванушка-дурачокъ. Умные-то овецъ въ полѣ пасли, а дуракъ ничего не дѣлалъ, все на печкѣ сидѣлъ да мухъ ловилъ. Въ одно время наварила старуха аржаныхъ клецокъ, и говоритъ дураку: „на-ка, снеси эти клецки братьямъ, пусть поѣдятъ". Налила полный горшокъ и дала ему въ руки; побрелъ онъ къ братьямъ. День былъ солнечный; только вышелъ Иванушка за околицу, увидалъ свою тѣнь сбоку, и думаетъ: „Что это за человѣкъ со мной рядомъ идетъ? ни на шагъ не отстаетъ: вѣрно клецокъ захотѣлъ!" И началъ онъ бросать на свою тѣнь клецки, — такъ всѣ до единой и повыкидалъ; смотритъ, а тѣнь все сбоку идетъ: „Эка ненасытная утроба!" сказалъ дурачокъ съ сердцемъ, и пустилъ въ нее горшкомъ — разлетѣлись черепки въ разныя стороны. Вотъ приходитъ съ пустыми рукати къ братьямъ; тѣ его спрашиваютъ: „Ты, дуракъ, зачѣмъ?" — Вамъ обѣдъ принесъ: „Гдѣ же обѣдъ? давай живѣе". — Да вишь, братцы, привязался ко мнѣ дорогою незнамо-какой человѣкъ, да все и поѣлъ! „Какой такой человѣкъ?" — Вотъ онъ! и теперь рядомъ стоитъ! Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овецъ пасти, а сами ушли на деревню обѣдать. Принялся дурачокъ пасти: видитъ, что овцы разбрелись по полю, давай ихъ ловить да глаза выдирать — всѣхъ переловилъ, всѣмъ глаза выдолбилъ. Собралъ стадо въ одну кучу, и сидитъ себѣ радехонекъ, словно дѣло сдѣлалъ. Братья пообѣдали, воротились въ поле: „что ты дуракъ, натворилъ? отчего стадо слѣпое?" — Да почто имъ глаза-то?Какъ ушли вы, братцы, овцы-то врозь разсыпались; я и придумалъ; сталъ ихъ ловить, въ кучу сбирать, глаза выдирать; во какъ умаялся! „Постой-еще не такъ умаешься!" говорятъ братья, и давай угощать его кулаками; порядкомъ-таки досталось дураку на орѣхи!

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушку-дурачка въ городъ къ празднику по хозяйству закупать. Всего закупилъ Иванушка: и столъ купилъ, и ложекъ, и чашекъ, и соли; цѣлый возъ навалилъ всякой всячины. Ѣдетъ домой, а лошаденка была такая, знать, неудалая, везетъ — не везетъ! „А что, думаетъ себѣ Иванушка, вѣдь у лошади четыре ноги, и у стола тожъ четыре; такъ столъ-этъ и самъ добѣжитъ!" Взялъ столъ и выставилъ на дорогу. Ѣдетъ-ѣдетъ, близко ли, далеко ли, а вороны такъ и вьются надъ нимъ да все каркаютъ. „Знать сестрицамъ поѣсть-покушать охота, что такъ раскричались!" подумалъ дурачокъ; выставилъ блюда съ ѣствами на земь и началъ потчивать: „Сестрицы голубушки! кушайте на здоровье". А самъ все впередъ да впередъ подвигается. Ѣдетъ Иванушка перелѣскомъ; по дорогѣ все пни обгорѣлые. „Эхъ, думаетъ, ребята-то безъ шапокъ; вѣдь озябнутъ сердечные. Взялъ — понадѣвалъ на нихъ горшки да корчаги. Вотъ доѣхалъ Иванушко до рѣки, давай лошадь поить, а она не пьетъ. „Знать безъ соли не хочетъ!" и ну солить воду. Высыпалъ полонъ мѣшокъ соли, лошадь все не пьетъ. „Что жъ ты не пьешь, волчье мясо! развѣ задаромъ я мѣшокъ соли высыпалъ?" Хватилъ ее полѣномъ да прямо въ голову, и убилъ на-повалъ. Остался у Иванушки одинъ кошель съ ложками, да и тотъ на себѣ понесъ. Идетъ; ложки назади такъ и брякаютъ:

брякъ, брякъ, брякъ! а онъ думаетъ, что ложки-то говорятъ: „Иванушка-дуракъ!“ бросилъ ихъ, и ну топтать да приговаривать: „Вотъ вамъ Иванушка-дуракъ! вотъ вамъ Иванушка-дуракъ! Еще вздумали дразнить, негодныя!“ Воротился домой и говоритъ братьямъ: „Все искупилъ братики!“ — Спасибо дуракъ, да гдѣ жъ у тебя закупки-то? „А столъ-отъ бѣжитъ, да знать отсталъ, изъ блюдъ сестрицы кушаютъ, горшки да корчаги ребятамъ въ лѣсу на головы понадѣвалъ, солью-то пиво лошади посолилъ, а ложки дразнятся — такъ я ихъ по дорогѣ покинулъ“. — Ступай, дуракъ, поскорѣе! собери все, что разбросалъ по дорогѣ. Иванушка пошелъ въ лѣсъ, снялъ съ обгорѣлыхъ пней корчаги, повышибалъ днища и надѣлъ на батогъ корчагъ съ дюжину — всякихъ: и большихъ, и малыхъ. Несетъ домой. Отколотили его братья; поѣхали сами въ городъ за покупками, а дурака оставили дома домовничать. Слушаетъ дуракъ, а пиво въ кадкѣ такъ и бродитъ, такъ и бродитъ. „Пиво не броди! дурака не дразни!“ говоритъ Иванушко. Нѣтъ, пиво не слушается; взялъ да и выпустилъ все изъ кадки, самъ сѣлъ въ корыто, по избѣ разъѣзжаетъ да пѣсенки распѣваетъ.

Пріѣхали братья, крѣпко осерчали, взяли Иванушку—зашили въ куль и потащили къ рѣкѣ. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать. На ту пору ѣхалъ какой-то баринъ мимо на тройкѣ бурыхъ; Иванушка и ну кричать: „Садятъ меня ни воеводство судить да рядить, а я ни судить ни рядить не умѣю!“ — Постой, дуракъ! сказалъ баринъ; я умѣю судить и рядить; вылѣзай изъ куля! Иванушка вылѣзъ изъ куля, зашилъ туда барина, а самъ сѣлъ въ повозку и уѣхалъ изъ виду. Пришли братья, спустили куль подъ ледъ, и слушаютъ, а въ водѣ такъ и буркаетъ. „Знать бурка ловитъ!“ проговорили братья и побрели домой. Навстрѣчу имъ, откуда не возьмись, ѣдетъ на тройкѣ Иванушка, ѣдетъ да прихвастываетъ: „Вотъ-ста какихъ я поймалъ лошадушекъ! а еще остался тамъ сивко—такой славный!“ Завидно стало братьямъ; говорятъ дураку: „зашивай теперь насъ въ куль да спускай поскорѣй въ пролубъ! Не уйдетъ отъ насъ сивко“... Опустилъ ихъ Иванушко-дурачокъ въ пролубъ и погналъ домой пиво допивать да братьевъ поминать. Былъ у Иванушки колодецъ, въ колодцѣ рыба елецъ, а моей сказкѣ конецъ.

ИЗЪ ДУХОВНЫХЪ СТИХОВЪ

О страшномъ судѣ Христовомъ

А какъ жили мы, грѣшници, на вольномъ свѣту,
Пили мы, ѣли и тѣшилися,
Тѣлесамъ своимъ всегда мы угоживали:
На свою душу грѣховъ много накладывали,
Ничево себѣ добра не дѣлывали,
Не имѣли ни среды, ни пятницы,
Ни тридневнаго Христова Воскресенія,
Ни святыхъ его великихъ праздниковъ,
Ко святымъ Божіимъ церквамъ не прихаживали.

. . . .

Отвѣтъ давать Самому Христу,
На страшномъ Его на пришествіи.

А кто не слыхалъ страха Христова,
Страха Христова, суда Божія?
А кто у насъ во плоти у Христа?
А во плоти у насъ свѣтъ Илія Пророкъ.
Сходили они на гору Фаворскую
Съ самимъ Христомъ Сыномъ Божіимъ.
Показалъ ему самъ Господь муку и рай,
Гдѣ грѣшникамъ и гдѣ праведникамъ.
А праведнымъ мѣсто уготовано —
Пресвѣтлое царство небесное.
А грѣшникамъ мѣсто уготовано —
Прелютыя муки разноличныя:
Гдѣ ворамъ, гдѣ татямъ, гдѣ разбойникамъ,
А гдѣ пьяницамъ, гдѣ корчемникамъ.
А такіе пойдутъ въ великій страхъ,
Разбойницы пойдутъ въ грозу лютую,
А чародѣи отъидутъ во тяжкій смрадъ,
И ясти ихъ будутъ змѣи лютыя;
Сребролюбцамъ мѣсто — неусыпный червь,
А мразъ зѣло лютъ будетъ немилостивымъ,
А убійцамъ будетъ скрежетъ зубный,
А пьяницы въ смолу горящую,
Смѣхотворцы и глумословцы на вѣчный плачъ —
И всякому будетъ по дѣламъ его,
По дѣламъ будетъ мука и рай.
Тогда будетъ судъ немилостивъ.
Немилостивъ будетъ ко грѣшникамъ
Судитъ судія самъ небесный Царь,
Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій
На страшномъ прегрозномъ престолѣ своемъ,
И около станутъ полки архангельскіе,
Одесную Царя всѣ святіи Его,
По лѣвую страну много грѣшниковъ
Въ великомъ страхѣ и ужасѣ.
Отъ востока течетъ рѣка огненная,
Течетъ она и до запада,
Пожжетъ она землю и каменіе
И вси древа да и звѣріе,
И птицы пернатыя воздушныя.
Тогда вся земля потрясется
И небо въ свитки совіется все;
И звѣзды съ небесъ спадутъ на землю, —
Спадутъ они, яко листвіе,
Солнце и мѣсяцъ потемнѣютъ
Отъ великаго страха и ужаса,
И сами тѣ ангели ужаснутся,
Увидючи муки прелютыя,
Самому сатанѣ уготованныя
Со діаволи и со грѣшники,
И тамо имъ будетъ мучиться
И во вѣки вѣки безконечныя,
А праведнымъ будетъ радость велія.
И идутъ они во прекрасный рай,
Поютъ они пѣсни херувимскія,
Все гласы поютъ архангельскіе,
Величаютъ Христа, Царя небеснаго,
Самого Царя всѣхъ Создателя,
Со отцомъ и Духомъ въ Троицы,
Присно славима и поклоняема,
И Божію Матерь Богородицу,
Марію Царицу-Владычицу.
А грѣшные беззаконные рабы
Завидѣли Царицу Богородицу
И свѣта Михаила Архангела
Со всѣми небесными силами
И святыхъ великихъ апостоловъ,
Святитель и мученикъ
И всѣхъ полковъ святыхъ — святыхъ Божіихъ,
Закричали во многіе голосы:
„Гой еси Царица Владычица
И свѣтъ Михайла, Архангелъ Господень,
Со всѣми небесными силами,
И вси пророци и апостоли
И святые святители и мученицы
И всѣ угодницы Божіи, —
Припадите вы къ престолу страшному,
Пролейте вы слезы умильныя,
Къ самому Судіи небесному
За насъ убогихъ грѣшниковъ,
Чтобы онъ до насъ былъ, свѣтъ, милостивъ,
Не послалъ бы насъ въ муки прелютыя."
Речетъ къ нимъ Михайло, Архангелъ Господень:

„Гой еси вы многіе грѣшницы!
А злѣ Судія у насъ праведный,
Сами Христосъ Царь грозный,
И судитъ судъ по дѣломъ всѣхъ.
И азъ, воевода небесныхъ силъ,
Всегда творю повелѣнное,
Что велѣно мнѣ отъ Самого Христа.
И нынѣ вы веце молитеся,
И безутѣшно своя слезы проливаете
Не будетъ вамъ здѣ уже милости
За ваше житіе самовольное,
Что жили вы тамо на вольномъ свѣту,
Грѣхи ко грѣхомъ прилагаючи,
А страшнаго суда забываючи
И вѣчнаго житія не вспоминаючи.
О своихъ вы грѣхахъ не плакалися;
Да тѣмъ вы Бога прогнѣвали,
И нынѣ нѣсть вамъ прощенія.
Уже здѣ Судія до васъ немилостивъ,
Подите вы вси въ муки вѣчныя
Со діаволомъ на вѣки мучитися".
Тогда, се услышавши, грѣшницы
Возрыдаютъ они съ воплемъ великимъ
Къ Самому Христу, Царю небесному
И съ кровавыми слезами возмолятся,
„Помилуй насъ, Владыко, помилуй насъ".
Тогда отвѣщаетъ имъ самъ Христосъ:
„Право глаголю, не знаю васъ!
Идите вы вси во тьму кромѣшную
Со отцомъ своимъ со діаволомъ,
Не хощу бо васъ видѣти никогда же Азъ".
Тогда ударяютъ ихъ ангелы
Прегрознымъ оружіемъ огненнымъ
Прогонятъ ихъ въ муки превѣчныя.
Тогда, пришедше къ рѣкѣ огненной,
Возрятъ назадъ къ раю свѣтлому,
Рекутъ со слезами умиленными
Послѣднее изреченіе:
„Прости ты насъ, прекрасный раю;
Прости ты насъ, Мати Богородица,
Владычица Царица небесная;
Прости ты насъ, крестъ Пресвятый Христовъ;
Простите насъ вы, всѣ Ангелы,
Простите насъ, святіи вы всѣ Божіи.
Уже бо намъ не видати васъ,
Ни вашея славы великія,
Ни прекрасныхъ свѣтлостей солнечныхъ,
Ни пѣсней вашихъ прекрасныхъ гласовъ,
Ни вашея радости многія;
Уже мы идемъ въ преисподній адъ.
Въ тартаръ на вѣкъ мучитися.
Увы, увы, бѣсы всегда кричатъ
И зубы прелюте всегда крегчатъ,
А помощи никогда же видать.
Прости свѣтлый, прекрасный рай,
Со всѣми Святыми Божіими,
Уже мы отходимъ далече отъ васъ"

Стихъ: похвала пустыни.

О прекрасная пустыня, и самъ Господь пустыни похваляетъ,
Отцы во пустыняхъ скитались и Ангели отцемъ послужили,
Апостоли отцевъ похвалили, отцевъ величали;
Пророцы отцевъ прославляли и святые отцевъ похваляли.
О прекрасная пустыня, — отцы во пустыни пребывали
И дивіемъ овощіемъ питались, изъ горъ воды испивали.
Древа во пустыняхъ выростали, различными цвѣты расцвѣтали.
Ко древамъ птицы прилетали, на кудрявыя вѣтви посѣдали.
Они райскія пѣсни воспѣвали, отцевъ во пустыняхъ утѣшали;
Отцы у нихъ Богу молились, день и нощь Богу работали,
Колѣнами къ землѣ припадали и слезы проливали
И плоть они свою изсушали и наги въ пустыняхъ пребывали
Отъ солнца они опалились, отъ мраза они омерзали
И всякія скорби терпѣли, конецъ житію совершили.
Свои они души спасаютъ, отъ вѣчныя муки избавляютъ
И царство небесное воспріемлютъ, за весь міръ Бога умоляютъ,
А насъ они грѣшныхъ обращаютъ, на чистое житіе поучаютъ.
И во вѣки вѣковъ. Аминь.

НАРОДНАЯ КОМЕДІЯ

Баринъ и приказчикъ.

1. Баринъ Голый, въ халатѣ, котелкѣ или мягкой шляпѣ, въ рукахъ трубка съ длиннымъ чубукомъ.

2. Ванька Малый, одѣтъ половымъ изъ мелкаго трактира.

3. Приказчикъ, въ крестьянской одеждѣ, если есть, то стариннаго покроя. Обстановки никакой не полагается. Разыгрывается на Святкахъ и иногда на Масляницѣ ряжеными.

Баринъ (къ зрителямъ).

Я есть баринъ богатый,
Да къ тому же еще и тароватый;
Родъ мой древній.
А въ вотчинѣ села и деревни:
Три двора,
Одна труба,
Семеро воротъ
Въ одинъ огородъ, —
Оброкъ большой получаю...
Кричитъ, хлопая въ ладоши:
Эй, Ванька Малый!

Ванька Малый.

Что прикажешь, баринъ Голый?

Баринъ.

Позови ко мнѣ моего приказчика!

Ванька Малый.

Слушаю, Голый баринъ!

Приказчикъ (входя, бухается въ ноги барину).

Здравія желаемъ, батюшка-баринъ!
(Въ сторону).
Черти бы тебя подрали и съ потрохами

Баринъ.

Здравствуй, здравствуй, мужичокъ!
Какъ вы тамъ у меня поживаете,
Хорошо ли добываете?

Приказчикъ.

Хорошо, батюшка баринъ!
Твоими молитвами какъ шестами подпираемся,

Баринъ. Что мои мужички подѣлываютъ? что Степанъ Гогуля?

Приказчикъ. Онъ, батюшка баринъ, по рукомеслу пошелъ.

Баринъ. Вотъ это хорошо! по какому же?

Приказчикъ. А чужіе карманы очищаетъ!

Баринъ.
Стало быть онъ много добываетъ. А Ванька Кривуля?

Приказчикъ. А этотъ, батюшка баринъ, въ ученье ударился.

Баринъ. И это хорошо! Какія же онъ науки происходитъ?

Приказчикъ. А на собакахъ шерсть бьетъ!

Баринъ. Я и самъ больше по этой же лавочкѣ ударяю!.. А Семенъ Кособрюхій?

Приказчикъ. Этотъ совсѣмъ легкимъ дѣломъ занялся.

Баринъ. Какимъ-такимъ легкимъ дѣломъ?

Приказчикъ. А съ голодухи на воротахъ повѣсился.

. . . .

Баринъ. Хорошими дѣлами мои мужички занимаются! значитъ и оброкъ хорошій припасли?

Приказчикъ. У насъ отродясь плохого не бывало: въ одномъ карманѣ — вошь на арканѣ, а въ другомъ — блоха на цѣпи...

Баринъ. Все ли благополучно въ моемъ имѣньи?

Приказчикъ. Все, батюшка баринъ, слава Богу! Только вотъ ножичекъ сломался.

Баринъ. Какой ножичекъ?

Приказчикъ. А складышокъ-то!

Баринъ. Отчего же онъ сломался?

Приказчикъ. А вашъ Сѣрко вступилъ, еще правую переднюю повредилъ.

Баринъ. Зачѣмъ же его выводили?

Приказчикъ. А въ бочку запрягали по воду ѣхать.

Баринъ. Какъ же вы, такіе-сякіе смѣли хорошую лошадь въ бочку заложить?

Приказчикъ. Всѣхъ запрягали, на пожаръ воду возить.

Баринъ. Какой такой пожаръ?

Приказчикъ. А коли ваша-то усадьба горѣла.

Баринъ. Да развѣ моя усадьба сгорѣла?

Приказчикъ. Какъ же, батюшка, баринъ, въ ту самую ночь, коли ваша дочь померла.

Баринъ. Что ты врешь? Отъ чего же она померла?

Приказчикъ. А все отъ непріятности, что ея маменька, а ваша супруга на сучкѣ повѣсилась. А то все — слава Богу!

ОТДѢЛЪ II.

I. ЛИТЕРАТУРА XI – XV ВВ.

Изъ Лѣтописи Нестора.

Легенда объ Апостолѣ Андреѣ. Днѣпръ вътечеть въ Понетьское [1]) море жереломь, [2]) еже море словеть Русьское, по нему же училъ святый Оньдрей, братъ Петровъ, яко же рѣша. Оньдрею учащю въ Синопіи и пришедъшю ему въ Корсунь, увидѣ, яко ис Корсуня близь устье Днѣпрьское, въсхотѣ поити въ Римъ и проиде въ устье Днѣпрьское; отътолѣ поиде по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. Заутра въставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: „видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ восіяеть благодать Божья, имать градъ великъ быти, и церкъви многы Богъ възвигнути имать“. Вършедъ на горы сія благослови я, постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълѣзъ съ горы сія, идѣже послѣже бысть Кыевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ Словѣни, идѣже нынѣ Новъ-городъ; и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыютъ, хвощються, и удивися имъ. Иде въ Варягы и приде въ Римъ, исповѣда, елико видѣ, и рече имъ: „дивьно видѣхъ Словѣньскую землю; идучи ми сѣмо, видѣхъ бани древѣни, и пережьгуть ѣ рамяно, [3]) соволокуться и будутъ нази, и облѣються квасомъ усніянымъ, [4]) и возьмутъ на ся прутье младое, бьются сами и того ся добьють, егда вылѣзутъ лѣ живи, и облѣються водою студеною, тако оживуть; и то творять по вься дьни немучими никымьже, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а не мученье“. Ти слышаще дивляхуся: Оньдрей же бывъ въ Римѣ, приде въ Синопію.

Преданіе объ основаніи Кіева. Полемъ же живъшемъ особѣ и володѣющимъ роды своими, иже и до сеѣ братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимь родомь и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомь своимь. Быша 3 братья, единому имя Кый, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кый на горѣ гдѣже нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ нынѣ зоветься Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозъвася Хоревица . И сътвориша градъ, во имя брата своего старѣйшаго,

---

[1]) Греч. Понтос — море, здѣсь — Черное море; [2]) устьемъ; [3]) сильно, крѣпко; [4]) кислота для смягченія кожи.

и нарекоша имя ему Кыевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь; бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъ же есть Поляне въ Кыевѣ и до сего дьне. Ини же не съвѣдуще рекоша, яко Кый есть перевозьникъ былъ; у Кыева бо бяше перевозъ тогда съ оноя стороны Днѣпра; тѣмъ глаголаху: „На перевозъ на Кыевъ". Аще бо бы перевозьникъ Кый, то не бы ходилъ Царю-городу; но се Кый княжаше въ родѣ своемь. Приходивъшю ему ко царю, яко же сказають, яко велику честь пріялъ отъ царя, при которомь приходивъ цари. Идущю же ему опять приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто и сьруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомь своимь, и не даша ему ту близь живущии; еще и донынѣ наричють Дунайцы городище Кыевець. Кыеви же пришедъшю въ свой градъ Кыевъ, ту животъ свой съконьча; а братъ его Щекъ, и Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь ту съконьчашася.

Обычаи этихъ племенъ. Имяху бо обычай свой, и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье [1]) къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имяху; брачьный обычай имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней, что вьдадуче. А Древляне живяху звѣриньскымь образомъ, живуще скотьскы: убиваху другъ друга, ядяху вься нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкываху у воды дѣвица. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже вьсякый звѣрь, ядуще вьсе нечисто, срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Съхожахуся на игрища, на плясанье, и на вься бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умьряше, творяху тризну надъ нимь, и посемь творяху кладу [2]) велику, и възложахуть на кладу мертвеца, сожьжаху, и посемь собравъше кости, вьложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи, прочіи поганіи не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ.

Смерть Олега. И живяше Олегъ, миръ имѣя къ вьсѣмъ странамъ, княжа въ Кыевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не вьсѣдати на нь. Бѣ бо преже въпрошалъ волъхвовъ кудесьникъ: „Отъ чего ми есть умрети?" И рече ему одинъ кудесьникъ: „Княже! Конь, его же любиши и ѣздиши на немь, отъ того ти умрети". Олегъ же пріимъ въ умѣ, си рече: „Николиже всяду на конь, ни вижу его болѣ того". И повелѣ кормити и не водити его къ нему, и пребывъ нѣсколько лѣтъ не дѣя его, доньдеже и на Грекы иде. И пришедъшу ему къ Кыеву, и пребысть 4 лѣта; на 5 лѣто помяну конь свой, отъ негоже бяху рекли волъсви умрети Ольгови. И призъва старѣйшину конюхомъ, реся: „Гдѣ есть конь мой, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?" Онъ же рече: „Умерлъ есть". Олегъ же посмѣяся и укори кудесьника, реся: „То ть неправо

---

[1]) уваженье; [2]) костеръ.

молвять волъсви, но вьсе то лъжа есть; конь умерлъ, а я живъ". И повелѣ осѣдлати конь: „да ть вижю кости его". И приѣха на мѣсто, идеже бяху лежаще кости его голы и лобъ голъ; и сълѣзъ съ коня, посмѣяся реки: „Отъ сего ли лъба смерть мнѣ възяти?" И въступи ногою на лобъ; и выникнучи змѣя, и уклюну й въ ногу, и съ того разболѣвъся умьре. И плакашася по немъ вьси людіе плачемь великомь, и несоша й и погребоша й на горѣ, иже глаголеться Щековица; есть же могыла его до сего дьне, словеть могыла Ольгова.

Изъ Хожденія игумена Даніила въ Святую землю.

Вступленіе. Се азъ недостойный игуменъ Данилъ Руськыя земли хужьшій въ вьсѣхъ мнисѣхъ, смѣренъ сый многими грѣхы и невѣжьствіемъ, недоволенъ сый во вьсякомь дѣлѣ блазѣ, и понуженъ быхъ мыслію своею и нетерпѣніемъ своимь, въсхотѣхъ видѣти святый градъ Іерусалимъ, и землю обѣтованьную Богомь Аврааму. Волею же Божіею хранимый доходихъ святаго града Іерусалима и видѣхъ вьсю землю Галилейскую и святая мѣста и вься обидохъ, вьсю ту землю, удуже [1]) Христосъ Богъ нашь походи своима ногама и много чюдесъ показа преславьно святымъ апостоломъ и своимъ ученикомъ, да то вьсе видѣхъ очима своима грѣшьныма, и вьсе ми Богъ показа видѣти, егоже жадахъ азъ по многы дъни, мыслію своею мучимъ...

О Іерусалимѣ. Есть же святый той градъ Іерусалимъ въ дебрехъ, и около же его горы каменьны великы и высокы, ольно [2]) пришедъ близь къ граду тоже видѣти святый градъ Іерусалимъ: первое видѣти столпъ Давыдовъ, а потомъ, мало пошедъ, видѣти Елеоньская гора и Святая Святыхъ, а потомъ весь градъ видѣти. И ту же есть гора равьна у пути близь Іерусалима, яко версты одной въдале и на той горѣ съсѣдають люди съ коней, и пѣши ходять вьси людіе и поклоняються христіане святому Въскресенію; и бываеть радость велика въсякому христіянину, увидѣвшему святый градъ Іерусалимъ: никто же бо можетъ не прослезитися, видѣвъше землю желаньную и мѣста святая, идѣже Христосъ Богъ нашь нашего ради спасенія походи; и идуть вьси пѣши съ радостію великою ко граду Іерусалиму.

О пупѣ земномъ и о церкви. И есть церкы та Въскресеніе Господьне кругла образомь, всямо окачьна, въдлѣ и впрекы, имать 30 саженъ. Суть же у нея полаты просторони, и въ тѣхъ полатахъ горѣ патриархъ живетъ. И есть отъ дверей Гроба Господьня до стѣны великаго олтаря 12 саженъ; и ту есть, вънѣ стѣны за олтаремъ, пупъ земьный; съзьдана же надъ нимь комора, и горѣ написанъ Христосъ мусіею [3]) и глаголетъ грамота; „се пядію моею измѣрихъ небо, а дланію землю". Отъ пупа земьнаго до распятія Господьня и до Краніева [4]) мѣста 12 саженъ.

---

[1]) гдѣ; [2]) даже; [3]) мозаикою; [4]) мѣсто, гдѣ была погребена, по преданію, голова праотца Адама (отъ греч. краніон — черепъ).

Есть распятіе Господне и каменетъ святый озданъ стѣною вьсь; и горѣ надъ распятіемъ Господьнимь съзьдана комора и исписана бысть мусіею дивьно; и отъ востока лиць на стѣнѣ написанъ есть мусіею Христосъ на крестѣ распятъ, хитьро и дивьно, яко живъ, и възвыше и въболе, якоже былъ тогда. А отъ полудня лиць написано сънятіе Господьне со креста такоже дивьно.

Есть же распятіе Господьне и гробъ, и вься та мѣста святая, на удольнемь мѣстѣ. Есть бо возгоріе отъ запада лиць надъ гробомъ Господьнимь и надъ распятіемь, и ту есть мѣсто на пригоріи томь, на то мѣсто скоро притече Богродица тъщашеся текущи въслѣдъ Христа, и глаголаше въ болѣзни сердьца своего слезящи: „Камо идеше, чадо мое? чьсо ради течеши скоро? егда другый бракъ въ Кана Галелеи, да тамо ли тъщишися, Сыне и Боже мой? не молча отиде мене, Сыне, рождьшая Тя; дай же ми слово, рабѣ Твоей!" Пришедъши же на мѣсто то, Святая Богородица узьрѣ съ горы распинаема Сына своего на крестѣ, ужасеся вельми, и съгнувъшися сѣде, печалію и рыданіемъ одержима бѣаше.

О свѣтѣ святѣмъ, како сходить съ небесе къ Гробу Господьно. И се ми показа Богъ видѣти худому и недостойному рабу своему Данилу иноку: и видѣхъ очима своима грѣшьныма по истинѣ, како сходить свѣтъ святый къ Гробу животворящему Господа Спаса нашего Іисуса Христа. Мнози бо иніи страньници неправо глаголють о схожденіи свѣта святаго: инъ убо глаголеть, яко голубемь сходить Духъ Святый къ гробу Господьню, а друзіи глаголють, яко молнія сходить и въжигаеть кандила надъ Гробомь Господьнимь: то есть лъжа; ничтоже бо есть тогда видѣти, ни голуби, ни молнія, но тако невидимо сходить благодѣть Божія, и въжигаються кандила надъ Гробомь Господьнимь. Да и о томь скажу, еже видѣхъ по истинѣ. Въ великую пятьницу по вечерьній потирають Гробъ Господень и помывають кандила, сущая надъ Гробомь Господьнимь, и наливають кандила та масла древянаго чиста безъ воды, одного, и вотъкнувъше свѣтильна во оловьца, и не въжигаютъ свѣтиленъ тѣхъ, но тако оставляють свѣтильна та не въжьжена, и запечатають Гробъ Господень въ 2 часъ нощи; и тогда изгасять вься кандила, не токмо ту сущая, но и по вьсѣмъ церквамъ яже въ Іерусалимѣ. Тогда и азъ худый идохъ въ ту пятьницу великую въ 1 часъ дьне къ князю Балдвину, и поклонихомъся ему до земля: онъ же видѣвъ мя худаго поклонивъшася, и призъва мя къ себѣ съ любовію, и рече: „что хощеши, игумене Русьскый?" — позналъ бо мя добрѣ и любляше мя вельми, якоже бяше мужъ благъ и смиренъ и не гордить ни мало. Азъ же рекохъ ему: „Княже мой, господине мой! Молю ти ся Бога дѣля и князей дѣля Русьскыхъ, повели ми, да быхъ и азъ поставилъ свое кандило на Гробѣ Господьни и посъла со мною мужа, своего слугу лучьшаго, къ иконому святаго Въскресенія и къ тому, иже держить ключь гробьный. И повелѣста ми оба, икономь и ключарь Гроба Господьня, принести ми кандило свое съ масломь; азъ же поклонихъся има съ радостью великою и шедъ на торгъ и купихъ кандило стькляное велико и наліяхъ масла древянаго чистаго безъ воды, и принесохъ къ Гробу Господьню, уже вечеру сущу, и упросихъ ключаря того, единого вънутрь гроба суща, и обѣстихъся ему: онъ же отъверзе ми двери святыя, и повелѣ ми выступити изъ калигъ,[1]) и тако босаго

[1]) снять обувь.

въведе мя единого въ святый Гробъ Господень съ кандиломъ, еже ношахъ азъ рукама своима грѣшьныма, и повелѣ ми поставити кандило на Гробѣ Господьни, и поставихъ своима руками грѣшьныма въ ногахъ, идѣже лежаста пречистѣи нозѣ Господа нашего Іисуса Христа: въ главахъ бо стояше кандило Гречьское, на персехъ поставлено бяше кандило святаго Савы и вьсѣхъ манастырей; тако бо обычай имуть, по вься лѣта поставляють кандило Гречьское и святаго Савы. Благодѣтію же Божіею та три кандила въжьглася дольняя, а Фряжьская кандила повѣшена суть горѣ, а отъ тѣхъ кандилъ ни единого же не возгорѣся тогда, толико та 3 едина въжьглася. Азъ же поставихъ кандило свое на святѣмь Гробѣ Господа нашего Іисуса Христа и поклонихъся честьному Гробу Господьню, и облобызавъ съ любовію и съ слезами мѣсто то святое и честьное, идѣже лежало пречистое тѣло Господа нашего Іисуса Христа; и изыдохомъ изъ Гроба того святаго съ радостію великою и идохомъ къждо въ келью свою. Заутра же въ великую субботу въ шестый гласъ дьне събираються вьси людіе предъ церковію Въскресенія Христова бещислено много множество людій отъ вьсѣхъ странъ, пришельци и тоземьци; и отъ Вазилона, и отъ Египта, и отъ Антіохія и отъ вьсѣхъ странъ ту ся сьбираютъ въ тотъ день несказаньно много людій, и наполняться вся та мѣста около церкъве и около Распятія Господьня; велика же тѣснота и томленіе лютѣ людемъ ту бываеть; мнози бо тогда задыхаються отъ тѣсноты людій тѣхъ бещисленыхъ; и ти вьси людіе съ свѣщами стоять не въжьженами и жьдуть отверзенія дверій церковьныхъ. Внутрь же церкъве тогда токмо попове едини суть, и жьдуть попове и вси людіе, дондеже пріидеть князь Балдвинъ съ дружиною своею, и бываеть тогда отверзеніе дверемъ церковьнымъ, и входять тогда вьси людіе въ церковь въ тѣснотѣ велицѣ и въ гнетеніи, и наполъняють церковь ту и полаты, вьсѣ полъны будутъ; не могутъ бо ся вънѣстити вьси людіе въ церковь ту, но ту стоять вънѣ церкъве людіе мнози зѣло около Голгофы и около Краніева мѣста и дотолѣ, идеже налѣзенъ крестъ Господень, вьсе полно будеть людій, безъчисла много множество. Иного не глаголють ничьсоже, но токмо „Господи помилуй" зовуть неослабьно и вопіють сильно, яко тутънати и взгремѣти вьсему мѣсту тому отъ вопля людій тѣхъ; и ту источьници слезамъ проливаються отъ вѣрьныхъ человѣкъ; аще бо кто окамененъ серьдцемь своимь, да и той тогда можеть прослезитися; вьсякъ бо человѣкъ тогда зазьрить себе и поминаеть грѣхы своя и глаголеть въ себѣ: „егда моихъ дѣля грѣховъ не снидетъ свѣтъ святый!" И тако стоять вьси вѣрьніи, слезьно и сокрушено сердьце имуще; и той самъ князь Балдвинъ стоить съ страхомь и смиреніемь великымь, источьникъ слезъ проливаеться отъ очію его; такоже и дружина его стоять около его прямо Гробу близь олтаря великаго. Яко бысть 7 часъ суботьнаго дьне, поиде князь Балдвинъ изъ дому своего къ Гробу Господьню и съ дружиною своею, и вьси боси пѣшіи идуть съ нимь. И присъла князь въ метухію[1]) святаго Савы, и позъва игумена съ черноризъци его; и поиде игуменъ съ братіею къ Гробу Господьню, и азъ худый туто же идохъ съ игуменомь тѣмь и съ братіею, и пріидохомъ къ князю тому, и поклонихомъся ему вьси. Тогда и онъ

---

[1]) подворье.

поклонися игумену святаго Савы. И повелѣ князъ игумену святаго Савы и мнѣ худому съ ними поити близь себе, а инѣмъ повелѣ предъ собою ити, а дружинѣ повелѣ по собѣ ити.

И бысть яко 8 часъ дьне, и начаше пѣти вечерьнюю правовѣрьніи попове на Гробѣ горѣ, и вьси мужи духовьніи, черноризьци же и пустынници мнози ту бяху пришьли; а Латыня же въ велицѣмь олтари начаша верещати свойскы, и така поющима имъ, азъ же ту стояхъ и прилежьно зьряхъ къ дверемъ гробьнымъ. И яко начаша пареміи честь суботы великыя, и изиде епископъ съ діакономь своимь изъ великаго олтаря и приде къ дверемъ гробьнымъ, и позьрѣвъ Гробъ Господень сквозѣ хрестьца дверей тѣхъ и не узьрѣ свѣта въ Гробѣ и възвратися опять въ олтарь. Яко начаша чести 6-ю паремію, и той же епископъ со діакокономь пріиде пакы къ дверемъ гробьнымъ, и не увидѣ ничтоже въ Гробѣ Господьни; и тогда вьси людіе възпиша съ слезами „киръ елейсонъ". Яко же бысть девятый часъ дьни мимоходящю, и начаша пѣти пѣснь преходьную „Господеви поемъ", и тогда вънезапу пріиде туча отъ востока мала и ста надъ вьрхомь не покрытымь тоя церкъве и одожди мало надъ Гробомь святымь и смочи ны добрѣ стоящихъ надъ Гробомь Господьнимь; и тогда вънезапу облиста свѣтъ святый въ Гробѣ Господьни, и изыде блистаніе свѣта того страшьно и свѣтьло зѣло изъ Гроба того святаго. И пришедъ епископъ съ четырьми діаконы, отверзоша двери Господьня Гроба, и въземъ свѣщю у князя, и вниде епископъ въ Гробъ Господень и вължьже первое ту свѣщю княжу отъ свѣта того святаго, и изнесе изъ Гроба свѣщю ту и вдасть ю самому князю въ руцѣ; и ста князетъ на мѣстѣ своемь дьржа свѣщю ту съ радостію великою зѣло, и отъ тоя свѣща мы въжьгохомъ вьси своя свѣща, а отъ нашихъ свѣщь вьси людіе своя въжьгоша свѣща. Свѣтъ же святый не тако, яко огнь земленый, но чюдьно инако свѣтиться издрядьно и пламень его червленъ есть, яко киноварь, и отъ нудь несказаньно свѣтиться. И тако вьси людіе стоять съ свѣщами горящими и вопіють же вьси непрестаньно съ радостію великою зѣло и съ веселіемь, видѣвъше свѣтъ святый Божій. Иже бо кто не видѣвъ тоя радости въ той день, то не иметь вѣры сказающему о вьсемь томь видѣніи; обаче вѣрьніи добріи человѣци вельми вѣрують и въ сласть послушають сказанія сего о святыни сей и о мѣстѣхъ сихъ святыхъ: вѣрьный бо въ малѣ, и въ мнозѣ есть вѣренъ а зълу человѣку истина крива есть. Мнѣ же худому Богъ послухъ есть и святый Гробъ Господень и вься дружина моя, Русьстіи сынове, приключившеися тогда Новгородьци и Кыяне: Сѣдеславъ Иванькович, Гориславъ Михалковичь, Кашкыча два и иніи мнози, иже свѣдають о мнѣ и о сказаніи семь. Но възвратимъся на прежереченую повѣсть. И егда же свѣтъ въсія въ Гробѣ Господни, тогда же и пѣніе преста и вьси възъпиша „киріелейсонъ"; потомъ поидоша изъ церкве съ радостію великою и съ свѣщами горящими, и съблюдающе къждо свѣща своя отъ угашенія вѣтреняго, и идоша кождо ихъ въ свояси, и отъ того свѣта святаго въжигають свѣща въ своихъ церкъвахъ къждо ихъ и коньчають пѣніе въ своихъ церкъвахъ кождо ихъ, а въ велицѣй церкъви у гроба Господьня сами попове безъ людій коньчають пѣніе вечерьнее. Тогда и мы съ игуменомь и съ братіею идохомъ въ свой манастырь, несуще свѣща своя горящая, и ту коньча-

хомъ пѣніе вечерьнее и идохомъ въ келія своя хваляще Бога, показавъшаго недостойнымъ намъ ту благодѣть видѣти.

Заключеніе. Ходилъ есми тамо во княженіе Русьское великаго князя Святополка Изяславича, а внука Ярослава Володимерича Кыевьскаго, Богъ тому послухъ и Святый Гробъ Господень. Въ вьсѣхъ сихъ мѣстѣхъ святыхъ не забывахъ именъ князей Русьскыхъ, и княгынь ихъ и дѣтей ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовьныхъ, ни вьсѣхъ христіянъ, николиже не забывалъ есмь, но вездѣ поминалъ есмь въ молитвахъ. И о семь похвалю преблагаго Бога, яко сподоби мя написати имена Русьскыхъ князей въ лаврѣ у святаго Савы; и нынѣ поминаються въ октеніяхъ.

Буди же вьсѣмъ почитающимъ писаніе се съ вѣрою и съ любовію благословеніе отъ Бога и отъ святаго Гроба Господьня и отъ вьсѣхъ мѣстъ сихъ святыхъ; пріиметь бо мьзду равьну съ ходивъшими до святаго града Іерусалима и видѣвъшими мѣста си святая вься. Блажени бо видѣвъше и вѣроваша; треблажени не видѣвъше вѣроваша. Вѣрою бо пріиде Авраамъ въ землю обѣтованьную. По истинѣ бо есть вѣра равьна добрымъ дѣломъ. Но Бога дѣля, отьци и братія, господіе мои, не зазьрите худоумію моему и грубости моей! Да не будетъ въ похуленіе написаніе сіе мене дѣля худаго; но Гроба Господьня дѣля и святыхъ дѣля мѣстъ почьтѣте его съ любовію, да мьзду пріимите равьну отъ Бога Спаса Господа нашего Іисус-Христа; да Богъ мира будеть со вьсѣми вами въ вься вѣкы. Аминь.

Изъ поученія Владиміра Мономаха.

Сѣдя на санехъ, помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дьневъ грѣшьнаго допроводи. Да дѣти моя, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но кому же любо дѣтій моихъ, а приметь ю въ сердьце свое и не лѣнитися начьнеть, такоже и тружатися. Первое, Бога дѣля и душа своея, страхъ имѣйте Божій въ сердьци своемь и милостыню творя неоскудьну; то бо есть начатокъ вьсякому добру. Аще ли кому не люба грамотица си, а не поохитряються, [1]) но тако се рекутъ: на далечи пути, да на санехъ сѣдя, безлѣпицю си молвилъ. Усрѣтоша бо мя съли отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: „потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отимемъ; оже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ". И рѣхъ: „аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити". И отрядивъ я, въземъ Псалтырю въ печали, разгнухъ ю, и то ми ся выня: „въскую печалуеши, душе? въскую смущаеши мя?" и прочая. И потомь собрахъ словьца си любая, и складохъ по ряду и написахъ; аще вы послѣдьняя не люба, передьняя пріимайте...

По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человѣци грѣшьни суще и съмертьни, то оже ны зъло сътворить, то хощемъ й пожрети и кровь

---

[1]) Подосадуютъ.

его прольяти вскорѣ; а Господь нашь, владѣя и животомъ и съмертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпитъ, и пакы и до живота нашего, яко отець чадо свое любя, бья, и пакы привлачить е къ собѣ, Такоже и Господь нашь показалъ ны есть на врага побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемь, слезами и милостынею; да то вы, дѣти моѣ, не тежька заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царьствія не лишитися. А Бога дѣля не лѣнитися, молю вы ся, не забывайте 3-хъ дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжька: ни одиночьство, ни чернечьство, ни голодъ, яко иніи добріи терпять, но малымь дѣломь улучити милость Божью. Что есть человѣкъ, яко помниши й? Велій еси, Господи, и чюдьна дѣла твоя, никакъ же разумъ человѣческъ не можетъ исповѣдати чюдесъ твоихъ. И пакы речемъ: велій еси, Господи, и чюдьна дѣла твоя, и благословено и хвально имя твое въ вѣкы по вьсей земли. Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоея и твоихъ великыхъ чюдесъ и добротъ, устроеныхъ на семь свѣтѣ: како небо устроено, како ли сольнце, како ли луна, како ли звѣзды и тьма и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, твоимь промысломь! звѣрье разноличьніи, и пътицы, и рыбы, украшено твоимь промысломь, Господи! И сему чюду дивуемъся; како отъ персти [1]) созьдавъ человѣка, како образи разноличьніи въ человѣчьскыхъ лицихъ, аще и весь миръ совокупить, не вьси въ одинъ образъ, но кый же своимь лиць образомь, по Божіи мудрости. И сему ся подивуемы, како пътица небесьныя изъ ирья [2]) идуть... и не ставяться на одной земли, но и сильныя и худыя идуть по вьсѣмь землямъ, Божіимъ повелѣньемъ, да наполняться лѣси и поля. Вьсе же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, Господи, милость твоя на насъ, яже та угодья сътворилъ еси человѣка дѣля грѣшьня. И ты же пътица небесьныя умудрены тобою, Господи: егда повелиши имъ, языкъ же имѣющѣ онѣмѣють. А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло, и вьсяка чюдеса и ты доброты сътворивъ и съдѣлавъ! Да иже не хвалить тебѣ, Господи, и не вѣруеть вьсемъ сердьцемъ и вьсею душею во имя Отьца и Сына и Святаго духа, да будеть проклятъ. Си словьца прочитаюче, дѣти моя, божественая, похвалите Бога, давъшаго намъ милость свою, и се отъ худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене; аще не вьсего пріимете, то половину. Аще вы Богъ умякъчить сердьце, слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: „якоже блудьницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшьныхъ помилуй". И въ церкъви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни едину же ночь; аще можете поклонитеся до землѣ, али вы ся начьнеть не мочи, а трижды; а того не забывайте, не лѣнитеся; тѣмь бо ночьнымь поклономь и пѣньемь человѣкъ побѣждаеть дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмь человѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче не будеть ни съ кымь орудья: аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а „Господи помилуй" зовѣте беспрестани, втайнѣ; та бо есть молитва вьсѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю. Вьсего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправьдите сами, а не въдавайте сильнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни по-

[1]) земли; [2]) изъ теплыхъ краевъ.

велѣвайте убити его; аще будеть повиненъ съмерти, а душа не погубляйте никакоя же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитеся Богомь, ни хреститеся; нѣту бо ти нужа никоея же. Аще ли вы будеть крестъ цѣловати къ братьи, или къ кому, али управивъше сердьце свое, на немь же можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавъше блюдѣте, да не преступьни погубите душѣ своеѣ. Епископы и попы и игумены, съ любовью възимайте отъ нихъ благословенье, и не устроняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набъдите, да пріимете отъ нихъ молитву отъ Бога. Паче вьсего гордости не имѣйте въ сердьци и въ умѣ, но рьцѣмъ: съмертни есмы, днесь живи, а заутра въ гробѣ; се вьсе, что ны еси въдалъ, не наше, но твое, поручилъ ны еси на мало дьній. И въ земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чьсти яко отьца, а молодыя яко братью. Въ дому своемь не лѣнитеся, но вьсе видите; не зьрите на тивуна, [1]) ни на отрока, да не посмѣються приходящеи къ вамъ на дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зьрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отъвьсюду нарядивъше, около вой тоже лязѣте, а рано встанѣте; а оружья не снимайте съ себе вборзѣ, не розглядавъше лѣнощами; вънезапу бо человѣкъ погыбаеть. Лъжѣ блюдися и пьяньства...; въ томь бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемь по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житехъ, да не кляти васъ начьнуть. Куда же поидете, идеже станете, напоите, накормите унеина, [2]) и болѣе же чьстите гость, откуда же къ вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ; [3]) аще не можете даромь, — брашьномь и питьемь; ти бо мимоходячи прославлять человѣка по вьсѣмъ землямъ, любо добрымь, любо злымь. Больнаго посѣтите; надъ мертвеца идѣте, яко вьси мертвени есмы; и человѣка не минѣте не привѣчавъше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конець вьсему: страхъ Божій имѣйте выше вьсего. Аще забываете вьсего, а часто прочитайте: и мнѣ будеть безъ сорома, и вамъ будеть добро. Его же умѣючи, того не забывайте добраго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ. Въ томь бо честь есть отъ инѣхъ земль. Лѣность бо вьсему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить: добрѣ же творяще, не мозѣте ся лѣнити ни на что же доброе. Первое къ церкъви; да не застанеть васъ солньце на постели. Тако бо отець мой дѣяшеть блаженый и вьси добріи мужи съвершеніи. Заутренюю отъдавъше Богови хвалу, и потомь солньцю въсходящю, и узрѣвъше солньце, и прославите Бога съ радостью и, рекуче: просвѣти очи мои, Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красьній; и еще, Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ грѣховъ своихъ покаявъся, [4]) оправьдивъ животъ, тако похвалю Бога. И сѣдъше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати; спанье есть отъ Бога присуждено полудьне; весь чинъ бо почиваеть и звѣрь, и пътицѣ, и человѣци...

---

[1]) приказчикъ; [2]) просящаго; [3]) посолъ; [4]) покаявшись въ оставшихся грѣхахъ

Изъ моленія Даніила Заточника.

(XIII вѣкъ.)

Неизвѣстный авторъ, называемый обычно „заточникомъ", т. е. ссыльнымъ, на самомъ дѣлѣ былъ скорѣе просто сбившимся съ пути человѣкомъ. Моленіе имѣетъ очевидною цѣлью выпросить себѣ у князя службу. Авторъ хотѣлъ понравиться князю и заинтересовать его собою. Онъ щеголяетъ своей ученостью, краснорѣчіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ старается шутками позабавить князя.

Вострубимъ, братіе, аки въ златокованную трубу, въ разумъ ума своего; начнемъ бити въ сребреные органы и возвѣемъ мудрости своея, и ударимъ въ мысли ума своего, поюще въ богодухновенныя свирѣли, да восплачутся въ насъ душеполезные помыслы. Востани, слава моя! Востани, псалтыри и гусли, да разверзу въ притчахъ гаданія моя и провѣщаю въ языцѣхъ славу мою... Вѣдый, господине, твое доброразуміе, притекохъ къ обычнѣй твоей любви. Глаголетъ бо святое писаніе: „просите и пріимете". Давидъ рече: „не суть рѣчи ни словеса, ихже не слышатся гласи ихъ". Мы же не умолчимъ, но возглаголемъ къ господину своему, всемилостивому князю Ярославу Всеволодовичу.

Княже мой господине! Помяни мя въ княженіи своемъ, яко азъ, рабъ твой, сынъ рабыни твоея, вижу вся человѣки, яко солнцемъ грѣемыхъ милостію твоею: только азъ единъ хожу во тьмѣ, отлученъ свѣта отъ очію твоею, аки трава растущи въ застѣніи, на нюже ни солнце сіяетъ, ни дождь идетъ. Тѣмъ же, господине, приклони ухо твое въ глаголы устъ моихъ, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя...

Княже мой господине! Богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть и въ чужемъ градѣ, а убогъ мужъ и въ своемъ градѣ невидимо ходитъ. Богатъ мужъ возглаголетъ, то всѣ молчатъ и слово его до облакъ вознесутъ; а убогъ возглаголетъ, то всѣ на него кликнутъ; ихже бо ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна. Ты же, господине, не зри на внѣшняя моя, но вонми внутренняя моя: азъ бо аще одѣніемъ скуденъ, но разумомъ обиленъ, юнъ возрастъ имѣю, но старъ смыслъ и быхъ паря мыслію своею, аки орелъ по воздуху...

Княже мой господине: Аще ти есмь на рати не хоробръ, но на словѣхъ ти есмь крѣпокъ, да тѣмъ избираю сладость словесную, совокупляя, аки въ мѣхъ воды морскія, и извитія словесъ, и рѣшенія притчами хитрыми, а глаголивъ языкъ и... увѣтливы уста, яко струя рѣчныя быстрины.

Княже мой господине! Яко же дубъ крѣпится множествомъ коренія, тако градъ нашъ твоею державою. Кормникъ глава кораблю, а ты, княже, людемъ своимъ. Видѣхъ полкъ безъ князя, рече: великъ звѣрь безъ главы. Мужи глава женамъ, а мужемъ князь, а князю Богъ. Яко же паволока, [1]) многими шелки испещрена, красно лице являетъ; тако и ты, княже нашъ, многими человѣки славенъ и честенъ во всѣхъ странахъ явися. Яко же неводъ не удержитъ воды, но избираетъ множество рыбъ; тако и ты, княже нашъ, не удержи богатства; но раздавай сильнымъ, совокупляя храбрыя; злата бо и градовъ тѣмъ добудеши...

---

[1]) покрывало.

Княже мой господине! Се былъ есмь въ велицѣй нужи, подъ работнымъ ярмомъ пострадахъ; все тое искусихъ, яко зло есть. Луче бы ми видѣти нога своя въ лычници [1]) въ дому твоемъ, нежели въ черленѣ сапозѣ въ боярстѣмъ дворѣ. Нелѣпо бо усерязь [2]) златъ въ ноздри свиніи, ни на холопѣхъ добрый портъ. Аще бы котлу золоты кольца во ушію, но дну его не избыти черности и жженія его. Тако и холопу: аще паче мѣры гордѣлъ и буялъ, но укора ему своего не избыти — холопія имени. Луче бы ми вода пити въ дому твоемъ, нежели пити медъ въ боярстѣмъ дворѣ; луче бы ми воробей испеченъ пріимати отъ руки твоея; нежели плеча баранья отъ руки злыхъ государь. Многажды бо ми ся обрѣтаетъ работный хлѣбъ, яко пелынь, во устѣхъ моихъ, и питіе съ плачемъ растворяхъ. Добру господину служа, дослужитися свободы, а злу мужу служа, дослужитися большей работы. . .

Княже мой господине! Азъ бо аще не во Аѳинѣхъ растохъ, ни у философъ учихся, но быхъ падая по книгамъ, аки пчела по различнымъ цвѣтомъ: оттуда избираю сладость словесную, совокупляя мудрость, яко въ мѣхъ воду морскую.

Княже мой господине! не остави мене, яко отецъ мой и мати моя остависта мя, а ты, господине, пріими милостію своею. Кому ти есть Переславль, а мнѣ Гореславль; зане часть не прорасте въ немъ. Друзи мои и ближніе мои отвергошася мене; зане не поставлю предъ ними трапезу, исполнену брашны. Мнози бо дружатся со мною, подгнетающе руку въ солило, наслаждающе гортанъ свой пчелинымъ дарованіемъ, а при напасти паче врази обрѣтаются, яко помогая подразити нозѣ мои. Очима восплачются по мнѣ, а сердцемъ восмѣютъ ми ся. Тѣмъ же нѣсть ми вѣры яти другу, ни надѣятися на брата. Аще имѣю что, то поживутъ со мною; аще ли не имѣю чего, то всѣ скоро отольстятся отъ мене. Тѣмъ же, княже мой господине, вопію къ тебѣ, одержимъ нищетою. . .

Избави мя, господине, отъ нищеты моея, аки серну отъ тенета, яко птицу отъ кляпцы, исторгни мя отъ скудости моея, яко утя отъ ногтей ястребу, яко овча отъ волка; иже бо въ печали кто мужа призритъ, яко водою студеною напоитъ въ день знойный...

Княже мой господине! Не отрини раба скорбящаго, не лиши мене живота своего. Яко очи рабыня въ руку госпожа своея; тако очи мои въ руку твоею; яко азъ рабъ твой, сынь рабыня твоея. И насыщаяся многоразличныхъ брашенъ, помяни мене, сухъ хлѣбъ ядущаго; веселяся сладкимъ питіемъ, помяни мене, теплу воду піющаго; облачася въ красоту ризъ своихъ, помяни мене въ неисправнѣмъ вретищи; лежа, господине, на мягцѣ постели, помяни мене, подъ единѣмъ рубомъ лежащаго, зимою умирающа, и каплями дождевными, яко стрѣлами, пронизаема!

Княже мой господине! Всякому дворянину тѣмъ имѣти честь и милость у князя; но ли ему мыкатися, послѣдуюче въ скорбехъ, яко около тура съ топоромъ, аки по бѣсѣ съ клобукомъ: то можетъ добро видѣти. Никто можетъ, не оперивъ стрѣлу, право стрѣлити, ни лѣностію чести добыти. Зла не видавши, добра не постигнути. Не бившися со псомъ объ одинъ моклокъ, [3]) добра не видати. Горести дымныя не терпѣвши, тепла не видати.

---

[1]) лапоть; [2]) серьга; [3]) кость.

Злато бо искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми. Пшеница, много мучима, чистъ хлѣбъ являетъ, а человѣкъ бѣды подъемля, смысленоуменъ обрѣтается. Аще кто не бывалъ, будетъ во многихъ бѣдахъ, яко у бѣса на вспари, то нѣсть въ немъ вѣжества. Никто же бо можетъ стрѣлою звѣзды выстрѣлити, ни въ напасти смыслити. Не гнавши бо кому послѣ шершня съ метлою о кроху, ни скакавши со стола по горохово зерно, добра не видати.

Или codeечеши ми, княже: „солгалъ еси, яко тать"; то аще быхъ умѣлъ красти, то селико быхъ ся къ тобѣ не скорбѣлъ...

Или codeечеши ми, княже: „у богата тестя женися; ту пей, ту и яждь"; то луче бы ми трясцею болѣти, ни со злою, съ нелюбою женою быти. Трясца бо трясъ пуститъ, а злая жена до смерти сушитъ. Глаголетъ бо ся въ мірскихъ притчахъ: не потка [1]) въ station въ поткахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣрехъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не скотъ въ скотѣхъ коза, не холопъ въ холопѣхъ, кто у холопа работаетъ не мужъ въ мужѣхъ, который жены слушаетъ... Кто поиметъ злообразну жену придатка дѣля или тестя дѣля богата; то луче бы ми буръ волъ видѣти въ дому своемъ, нежели жена злообразна. Видѣвъ злато на злообразнѣ женѣ, и рекохъ: „нужно есть злату сему". Луче бы ми желѣзо варити, ни со злою женою быти. Жена бо злообразна подобна перечесу, [2]) сюдѣ свербитъ, а сюдѣ болитъ. Паки видѣхъ стару жену злообразну, криву, зорооку, а подобну чорту, ртасту, челюстасту, злоязычну, приничущу въ зерцало, и ркохъ ей: „не позоруй въ зерцало, но зри въ керсту"; [3]) женѣ бо злообразнѣ не достоитъ приникати въ зерцало, да не въ большую печаль впадетъ, позрѣвши на нелѣпотство образа своего.

Или рече ше, княже: „пострижися въ чернцы". Не видалъ есми мертвеца на свиніяхъ ѣздячи, ни чорта на бабѣ; не ѣдалъ есмь отъ ивія смокви, ни отъ липія стафиди.[4]) Луче ми есть тако скончати животъ свой, нежели, восприимши ангельскій образъ, Богу солгати. Лжи бо, рече мірови, а не Богу: Богу не льзѣ лгати, ни вышнимъ играти. Мнози бо, отшедше міра сего, паки возвращаются, аки псы на своя блевотины, на мірское гоненіе, обиходятъ села и домы славныхъ міра сего, яко пси ласкосердіи... [5])

---

[1]) птица; [2]) перецъ; [3]) гробъ; [4]) изюмъ; [5]) жадные.

Слово о полку Игоревѣ

I. Не лѣпо-ли ны бяшетъ, братіе,
начяти старыми словесы
трудныхъ повѣстій
о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?
Начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени,
а не по замышленію Бояню.
Боянъ бо вѣщій,
аще кому хотяше пѣснь творити,
то растѣкашется мыслію по древу,
сѣрымъ вълкомъ по земли,
шизымъ орломъ подъ облакы.
Помняшеть бо, рече, пърьвыхъ временъ усобіцѣ.
Тогда пущашеть 10 соколовь
на стадо лебедѣй:
который дотечаше,
та преди пѣснь пояше
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми,
красному Романови Святъславличю.
Боянъ же, братіе, не 10 соколовь
на стадо лебедѣй пущаше,
нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше;
они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сию
отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря,
иже истягну умь крѣпостію своею
и поостри сердца своего мужествомъ,
напълнився ратного духа,
наведе своя храбрыя плъкы
на землю Половѣцькую за землю Руськую.

II. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце
и видѣ отъ него тьмою
вся своя воя прикрыты.
И рече Игорь къ дружинѣ своей:
„Братіе и дружино!
Луцежъ бы потягу быти,
неже полонену быти.
А всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони
да позримъ синего Дону“.
Спала князю умь похоти,
и жалость ему знаменіе заступи
искусити Дону великаго.
„Хощу бо, рече, копіе приломити
конець поля половецкого;
съ вами, русици, хощу главу свою приложити,
а любо испити шеломомь Дону“.

О Бояне, соловию стараго времени!
Абы ты сіа плъкы ущекоталъ,
скача, славію, по мыслену древу,
летая умомъ подъ облакы,
свивая, славію, оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню,
чресъ поля на горы.
Пѣти было пѣснь Игореви того внуку:
„Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая,
галици стады бѣжать къ Дону великому“
Чили въспѣти было, вѣщей Бояне,
Велесовь внуче:
„Комони ржуть за сулою,
звенить слава въ Кыевѣ“...

III. Трубы трубять въ Новѣградѣ,
стоять стязи въ Путивлѣ,
Игорь ждетъ мила брата Всеволода.
И рече ему буй-туръ Всеволодъ:
„Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю!
Оба есвѣ Святъславличя.
Седлай, брате, свои бръзыи комони,
а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди,
А мои ти куряни свѣдоми къмети:
подъ трубами повити,
подъ шеломы възлелѣяны,
конець копія въскръмлени;
пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми;

луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени;
сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ,
ищучи себѣ чти, а князю славы".

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень
и поѣха по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступаше;
нощь стонущи ему грозою птичь убуди;
свистъ звѣринъ въста;
збися Дивъ, кличетъ врьху древа:
велитъ послушати земли незнаемѣ
— Влъзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню,
и тебѣ, тьмутораканьскый блъванъ!
А половцы неготовами дорогами
побегоша къ Дону великому:
крычатъ тѣлѣгы полунощы,
рци — лебеди роспужени.
Игорь къ Дону вои ведетъ.
Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубію,
влъци грозу въсрожатъ по яругамъ,
орли клектомь на кости звѣри зовутъ;
лисици брешутъ на чръленыя щиты.
О Руская земле, уже за шеломянемъ еси!

Длъго ночь мркнетъ.
Заря светъ запала. Мъгла поля покрыла.
Щекотъ славій успе; говоръ галичь убуди.
Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша,
ищучи себѣ чти, а князю славы.

Съ заранія въ пятъкъ потопташа поганыя плъкы половецкыя
и, рассушясь стрѣлами по полю,
помчаша красныя дѣвкы половецкыя,
а съ ними злато и паволокы, и драгыя оксамиты.
Орьтъмами и япончицами и кожухы
начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ,
и всякыми узорочьи половѣцкыми.
Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь,
чрьлена чолка, сребрено стружие
храброму Святьславличю!
Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо.
Далече залетѣло!
Не было оно обидѣ порождено
ни соколу, ни кречету,
ни тебѣ, чръный воронъ поганый половчине!
Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ;
Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано
кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ.
Чръныя тучи съ моря идутъ,
хотятъ прикрыти 4 солнца,
а въ нихъ трепещуть синіи млъніи.
Быти грому великому!
Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго!
Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти
о шеломы половецкыя,
на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго.
О, Руская землѣ, уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци,
вѣютъ съ моря стрѣлами
на храбрыя плъкы Игоревы.
Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть;
пороси поля прикрываютъ.
Стязи глаголютъ:
половци идуть отъ Дона и отъ моря,
и отъ всѣхъ странъ рускыя плъкы оступиша
Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
а храбріи русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ-туре Всеволоде!
Стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами,
гремлеши о шеломы мечи харалужными.
Камо, туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
тамо лежатъ поганыя головы половецкыя.
Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя

отъ тебе, яръ-туре Всеволоде!
Кая раны, дорога братіе,
забывъ чти и живота и града Чрънигова,
отня злата стола и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны,
свычая и обычая.

Были вѣци Трояни, минула лѣта Ярославля:
были плъци Олговы,
Ольга Святьславличя.
Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше
и стрѣлы по земли сѣяше.
Ступаетъ въ златъ стремень въ граде Тьмутороканѣ;
той же звонъ слыша давный великый Ярославь сынъ Всеволожь,
а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ...
Тогда при Олзѣ Гориславличи
сѣяшется и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Даждьбожа внука;
въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась.
Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть,
нъ часто врани граяхуть,
трупія себѣ дѣляче;
а галици свою рѣчь говоряхуть,
хотячи полетѣти на уедіе.
То было въ ты рати и въ ты плъкы,
а сицеи рати не слышано.
Съ зараніа до вечера
съ вечера до свѣта
летятъ стрѣлы каленыя,
гримлютъ сабли о шеломы,
трещатъ копіа харалужныя
въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи.
Чръна земля подъ копыты
костьми была посѣяна, а кровію польяна:
тугою взыдоша по Руской земли.
Что ми шумить, что ми звенить
далече рано предъ зорями?
Игорь плъкы заворочаетъ:
жаль бо ему мила брата Всеволода.

Бишася день, бишася другый;
третьяго дни къ полуднію
падоша стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы.
Ту кроваваго вина не доста;
ту пиръ докончаша храбріи русичи:
сваты попоиша, а сами полегоша
за землю Рускую.
Ничить трава жалощами,
а древо съ тугою къ земли преклонилось.
Уже бо, братіе, не веселая година въстала;
уже пустыни силу прикрыла!
Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука,
вступила дѣвою на землю Трояню,
въсплескала лебедиными крылы
на синѣмъ море у Дону;
плещучи, упуди жирня времена.
Усобица княземъ на поганыя погыбе;
рекоста бо братъ брату:
„се мое, а то мое же“.
И начяша князи про малое „се великое“ млъвити,
а сами на себе крамолу ковати;
а поганіи со всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.
О, далече зайде соколъ, птиць бья къ морю!
А Игорева храбраго пълку не крѣсити. . .
Жены рускія въсплакашась, аркучи:
„Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
ни мыслію смыслити, ни думою сдумати,
ни очима съглядати,
а злата и сребра ни мало того потрепати“.
А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою,
а Черниговъ напастьми.
Тоска разліяся по руской земли;
печаль жирна тече средь земли Рускыи.
А князи сами на себе крамолу коваху;
а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю,
емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ,
уже лжу убудиста которою.

Ту бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь
грозный, великый кіевскый:
грозою бяшеть притрепалъ своими сильными плъкы
и харалужными мечи;
наступи на землю Половецкую,
притъпта хлъми и яругы,
възмути рѣки и озеры,
иссуши потокы и болота.
А поганаго Кобяка изъ луку моря,
отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ,
яко вихрь, выторже:
и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ,
въ гридницѣ Святъславли.
Ту нѣмци и венедици,
ту греци и морава
поютъ славу Святъславлю,
каютъ князя Игоря,
иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы половецкія:
рускаго злата насыпаша ту.
Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата,
а въ сѣдло кощіево.
Уныша бо градомъ забрала, а веселіе пониче.

А Святъславь мутенъ сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ.
„Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, рече,
чръною паполомою на кроваты тисовѣ;
чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено;
сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ
великый женчюгь на лоно
и нѣговахуть мя.
Уже дьскы безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златоврьсѣмъ.
Всю нощь съ вечера бусови врани възграяху у Плѣсньска;
на болони бѣша дебрьски сани
и несошася къ синему морю“.

И ркоша бояре князю:
„Уже, княже, туга умь полонила:
се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата
поискати града Тьмутороканя,
а любо испити шеломомь Дону.
Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями,
а самаю опуташа въ путины желѣзны.
Темно бо бѣ въ 3 день:
два солнца помѣркоста;
оба багряная стлъпа погасоста,
и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ,
тъмою ся поволокоста и въ морѣ погрузиста.
и великое буйство подаста хинови.
На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла;
по Руской земли прострашася половци,
аки пардуже гнездо.
Уже снесеся хула на хвалу.
Уже тресну нужда на волю,
уже връжеся Дивь на землю.
Се бо готскія красныя дѣвы
въспѣша на брезѣ синему морю,
звоня рускымъ златомъ:
поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю.
А мы уже, дружина, жадни веселія“.

Тогда великій Святославъ
изрони злато слово, съ слезами смѣшено, и рече:
„О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!
Рано еста начала Половецкую земли мечи цвѣлити,
а себѣ славы искати;
нъ нечестно одолѣсте,
нечестно бо кровь поганую проліясте.
Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована,
а въ буести закалена.
Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ!
А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовоя
брата моего Ярослава
съ черниговьскими былями, съ могуты,
и съ татраны, и съ шельбиры,
и съ топчакы, и съ ревугы, и съ ольберы:

тіи бо бес щитовь съ засапожникы
кликомъ плъкы побѣждають,
звонячи въ прадѣднюю славу.
Нъ рекосте: „Мужаимѣ ся сами:
преднюю славу сами похитимъ,
а заднюю ся сами подѣлимъ!“
А чи диво ся, братіе, стару помолодити?
Коли соколъ въ мытехъ бываетъ,
высоко птицъ възбиваетъ:
не дастъ гнѣзда своего въ обиду...

„Великый княже Всеволоде!
Не мыслію ль ти прелетѣти издалеча,
отня злата стола поблюсти?
Ты бо можеши Волгу веслы раскропити,
а Донъ шеломы выльяти.
Аже бы ты былъ,
то была бы чага по нагатѣ, а кощей по резанѣ.

„Ты, буй Рюриче и Давыде!
Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша?
Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури,
ранены саблями калеными
на полѣ незнаемѣ?
Вступита, господина, въ злата стремена
за обиду сего времени,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буего Святъславлича!“

„Галичкы Осмомыслѣ Ярославе!
Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ,
подперъ горы Угорскыи своими железными плъки,
заступивъ королеви путь,
затворивъ Дунаю ворота,
меча бремены чрезъ облаки,
суды рядя до Дуная.
Грозы твоя по землямъ текутъ;
отворяеши Кіеву врата;
стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями.
Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея,
за землю Русскую, за раны Игореви,
буего Святъславлича!“

„А ты, буй Романе и Мстиславе!
Храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло,
Высоко плаваеши на дѣло въ буести
яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся,
хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.
Суть бо у ваю желѣзны и папорзи
подъ шеломы латинскими.
Тѣми тресну земля, и многи страны:
Хинова, Литва, ятвязи, Деремела и половци
сулици свои подклониша подъ тыи мечи харалужныи“.
„Нъ уже, княже Игорю, утрпѣ солнцю свѣтъ
а древо не бологомъ листвіе срони!
По Рсі и по Сули гради подѣлиша
а Игорева храбраго плъку не крѣсити.
Донъ ти, княже, кличетъ
и зоветъ князи на побѣду.
Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань“.

„Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи!
не худа гнѣзда шестокрилци.
Не побѣдными ль жребіи собѣ власти расхытисте?
Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкіи и щиты?
Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями
къ граду Переяславлю,
и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ
подъ кликомъ поганыхъ.
Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ.
позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія,
притрепа славу дѣду своему Всеславу,

а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ
притрепанъ литовскыми мечи и съ хотию на кровати рекъ:
„Дружину твою, княже, птиц крилы пріодѣ,
а звѣри кровь полизаша“.
Не бысть ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода:
единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла
чресъ злато ожереліе.
Уныли голоси, пониче веселіе,
трубы трубятъ городеньскіи.
Ярославе и вси внуце Всеславли!
Уже понизить стязи свои,
вонзить свои мечи вережени:
уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.
Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя
на землю Русскую, на жизнь Всеславлю;
которою бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи!“

„На седьмомъ вѣцѣ Трояни
връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу.
Тъй клюками подпръся, оконися и
и скочи къ граду Кыеву
и дотчеся стружіемъ злата стола кіевскаго;
скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣла-града,
обѣсися синѣ мьглѣ;
утрѣ же вознзи стрикусы,
отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу,
скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.
На Немизѣ снопы стелютъ головами,
молотятъ цѣпи харалужными,
на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла.
Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни,
посѣяни костьми русихъ сыновъ.
Всеславъ князь людемъ судяше,
княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше:
изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя,
великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше.
Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано
у святыя Софеи въ колоколы,
а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.
Аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ,
нъ часто бѣды страдаше.
Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку, смысленый, рече:
„Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду
суда божіа не минути“.
„О, стонати Руской земли,
помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей!
Того стараго Владиміра
нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ кіевскимъ:
сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы,
а друзіи Давидовы,
нъ розно ся имъ хоботы пашутъ.
Ярославнынъ гласъ ся слышитъ;
зегзицею незнаемь рано кычеть:
„Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви,
омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ,
утру князю кровавыя его раны
на жестоцѣмъ его тѣлѣ!“
Ярославна рано плачетъ
въ Путивлѣ на забралѣ аркучи:
„О, вѣтрѣ, вѣтрило!
Чему мычеше хиновьскыя стрѣлкы
на своею нетрудною крилцю
на моея лады вои?
Мало ли ти бяшетъ горѣ подъ облакы вѣяти,
лелѣючи корабли на синѣ морѣ?
Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?“
Ярославна рано плачеть
Путивлю городу на забороле, аркучи:
„О, Днепре словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы
сквозѣ землю Половецкую:
ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады
до плъку Кобякова;

възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ,
а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано".
Ярославна рано плачетъ
въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:
„Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!
Всѣмъ тепло и красно еси.
Чему, господине, простре горячюю свою лучю на лады вои,
въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже,
тугою имъ тули затче?"

Прысну море полу нощи;
идутъ сморци мьглами.
Игореви князю богъ путь кажетъ
изъ земли Половецкой на землю рускую
къ отню злату столу.
Погасоша вечеру зари.
Игорь спитъ. Игорь бдитъ.
Игорь мыслію поля мѣритъ
отъ великаго Дону до малаго Донца.
Комонь въ полуночи.
Овлуръ свисну за рѣкою:
велитъ князю разумѣти.
Князю Игорю не быть!
Кликну; стукну земля, въсшумѣ трава,
вежи ся половецкіи подвизашася.
А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію
и бѣлымъ гоголемъ на воду.
Възвръжеся на бръзъ комонь
и скочи съ него бусымъ влъкомъ,
и потече къ лугу Донца,
и полетѣ соколомъ подъ мьглами,
избивая гуси и лебеди
завтроку, и обѣду, и ужинѣ.
Коли Игорь соколомъ полетѣ,
тогда Влуръ влъкомъ потече,
труся собою студеную росу:
претръгоста бо своя бръзая комоня.

Донецъ рече: „Княже Игорю!
Не мало ти величія, а Кончаку нелюбія,
а Руской земли веселіа!"
Игорь рече: „О, Донче!
Не мало ти величія,
лелѣявшу князя на влънахъ,
стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ,
одѣвавшу его теплыми мъглами
подъ сѣнію зелену древу;
стрежаше его гоголемъ наводѣ,
чрьнядьми на струяхъ,
чайцами на ветрѣхъ.
Не тако ли, рече, рѣка Стугна:
худу струю имѣя,
пожръши чужи ручьи и стругы,
простре на кусту,
уношу князю Ростиславу затвори Днѣпрь.
Темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля
по уноши князи Ростиславѣ:
„Уныша цвѣты жалобою,
и древо съ тугою къ земли преклонилось".

А не сорокы втрокоташа:
на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.
Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша,
сорокы не троскоташа,
по лозію ползоша только;
дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ,
соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ.
Млъвитъ Гзакъ Кончакови:
„Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,
соколича ростръляевѣ своими злачеными стрѣлами!"
Рече Кончакъ ко Гзѣ:
„Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,
а вѣ соколца опутаевѣ красною девицею!"
И рече Гзакъ къ Кончакови:
„Аше его опутаевѣ красною дѣвицею,
ни нама будетъ сокольца,
ни нама красны дѣвице,
то почнуть наю птици бити въ полѣ половецкомъ."

IV. Рекъ Боянъ . . .„Когане!
Хоти тяжко ти головы кромѣ плечю,
зло ти тѣлу кромѣ головы!"
— Руской земли безъ Игоря.

Солнце свѣтится на небесѣ,
Игорь князь въ Руской земли.
Дѣвици поютъ на Дунаи.
вьются голоси чрезъ море до Кіева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей.
Страны ради, гради весели.

V. Пѣвше пѣснь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пѣти слава:
Игорю Святъславличю,
буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу.
Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны на поганыя плъки!
Княземъ слава и дружинѣ.
VI. Аминь!

Слово о походѣ Игоревомъ

Переводъ на современный русскій языкъ

I. Не хорошо ли намъ было бы, братья, начать на прежній ладъ печальную повѣсть о походѣ Игоря, Игоря Святославича! А начаться той пѣсни — по былямъ сего времени, не по вымысламъ Бояновымъ. Вѣщій [1]) Боянъ [2]), если хотѣлъ кому пѣснь сложить, то растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками. Помнилъ онъ междуусобія прежнихъ временъ и пускалъ тогда десять соколовъ на стадо лебедей: который соколъ на лебедь налеталъ, та лебедь первая и пѣснь зачинала — старому Ярославу, или храброму Мстиславу, что зарѣзалъ Редедю передъ полками касожскими, или прекрасному Роману Святославичу. Боянъ же, братья, не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ: онъ свои вѣщіе персты на живыя струны возлагалъ, и онѣ сами славу князьямъ рокотали.

Почнемъ же, братья, нашу повѣсть отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, который закалилъ умъ своею крѣпостью, поострилъ его мужествомъ сердца и, наполняся ратнаго духа, навелъ свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

II. Тогда Игорь взглянулъ на свѣтлое солнце и увидѣлъ, что отъ солнца тьмою покрыты всѣ его воины. И сказалъ Игорь дружинѣ своей: „Братья и дружина! Лучше изрублену быть, чѣмъ быть полонену. Сядемъ же, братья, на своихъ борзыхъ коней, да посмотримъ синяго Дону!“ „Хочу — говоритъ — копье изломить, въ предѣлахъ поля Половецкаго! Съ вами, русскіе, хочу голову свою положить, или шлемомъ напиться изъ Дона!“ О Боянъ, соловей стараго времени! Если бы ты воспѣлъ сіи полки, скача, соловей, по мысленому древу, взлетая умомъ подъ облака и соединяя, соловей, обѣ стороны сего времени (т. е. воспѣвая и старое и новое), носясь по Трояновой тропѣ [3]) черезъ поля на горы... вотъ какъ слѣдовало бы тебѣ пѣть пѣснь Игорю, Олега внуку: „Не буря занесла соколовъ черезъ поля

---

[1]) Искусный, талантливый; [2]) собственное имя пѣсенника (его пѣсни не сохранились); [3]) Придунайскія области. Въ населеніи жила память о походахъ Римскаго Имп. Траяна,

широкія: галки стаями летятъ къ Дону Великому!“ Или такъ было воспѣть тебѣ, о вѣщій Боянъ, внукъ Велесовъ: „Кони ржутъ за Сулою; звенитъ слава въ Кіевѣ“.

Трубятъ трубы въ Новѣгородѣ (Сѣверскомъ). Стоятъ знамена въ Путивлѣ!

Игорь ждетъ милаго брата Всеволода. И сказалъ ему буй-туръ Всеволодъ: „Одинъ ты у меня братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Сѣдлай же, братъ мой, своихъ борзыхъ коней, а мои тебѣ готовы, осѣдланы еще у Курска! Мои куряне извѣстные тебѣ витязи: подъ трубами повиты, подъ шлемами взлелѣяны, съ конца копья вскормлены; дороги имъ вѣдомы, овраги имъ знакомы; луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли наточены; сами они скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы!“

Тогда вступилъ Игорь князь въ золотое стремя и поѣхалъ по чисту полю. Солнце ему тьмою путь заступило; а ночь ему, застонавъ грозой, птицъ разбудила, свистъ звѣрей поднялся. Взбился Дивъ, кричитъ съ верху дерева, велитъ слушать чужой землѣ — Волгѣ, и Поморью, и Посулью, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, истуканъ Тмутороканскій . . . И половцы прямо по степи побѣжали къ Дону великому. Кричатъ телѣги ихъ въ полночь, словно лебеди вспугнутые. Игорь къ Дону войско ведетъ. Волки грозно воютъ по оврагамъ; орлы своимъ клектомъ зовутъ звѣрей на кости; лисицы лаютъ на багряные щиты. О Русская земля! ты уже за холмомъ.

Долго меркнетъ ночь. Заря-свѣтъ задержалась. Мгла поля покрыла. Соловьиный рокотъ стихъ; галочій говоръ проснулся. Храбрые русичи загородили широкія поля багряными щитами, ища себѣ чести, а князю славы.

III. Съ утра въ пятницу они потоптали поганыя полчища половецкія и, разсыпавшись стрѣлами по полю, помчали красныхъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними золото и парчи, и дорогіе оксамиты; плащами, епанчами, тулупами,всякими расписными тканями половецкими стали мосты мостить по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ. А багряное знамя, бѣлая хоругвь, багряный султанъ, серебряное копье — храброму Святославичу. Дремлетъ въ полѣ Олегово храброе гнѣздо. Далеко залетѣло... Не на обиду было рождено оно — ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый половчанинъ! Бѣжитъ сѣрымъ волкомъ Гза; а Кончакъ [1]) ему во слѣдъ направляется къ Великому Дону.

На другой день, ранымъ рано, кровавая заря свѣтъ возвѣщаетъ. Черныя тучи съ моря идутъ; хотятъ онѣ покрыть четыре солнца; а въ тучахъ дрожатъ синія молніи: быть грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Здѣсь то копьямъ изломаться, здѣсь то саблямъ изрубиться о шлемы половецкіе, на рѣкѣ Каялѣ, у великаго Дону! О Русская земля! ты уже за холмомъ! . .

Вотъ вѣтры, внуки Стрибога, вѣютъ уже стрѣлами съ моря на храбрые Игоревы полки. Гудетъ земля; мутно текутъ рѣки; стелется пыль надъ полями; лепечутъ знамена . . . Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря, и со всѣхъ сторонъ они обступили русскіе полки. Бѣсовы дѣти крикомъ загородили поля; а храбрые русичи загородили багряными щитами. Яръ-туръ [2]) Всеволодъ! стоишь ты въ бою, пры-

---

[1]) Гза и Кончакъ—ханы половецкіе; [2]) Туръ—быкъ (поэтическій эпитетъ князя

щешь стрѣлами на войско враговъ; гремишь объ шеломы мечами булатными. Куда проскакалъ, туръ, блистая своимъ золотымъ шлемомъ, тамъ лежатъ поганыя головы половецкія, тамъ исщепаны калеными саблями шлемы оварскіе — отъ тебя, яръ-туръ Всеволодъ. Какая рана дорога [1]), братія, позабывшему почести и жизнь, и городъ Черниговъ, и золотой престолъ, и своей милой желанной, красной Глѣбовны привѣтъ и любовь!

IV. Были вѣка Трояновы, миновали годы Ярославовы; были походы Олеговы, Олега Святославича: тотъ Олегъ мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по землѣ сѣялъ. Когда вступилъ онъ въ золотое стремя (т. е. готовился къ походу) въ городѣ Тмуторокани, — а тому звону внималъ великій Ярославовъ сынъ, старый Всеволодъ; Владимиръ (Мономахъ) же повседневно затыкалъ уши въ Черниговѣ (такъ какъ не желалъ слышать о походѣ). Бориса же Вячеславича жажда славы привела на смертный судъ, храбраго и молодого князя, за обиду Олегову. Тогда, при Олегѣ Гориславовичѣ, и засѣвалась и поростала усобицами, погибала жизнь Даждьбожа [2]) внука; въ княжихъ крамолахъ вѣкъ людей коротался. Тогда по Русской землѣ рѣдко взывали пахари; зато часто кричали вороны, дѣля между собою трупы, и поднимали свой говоръ галки, сбираясь летѣть на кормленіе.

V. Такъ было въ тѣ битвы и въ тѣ войны, а такой битвы (какъ теперь), еще неслыхано... Съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ копья стальныя, въ чужой степи, среди земли Половецкой. Черна земля подъ копытами костьми была засѣяна, а полита кровью, — печалью взошелъ посѣвъ этотъ по Русской землѣ.

Что тамъ шумитъ, что тамъ звенитъ такъ рано передъ зарею?.... То Игорь полки ворочаетъ: жаль вѣдь ему милаго брата Всеволода. Бились день; бились другой: на третій день къ полудню—пали знамена Игоревы. Тамъ, на берегу быстрой Каялы, разлучились два брата; тамъ вина кроваваго не достало. Тамъ покончили пиръ храбрые русичи: сватовъ напоили, а сами легли за землю Русскую. Никнетъ трава отъ жалости, и дерево съ печалью къ землѣ приклонилось.

VI. И вотъ, братья, уже невеселая пора настала; уже нашу силу степь покрыла. Возстала бѣда въ силахъ Даждьбожа внука (т. е. въ землѣ русской); вступила дѣвою на землю Троянову; всплеснула лебедиными крылами на синемъ морѣ и, плещучи у Дону, прогнала счастливыя времена. Начались усобицы у князей. Говорили они братъ брату: „это мое, и то мое же!“ Начали князья про малое говорить: „это великое“, и сами на себя стали крамолу ковать. А поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю Русскую. О, далеко къ морю залетѣлъ нашъ соколъ, избивая птицъ!

А Игорева храбраго войска уже не воскресить! И всплакались русскія жены причитаючи: „Уже намъ своихъ милыхъ мужей ни мыслію взмыслить, ни думою вздумать, ни очами увидѣть; а того золота и сребра и подавно не носить намъ!“

---

[1]) Т. е. какое дѣло до ранъ; [2]) Даждь-богъ — богъ солнца. Русскій народъ — его внукъ.

Застоналъ, братья, Кіевъ съ печали, Черниговъ съ напасти; разлилась тоска по Русской землѣ; печаль глубокая потекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали; и поганые половцы, набѣгая съ побѣдами на Русскую землю, брали дань по бѣлкѣ со двора. Вѣдь тѣ два храбрые Святославича, Игорь и Всеволодъ пробудили распрями вражду (половцевъ). Ее усыпилъ было отецъ ихъ Святославъ, грозный, великій князь Кіевскій; наступилъ на землю Половецкую, притопталъ холмы и овраги; возмутилъ рѣки и озера; изсушилъ потоки и болота, а поганаго Кобяка, изъ залива морского, отъ желѣзныхъ великихъ полковъ половецкихъ, какъ вихрь, онъ выхватилъ... И палъ Кобякъ въ городѣ Кіевѣ, во дворцѣ Святославовомъ.

Тутъ нѣмцы и венеціанцы, тутъ греки и моравы поютъ славу Святославу, — корятъ князя Игоря, что потопилъ онъ счастье на днѣ Каялы, половецкой рѣки, насыпавъ туда русскаго золота. Тамъ Игорь князь пересѣлъ изъ золотого сѣдла въ сѣдло раба. Стѣны крѣпостныя пріуныли, исчезло веселье.

VII. А Святославъ видѣлъ смутный сонъ: „въ Кіевѣ, на горахъ, въ эту ночь, съ вечера, говоритъ онъ боярамъ, — одѣвали меня чернымъ покровомъ на тисовой кровати; черпали мнѣ синее вино, съ отравой смѣшанное; сыпали мнѣ на грудь крупный жемчугъ изъ порожнихъ колчановъ и ласкали меня. А доски уже безъ князька на на моемъ теремѣ златоверхомъ. Всю ночь съ вечера каркали сѣрые вороны; на лугу были змѣи и ползли къ синему морю“ И говорятъ бояре князю: „Уже, князь, печаль нашъ умъ полонила... Ибо два сокола слетѣли съ отцовскаго золотого престола поискать города Тмутороканя, или шлемомъ напиться изъ Дону. И уже саблями поганыхъ подрублены крылья соколамъ; а ихъ самихъ уже спутали путы желѣзныя. Темно было въ третій день: померкли два солнца, погасли оба багряные столба; а съ ними и два молодыхъ мѣсяца — Олегъ и Святославъ — заволоклись тьмою. На рѣкѣ Каялѣ уже тьма свѣтъ покрыла и по Русской землѣ разсѣялись половцы, какъ барсы одного выводка. Вотъ запѣли готскія [1]) красныя дѣвы, на берегу синяго моря, звеня русскимъ золотомъ; поютъ онѣ время Бусово, славятъ месть Шароканову [2])... А мы, твоя дружина, жаждемъ веселья“.

Тогда великій Святославъ изронилъ золотое слово, со слезами, и сказалъ онъ: „О сыны мои, Игорь и Всеволодъ! Рано вы стали Половецкую землю мечами дразнить, а себѣ славы искать... Не удалось вамъ съ честью одолѣть и пролить кровь поганыхъ! Ваши храбрыя сердца изъ крѣпкой стали скованы и закалены въ смѣлости; но что же вы содѣяли моей серебряной сѣдинѣ!

И ужъ не вижу я мощи сильнаго и богатаго и воинственнаго брата моего Ярослава съ черниговскими боярами могучими, и съ татранами и съ шельбирами, и съ топчаками и съ ревугами и съ ольберами [3]); они безъ щитовъ, съ засапожными ножами, съ боевымъ кличемъ, полки побѣждаютъ, звеня славою предковъ [4]). Но вы сказали:

---

[1]) Готы — германскій народъ, жившій на берегахъ Чернаго моря; [2]) Бусъ и Шароканъ, половецкіе князья. Послѣдній отомстилъ русскимъ въ 1111 году за нападенія; [3]) Инородческія племена въ Черниговскомъ княжествѣ; [4]) Боевой кличъ состоялъ въ провозглашеніи именъ побѣдоносныхъ предковъ.

мы сами проявимъ мужество, будущая слава намъ самимъ достанется, и минувшей сами подѣлимся".

О, диво ли, братья, и старому помолодѣть! Когда соколъ перелинялъ, высоко онъ взбиваетъ птицъ; не дастъ своего гнѣзда въ обиду!

VIII. Великій князь Всеволодъ! отчего тебѣ не прилетѣть мыслію издалека, чтобъ отцовскій золотой престолъ поблюсти. Ты можешь Волгу веслами разбрызгать, а Донъ вычерпать шлемами! Если бы ты былъ здѣсь — была бы плѣнница по ногатѣ и плѣнникъ по рѣзани (т. е. плѣнныхъ было бы такъ много, что стоимость ихъ бы очень упала: „ногата" и „рѣзана" — названія монетъ).

Ты, смѣлый Рюрикъ и Давидъ! Не ваши ли золоченые шлемы въ крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкаетъ, какъ туры, раненные калеными саблями въ полѣ незнаемомъ? . . Вступите же, государи, въ золотыя стремена, за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославича!

Галицкій князь Осмомыслъ Ярославъ! Высоко ты сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ; ты подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками — заступивъ путь королю, затворивъ ворота Дунаю, метая громадами чрезъ облака, суды рядя до Дуная... Грозы твои текутъ по землямъ; отворяешь ты ворота Кіеву; съ отцовскаго золотого престола стрѣляешь султановъ за землями... Стрѣляй же, государь, Кончака, поганаго раба (мстя) за землю Русскую, за раны Игоря, храбраго Святославича!

А ты, отважный Романъ и Мстиславъ! Храбрая мысль носитъ умъ вашъ на дѣло. Высоко плаваешь на дѣло въ отвагѣ, какъ соколъ, ширяясь на вѣтрахъ и стремясь въ ярости одолѣть птицу... У васъ желѣзные нагрудники подъ шлемами латинскими. Отъ нихъ уже дрогнула земля и многія страны: ханскія, Литва, ятвяги, деремела и половцы побросали свои копья и склонили головы подъ тѣ мечи булатные.

Но вотъ уже, князь Игорь, слабѣетъ свѣтъ солнца, и деревья, не къ добру листья сронили. По Руси, по Сулѣ — враги города подѣлили. А Игорева храбраго войска уже не воскресить! . . Донъ кличетъ тебя, князь, и зоветъ всѣхъ князей на побѣду.

Храбрые князья Ольговичи готовы на брань! . . О Ингварь и Всеволодъ, и всѣ три Мстиславича! Не худого гнѣзда соколы-шестокрыльцы! Не жребіемъ побѣдъ себѣ власть вы стяжали! Гдѣ же ваши золотые шлемы, и ляшскія копья, и багряные щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами — за землю Русскую, за раны Игоря, храбраго Святославича!

Уже Сула не бѣжитъ серебряными струями къ городу Переяславлю; уже Двина болотомъ течетъ къ тѣмъ грознымъ полочанамъ, подъ крикомъ поганыхъ. Одинъ только Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвонилъ своими острыми мечами объ шлемы литовскіе; перебилъ онъ славу у дѣда своего Всеслава, а самъ подъ багряными щитами, на кровавой травѣ, пораженный литовскими мечами, молвилъ: „Дружину твою, князь, птицы крылами покрыли, а звѣри кровь полизали!" Не было тамъ (съ Изяславомъ) ни брата Брячислава, ни другого Всеволода: одинъ онъ выронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла, сквозь золотое ожерелье. Пріуныли пѣсни; поникло веселье; трубятъ трубы городенскія.

О Ярославъ и всѣ внуки Всеслава! Опустите же свои знамена, Вложите свои мечи поврежденные! Уже вы лишены дѣдовской славы! Вы-то своими крамолами стали наводить поганыхъ на землю Русскую на область Всеслава.

На седьмомъ Трояновѣ вѣкѣ бросилъ Всеславъ жребій о милой ему дѣвицѣ. Подпершись хитростями, сѣлъ онъ на коня, подскочилъ къ городу Кіеву и прикоснулся остріемъ копья къ золотому кіевскому престолу. Въ полночь, изъ Бѣлагорода, какъ лютый звѣрь отскочилъ отъ нихъ (враговъ своихъ, сыновей Ярослава М.), окутался синей мглой. Поутру же ударилъ съ Дудутокъ.

На Немигѣ рѣкѣ снопы стелютъ — головы; молотятъ цѣпами булатными: на току кладутъ жизнь, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немиги не зерномъ были засѣяны, засѣяны были костями Русскихъ сыновъ.

Всеславъ князь людямъ суды судилъ; князьямъ города рядилъ; а самъ волкомъ рыскалъ въ ночи; изъ Кіева онъ еще до пѣтуховъ дорыскивалъ къ Тмутороканю; великому Хорсу [1]) волкомъ путь перерыскивалъ. Ему звонили рано въ колокола къ заутренѣ въ Полоцкѣ у святой Софіи, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ! Хоть и вѣщая душа въ храбромъ тѣлѣ, но часто терпѣлъ бѣды. Ему-то вѣщій Боянъ и прежде разумную припѣвку сказалъ: „Ни хитрому, ни быстрому, будь онъ птицы быстрѣй, не миновать суда Божія!“

О, стонать Русской землѣ, вспоминая прежнее время и прежнихъ князей! Того стараго Владимира нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ! Его знамена уже стали — одни Рюриковы, другія Давыдовы.

X. Слышенъ голосъ Ярославнинъ. Кукушкой тайкомъ отъ всѣхъ взываетъ онъ рано утромъ: „Полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю! омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, утру князю кровавыя его раны на страдающемъ тѣлѣ“. Ярославна плачетъ съ утра въ Путивлѣ на стѣнѣ, приговаривая: „О вѣтеръ, вѣтеръ! Зачѣмъ, господинъ мой, такъ сильно вѣешь? Зачѣмъ ты, на своихъ легкихъ крыльяхъ, мчишь ханскія стрѣлы на воиновъ моего милаго? Мало-ль тебѣ было (простору) въ вышинѣ подъ облаками вѣять, качая корабли на синемъ морѣ. Зачѣмъ же, господинъ мой, мое веселье по ковылю развѣялъ?“ Ярославна плачетъ съ утра въ Путивлѣ-городѣ на стѣнѣ, приговаривая: „О славный Днѣпръ! Ты пробилъ себѣ каменныя горы черезъ землю Половецкую; ты несъ на волнахъ своихъ Святославовы ладьи до войска Кобякова; понеси, господинъ мой, моего мужа ко мнѣ, чтобы не посылать мнѣ къ нему слезъ на море съ утра!“ Ярославна плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, приговаривая: „Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! Для всѣхъ ты тепло и красно. Зачѣмъ же, господинъ мой, простерло ты свой горячій лучъ на милыхъ воиновъ моего мужа?... въ полѣ безводномъ имъ луки свело, печалью имъ тулы замкнуло!..“

XI. Зашумѣло море на полночь; идутъ смерчи туманные. Игорю князю Богъ кажетъ путь изъ земли Половецкой въ землю Русскую, къ отцовскому золотому престолу. Погасла заря. Игорь спитъ... Игорь бодрствуетъ; Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дона до ма-

---

[1]) Хорсъ — богъ солнца (какъ и Даждьбогъ).

лаго Донца. Коня въ полночь свистнулъ Овлуръ за рѣкою; велитъ разумѣть князю... Загудѣла земля; прошумѣла трава; вздрогнули шатры половецкіе... А Игорь князь поскакалъ горностаемъ къ тростнику и поплылъ бѣлымъ гоголемъ по водѣ. Метнулся на борзаго коня, соскочилъ съ него сѣрымъ волкомъ, помчался къ лугу Донца и полетѣлъ соколомъ въ туманѣ, бьючи гусей и лебедей на обѣдъ, на завтракъ н на ужинъ. Когда Игорь соколомъ летѣлъ, тогда Овлуръ мчался волкомъ, отряхая собою студеную росу: надорвали они своихъ борзыхъ коней.

И говоритъ рѣка Донецъ: „О князь Игорь! Немало тебѣ величія, а Кончаку досады, а Русской землѣ веселія!“ Игорь говоритъ: „О Донецъ! немало славы тебѣ, что качалъ ты князя на волнахъ своихъ; что ты стлалъ ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ; одѣвалъ его теплыми туманами подъ сѣнью зеленаго дерева; стерегъ его какъ гоголя на водѣ, какъ чаекъ на струяхъ.

То не сороки застрекотали: то Гза съ Кончакомъ ѣдутъ по слѣду Игореву. Тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали. Дятлы своимъ стукомъ указываютъ путь къ рѣкѣ; соловьи веселыми пѣснями близость свѣта возвѣщаютъ. И говоритъ Гза Кончаку: „Когда соколъ летитъ къ гнѣзду то соколенка мы разстрѣляемъ своими золочеными стрѣлами!“ Отвѣчаетъ Гзѣ Кончакъ: „Когда соколъ летитъ къ гнѣзду, то соколенка мы опутаемъ красною дѣвицею!“ И говоритъ Гза Кончаку: „Когда мы опутаемъ его красною дѣвицею, — не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы, и почнутъ насъ тогда бить птицы въ полѣ Половецкомъ“.

XII. Сказалъ Боянъ: „Коганъ! тяжко тебѣ, головѣ, безъ плечъ, но плохо и тѣлу безъ головы!“ Такъ и русской землѣ — безъ Игоря. Свѣтитъ солнце на небѣ; Игорь князь — въ Русской землѣ. Поютъ дѣвы на Дунаѣ; несутся пѣсни черезъ море до Кіева. Ѣдетъ Игорь по Боричеву-ввозу, къ святой Богородицѣ Пирогощей. Рады всѣ страны, веселы города.

Пѣли пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ пѣть станемъ: „Слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Да здравствуютъ князья и дружина, побороающіе за христіанъ на полчища невѣрныхъ! Слава князьямъ и дружинѣ!“ Аминь.

Изъ Задонщины.

Поидемъ, братіе, въ полуночную страну, жребій Афетовъ, сына Ноева, отъ него же родися Русь преславная, оттолѣ взыдемъ на горы Кіевскія, и посмотримъ съ ровнаго Днѣпра по всей землѣ Русской, и оттолѣ на восточную страну, жребій Симовъ, сына Ноева, отъ него же родишася Хиновя, поганыи Татаровя, Бусурмановя. Тѣ бо на Каялѣ одолѣша родъ Афетовъ. И оттолѣ Русская земля сѣдитъ не весела, а отъ Калоцкія рати до Мамаева побоища тоскою и печалію покрылася, плачущися, чады свои поминающи. Князи и бояря и уда-

[1]) Коганъ, Каганъ — титулъ князя, заимствованный у хозаръ.

лые люди, иже оставиша вся домы своя, и богатства, жены, и дѣти, и скотъ, честь и славу міра сего получивши, главы своя положиша за землю Русскую и за вѣру христіянскую.

Снидемся, братія и други, сынове русскіе, составимъ слово къ слову, возвеселимъ Русскую землю, возверземъ печаль на восточную страну, въ Симовъ жребій, и воздадимъ поганому Мамаю побѣду, а великому князю Димитрію Ивановичу похвалу и брату его князю Владимиру Андреевичу. И рцемъ таково слово: „Лучше бо намъ, братіе, начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ и о нынѣшнихъ повѣстяхъ, похвалу великаго князя Димитрія Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича — а внуки святаго великаго князя Владимира Кіевскаго, — начати повѣдати по дѣломъ и по былинамъ. Не проразимся мыслію, но... помянемъ первыхъ лѣтъ времена; восхвалимъ вѣщаго Бояна, въ городѣ Кіевѣ горазда гудца. Той бо вѣщій Боянъ, воскладая свои златые персты на живыя струны, пояше славу русскіимъ княземъ, первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичу и Святославу, Ярополку, Владимиру Святославичу, Ярославу Владимировичу, похваляя ихъ пѣсньми и гуслеными буйными словесы. — Азъ же помяну Рязанца Софонію, и восхвалю пѣсньми и гуслеными словесы... господина князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, занеже ихъ было мужество и желаніе за землю Русскую и за вѣру христіянскую. Се бо князь великій Дмитрій Ивановичъ и братъ его князь Владимиръ Андреевичъ поостриша сердца своя мужествомъ, ставше свою крѣпостью, помянувше прадѣда, князя Владимира Кіевскаго, царя русскаго.

Оле, жаворонокъ птица, въ красныя дни утѣха! взыди подъ синія облаки; посмотри къ сильному граду Москвѣ; пой славу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу! Они бо взнялися, какъ соколи, со земли Русскія на поля половецкія. Кони ржутъ на Москвѣ; бубны бьютъ на Коломнѣ; трубы трубятъ въ Серпуховѣ; звенитъ слава по всей землѣ Русской. Чудно стязи стоятъ у Дону великаго, пашутся хоругови берчаты, свѣтятся калантыри злачены. Звонятъ колоколи вѣчніи въ великомъ въ Новѣгородѣ, стоятъ мужи Новгородцы у святыя Софіи, а ркучи такову жалобу: „Уже намъ, братіе, къ великому князю Дмитрію Ивановичу на пособь не поспѣти“ Тогда, аки орли слетошася со всея полунощныя страны; то ти не орли слетошася; выѣхали посадники изъ великаго Новагорода, 7000 войска, къ великому князю Дмитрію Ивановичу и къ брату его князю Владимиру Андреевичу. Съѣхалися всѣ князи русскіе къ великому князю Дмитрію Ивановичу на пособь, а ркучи такъ: „Господине князь великій! уже поганіи Татарове на поля на наши наступаютъ, а вотчину нашу у насъ отнимаютъ. Стоятъ между Дономъ и Днѣпромъ на рѣцѣ на Мечѣ. И мы, господине, поидемъ за быструю рѣку Донъ, укупимъ землямъ диво, старымъ повѣсть, а младымъ память!“ Тако рече князь великій Дмитрій Ивановичъ своей братіи, русскимъ княземъ: „Братьица моя милая, русскіе князи! гнѣздо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича. Досюда есмя были, братіе, никуда не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни бѣлу кречету, ни тому псу поганому Мамаю!“

Славій птица! что бы еси выщекотала сія два брата, два сына Ольгердова, Андрея Полотскаго, Дмитрія Брянскаго. Ти бо бѣша въ въ сторожевые полки на щитѣ рожены, подъ трубами повиты, подъ шеломы взлелѣяны, конецъ копія вскормлены, съ востраго меча пое-

ны, въ Литовской землѣ. Молвяше Андрей къ своему брату Дмитрію: „Сама есма два брата, дѣти Ольгердови, внучата Гедеминови правнучата Скольдимеровы! Сядемъ, брате, на свои борзи комони, испіемъ, брате, шеломомъ своимъ воды быстраго Дону, испытаемъ мечи свои булатные!“ И рече ему Дмитрій: „Брате Андрей, не пощадимъ живота своего за землю за Русскую и за вѣру христіанскую, и за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича. Уже бо, брате, стукъ стучитъ и громъ гремитъ въ славнѣ городѣ Москвѣ. То ти, брате, не стукъ стучитъ, ни громъ гремитъ: стучитъ сильная рать великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, гремятъ удальцы золочеными шеломы, черлеными щиты. Сѣдлай, брате Андрей, свои борзые комони, а мои готовы, напреди твоихъ осѣдланы. Выѣдемъ, брате, въ чистое поле, и посмотримъ своихъ полковъ, сколько съ нами храбрыя Литвы, а храбрыя Литвы съ нами 7000 рати“.

Уже бо всташа сильніи вѣтры съ моря, прилелѣяша тучу велику наусть Днѣпра, на Русскую землю: изъ тучи выступиша кровавыя облака, а изъ нихъ пашутъ синія молньи. Быти стуку и грому велику между Griffin Дономъ и Днѣпромъ, пасти трупу человѣческому на полѣ Куликовѣ, пролитися крови на рѣчкѣ Непрядвѣ. Уже бо скрипѣли телѣги между Дономъ и Днѣпромъ. Идутъ Хинове поганые на Русскую землю. То ти были не сѣріи волцы: придоша поганые Татарове, хотятъ пройти воюючи, взяти всю землю Русскую. Тогда же гуси гоготаша, и лебеди крылы всплескаша. Се бо поганый Мамай приведе вои свои на Русь. Птицы небесныя, пасущеся ту, подъ синія оболока летятъ, вороны граютъ, галицы свои рѣчи говорятъ, орли восклекчутъ, волцы грозно воютъ лисицы часто брешутъ, чаютъ побѣду на поганыхъ, а ркучи такъ: „Земля еси Русская, какъ еси была доселева за царемъ за Соломономъ, такъ буди и нынѣча за княземъ великимъ Дмитріемъ Ивановичемъ!“ Тогда же соколи и кречети, Бѣлозерскіе ястреби, отъ златыхъ колодицъ изъ каменна града Москвы возлетѣша подъ синія небеса, позвонятъ своими злачеными колокольцы.

Изъ житія препод. Сергія Радонежскаго

Младенчество и отрочество св. Сергія. Хощу же сказати времена и лѣта, въ няже Преподобный родися: въ лѣта благочестиваго, преславнаго, державнаго царя Андроника, самодержца греческаго, иже въ Цареградѣ царствовавшаго, при архіепископѣ Константиня града Каллистѣ, патріарсѣ вселенскомъ, въ землѣ же Русстѣй въ княженіе великое Тферское при великомъ князѣ Димитріи Михаиловичѣ, при архіепископѣ преосвященнѣмъ Петрѣ, митрополитѣ всея Руси, егда бѣ рать Ахмулова. Младенецъ же прежереченный, о немъ же слово изъ начала приходитъ, бѣ убо по святомъ крещеніи, преиде время нѣколико мѣсяцей, егда и отдоенъ [1]) бысть закономъ естества, и отъ сосцу отъемлется, и отъ пеленъ разрѣшается, и отъ колыбѣли освобожается. И тако абіе [2]) отроча ростяше прочее время по обычаю тѣ-

---

[1]) Вскормленъ; [2]) тотчасъ.

леснаго возраста, преуспѣвая душей и тѣломъ, и духомъ, и исполняяся разума и страха Божія, и милость Божія бѣ на немъ, дондеже достиже седьмаго лѣта возрастомъ, въ егда родителіе его вдаша его грамотѣ учити. Прежереченный рабъ Божій Кириллъ имѣяше три сына: перваго Стефана, второго же Варфоломея, третьяго же Петра, ихъ же воспита со всякимъ наказаніемъ во благочестіи и чистотѣ. Стефану же и Петру, спѣшно изучившу грамоту, сему же отроку, не выкнущу писанію, но медленно нѣкако и не прилѣжно, учитель же его со многимъ прилежаніемъ учаше его, но отрокъ не внимаше и не умѣяше: неточенъ бысть дружинѣ своей, учащимся съ нимъ. О семъ убо много бранимъ бываше отъ родителю своею, болѣ же отъ учителя томимъ, а отъ дружины укоряемъ. Отрокъ же втайнѣ часто со слезами моляшеся Богу, глаголя: „Господи, Ты дай же ми грамоту сію, Ты научи мя и вразуми!" яко отъ Бога дастся ему книжный разумъ, а не отъ человѣкъ. Посемъ убо не мала печаль бяша родителема его, не малу же тщету вмѣняше себѣ учитель его; вси же си печаляхуся, не вѣдуще, яже о немъ вышняго настроенія Божія промысла, яже хощетъ Богъ сотворити на отрочати семъ, яко не оставитъ Господь Преподобнаго своего. Се же бяше по смотрѣнію Божію быти сему, яко да отъ Бога книжное ученіе будетъ ему, а не отъ человѣкъ, еже и бысть. Скажемъ же и сіе яко отъ Божія откровенія умѣти ему грамоту.

Основаніе Троицкой обители. И призва Петра, по плоти брата своего меньшаго, оставляетъ ему отчее наслѣдіе, и спроста вся, яже суть въ дому его, житейскимъ на потребу; самъ же не взя себѣ ничтоже по Божественному Апостолу рекшему: „уметы вся вмѣнихъ си, да Христа пріобрящу!" Стефану же, по роду брату его старѣйшему немного лѣтъ поживišу съ женой, и жена его умре, родивши два сына, Климента да Іоанна, по мнозѣ оставль міръ и бысть мнихъ въ монастырѣ святыя Богородицы у Покрова, иже на Хотьковѣ. Къ нему же пришедъ блаженный юноша Варфоломей, моляше Стефана, дабы шелъ съ нимъ на взысканіе мѣста пустыннаго; Стефанъ же принуженъ бывъ словесы блаженнаго. И исшедша обходиста по лѣсомъ многа мѣста, и послѣди пріидоста на едино мѣсто пустыни въ чащахъ лѣса, имуще и воду. Обишедша же мѣсто то возлюбиста. Паче же Богу наставляющу ихъ, и сотвориша молитву, начаста своима рукама лѣсъ сѣщи, и на раму свою бревна изнесоша на мѣсто. Прежде же себѣ сотвориста одрину и хизину и покрыста ю. Потомъ же келію едину создаста и обложиста церквицу малу и срубиста ю.

Чудо о медвѣдѣ. Мнози бо звѣріе, якоже речеся, въ той пустыни тогда обрѣтахуся. Овіи стадомъ выюще, ревуще дохождааху: а друзіи же не во мнозѣ, но или два, или тріе, или единъ по единому мимо течаху; овіи же отдалече, а друзіи близь блаженнаго приближахуся и окружаху его, яко и нюхающе его. И отъ нихъ же единъ звѣрь, рекомый аркуда — еже сказается медвѣдь — иже повсегда обыче приходити къ преподобному. Се же видѣвъ преподобный, яко не злобы ради приходитъ ему звѣрь, но паче, да возьметъ отъ брашна мало нѣчто въ пищу себѣ, и изношаше ему отъ хижи своея малъ укрухъ хлѣба и полагаше ему на пень или колоду, яко да пришедъ по обычаю звѣрь, и яко готову себѣ обрѣте пищу, и веземъ усты своими, и отхожаше. Аще ли когда недоставшу хлѣбу, и пришедъ по обычаю звѣрь не обрѣте обычнаго своего урочнаго укруха, тогда

долго время не отхожаше, но стояше, взирая сѣмо и овамо, ожидая, аки нѣкій злый должникъ, хотя воспріяти долгъ свой. Аще ли прилучашеся единому обрѣстися укруху, то нужа бысть преподобному и то предѣлити на двѣ части, да едину убо себѣ оставитъ, а другую звѣреви оному предложитъ. Не имѣяша бо тогда въ пустынѣ Сергій у себя различныхъ брашенъ, развѣ точію хлѣбъ единъ и воду отъ источника, сущаго ту, и то же пооскуду. Многажды и хлѣбу дневному не обрѣстися. И егда сему бываему, тогда оба абіе пребываста алчуща, самъ же и звѣрь. Иногда же блаженный себѣ не угожаше и самъ алченъ бываше; аще и единъ кусъ хлѣба обрѣташеся у него, и то предъ звѣремъ онѣмъ предметаше, и изволи самъ, не вкушая въ той день, алкати паче, нежели звѣря оного оскорбити и не ядша, отпустити. Не единсю же, ни дважды звѣрь онъ приходити обыче, но по многа времена на кійждо день, аки множае году сіе творяше.

Заселеніе Радонежской пустыни. Окрестъ же монастыря того все пусто, со вся страны лѣсове, всюду пустынь; пустыня бо въ рѣсноту [1]) нарицашеся. И сице жившимъ имъ, дондеже исполнишася дніе лѣтъ, яко мню, множае пятидесяти. Паки же по днехъ, непщую, [2]) яко въ днехъ княженія князя великаго Ивана, сына Ивана, брата же Симеоня, тогда начаша приходити христіане и обходити сквозѣ вся лѣсы оны, и возлюбиша жити ту. И множество людій восхотѣвше начаша со оба полы мѣста того садитися. И начаша сѣщи лѣса оны яко никомуже возбраняющу имъ. И сотвориша себѣ различныя многія починцы. Преждереченную исказиша пустыню, не пощадѣша. И сотвориша пустыню, яко поля чиста многа, якоже и нынѣ нами зрима суть. И составиша села и дворы многи; и насѣяша села; и сотвориша плодъ житенъ; и умножишася зѣло. И начаша посѣщати и учащати въ монастырь, приносяще многообразная и многоразличная потребованія, имъ же нѣсть числа. Но мы оздѣ сію рѣчь оставльше-а на предреченную бесѣду обратимся, еже отъ начатка слова начахъ повѣдовати о всяцѣй худости и недостатцѣхъ нужныхъ потребъ, безъ нихъ же немощно обрѣстися. Егда исперва начинашеся создаватися мѣсто то, егда не множайшимъ братіямъ, живущимъ въ немъ, егда не мнози бяху приходящеи и приносящеи: тогда начастѣ скудости бываху потребныхъ; яко многажды наутрія и хлѣбу не обрѣстися. Да кто можетъ сказати недостатки, бывшая преподобному отцу нашему Сергію? Исперва, егда начинашеся строитися мѣсто то, овогда убо не достало хлѣба, и муки, и пшеницы, и всякаго жита; иногда же не достало масла и соли, и всякаго ястія брашеннаго; овогда же не достало вина, имъ же обѣдня служити, и ѳиміаму, имъ же кадити; иногда же не достало воску, имъ же свѣщи скати [3]).И пояху въ нощи заутреннюю, не имуще свѣщъ, но токмо лучиною березовою или сосновую свѣтяху себѣ; и тѣмъ нуждахуся канонархати, или по книгамъ чести, и сице совершаху ночныя службы своя. Преподобный же Сергій всякую нужу ону, и тѣсноту, и всяку скудость, и недостатки терпяше со благодареніемъ, ожидая отъ Бога богатыя милости.

---

[1]) воистину; [2]) полагаю; [3])сучить.

Изъ Слова о погибели рускыя земли

О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля русьская! и многыми красотами удивлена еси: озеры многыми удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестьными, горами крутыми, холми высокыми, дубравами частыми, польми дивными, звѣрьми разлычными, птицами бещислеными, горы великыми, селы дивными, винограды обителными, домы церковьными, и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами! Всего еси испольнена земля руская о правовѣрьная вѣра христіаньская! (Перечисляются сосѣдніе русскимъ народы, указывается ширина русской земли). То было Богомъ крестияньскому языку поганьскыя страны великому князю Всеволоду, отцю его Юрью князю кыевьскому, дѣду его Володимеру и Мономаху, которымъ то половоци дѣти своя ношаху въ колыбѣли, а Литва изъ болота на свѣтъ не вынику ваху, а угры твердяху каменыи городы желѣзными вороты, абы на нихъ великыи Володимеръ тамо не вьсѣхалъ а нѣмци радовахуся, далече будуче за синимъ моремъ; буртаси, черемиси, вяда и моръдва бортьничаху [1]) на князя великаго Володимера, и жюръ [2]) Мануилъ царегородскыи опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша къ нему, абы подъ нимъ великыи князь Володимеръ царя города не взялъ. А в ты дни болѣзнь крестианомъ отъ великаго Ярослава и до Володимера, и до нынящняго Ярослава и до брата его Юрья князя володимерьскаго...

[1]) бортничать — собирать лѣсной медъ; [2]) киръ (греч.) — господинъ

II. ЛИТЕРАТУРА МОСКОВСКАГО ПЕРІОДА (XV — XVI вв.)

Изъ Путешествія Аѳанасія Никитина въ Индію.
(2-ая половина XV в.)

А тутъ есть Индѣйская страна, и люди ходятъ наги всѣ, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы въ одну косу плетены... а мужи и жены всѣ черны: язъ хожу куда, ино за мною людей много, дивятся бѣлому человѣку. А князь ихъ, фата на головѣ, а другая на бедрахъ, а бояре у нихъ ходятъ, фата на плещѣ, а другая на бедрахъ, а княгини ходятъ, фата на плечѣ обогнута, а другая на бедрахъ; а слуги княжіе и боярскіе, фата на бедрахъ обогнута, да щитъ да мечъ въ рукахъ, а иныя съ сулицами, а иные съ ножи, а иные съ саблями, а иные съ луки и стрѣлами, а всѣ наги да босы...

...А въ томъ Чюнерѣ ханъ у меня взялъ жеребца, а увѣдалъ, что язъ не бесерменинъ [1]), Русинъ, и онъ молвитъ: „И жеребца дамъ и тысячу золотыхъ дамъ, а стань въ вѣру нашу въ Махметъ-Дени [2]); а не станешь въ вѣру нашу въ Махметъ-дени, и жребца

[1]) Мусульманинъ; [2]) Магометанская вѣра—по арабски: Никитинъ часто вводитъ въ свое изложеніе арабскія, персидскія и тюркскія слова и фразы.

возьму и тысячу золотыхъ на главѣ твоей возьму“; а срокъ учинилъ на 4 дни, въ Госпожино говѣйно на Спасовъ день. И Господь Богъ смиловался на свой честный праздникъ, не остави отъ меня милости своея грѣшнаго и не повелѣ погибнути въ Чюнерѣ съ нечестивыми; и канунъ Спасова дни пріѣхалъ Хозяйочки Махметъ Хорасанецъ, билъ есми челомъ ему, чтобы ся о мнѣ печаловалъ, и онъ ѣздилъ къ хану въ городъ да меня отпросилъ, чтобы меня въ вѣру не поставили, да и жеребца моего у него взялъ. Таково Господарево чудо на Спасовъ день. Ино, братья русьтіи христіяне, кто хочетъ поити въ Индѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да вскликнувъ Махмета да пойди въ Гундустанскую землю. Меня залгали псы бесермена, а сказывали всего многа нашему товару, ано нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлой, на Бесерменскую землю, перецъ да краска, то дешево; ино возятъ аче моремъ, и они пошлины не даютъ, а намъ пошлины великія; а разбойниковъ на морѣ много, а розбиваютъ все Кафары [1]), ни крестіяне, ни бесермена, а молятся каменымъ болванамъ, а Христа не знаютъ...

Въ Индѣйской землѣ княжатъ все Хорасанцы, и бояре всѣ Хорасанцы; а Гундустанцы все пѣшеходы, а ходятъ борзо, а всѣ наги да босы, да щитъ въ руцѣ, а въ другой мечъ, а иные слуги съ великими съ прямыми луки да стрѣлами. А бой ихъ все слоны, да пѣшихъ пускаютъ напередъ; Хорасанцы на конѣхъ да въ доспѣхахъ, и кони и сами. А къ слономъ вяжутъ къ рылу да къ зубомъ великіе мечи по кендарю, кованы, да оболочатъ ихъ въ доспѣхъ булатный, да на нихъ учинены городки, да въ городкѣ по 12 человѣкъ въ доспѣсѣхъ, да все съ пушками да стрѣлами. Есть у нихъ одно мѣсто... базаръ Алядинандъ [2]), на годъ единъ базаръ, съѣзжается вся страна Индѣйская торговати, да торгуютъ 10 днй, отъ Бедеря 12 ковов ъ, приводятъ коней до 20 тысящъ, продаютъ, всякій товаръ свозятъ. Въ Гундустанской землѣ той торгъ лучшій, всякій товаръ продаютъ, купятъ, на память шиха Аладина, на Русскій праздникъ на Покровъ святыя Богородицы. Есть въ томъ Аландѣ и птица гукукъ, а летаетъ ночи, а кличетъ гукукъ; а на которой хороминѣ сидитъ, то тутъ человѣкъ умретъ; а кто не хочетъ убити, ино у нея изо рта огнь выйдетъ. А мамоны [3]) ходятъ ночи да имаютъ куры, а живутъ въ горѣ или въ каменьѣ. А обезьяны-то тѣ живутъ по лѣсу, да у нихъ есть князь обезьянскій, да ходитъ ратію своею; да кто ихъ заимаетъ, и они ся жалуютъ князю своему, и онъ посылаетъ на того свою рать; и они пришедъ на градъ и дворы разваляютъ и людей побьютъ. А рати ихъ сказываютъ вельми много, и языкъ ихъ есть свой, а дѣтей родятъ много. Да который родится ни въ отца, ни въ матерь, они тѣхъ мечутъ по дорогамъ, ино Гундустанцы тѣхъ имаютъ да учатъ всякому рукодѣлью, а иныхъ продаютъ ночи, чтобы взадъ не знали побѣжати, а иныхъ учатъ базымиканетъ...[4])

Да о вѣрѣ же ихъ распытахъ все, и они сказываютъ: вѣруемъ въ Адама, а Буты [5]), кажутъ, то есть Адамъ и родъ его весь. А вѣръ въ Индѣи всѣхъ 80 и 4 вѣры, а всѣ вѣруютъ въ Бута; а вѣра съ вѣрою ни піетъ, ни ястъ, ни женится; а иные же баранину, да ку-

---

[1]) Язычники; [2]) Рынокъ Аладина; [3]) Обезьяны; [4]) Танцовать (перс.); [5]) Бутъ — Будда.

ры, да рыбу, да яица ѣдятъ, а воловины не ѣдятъ никакая вѣра. Въ Бедерѣ же быхъ 4 мѣсяца, и свѣщахся въ Индѣяны поити къ Первоти, то ихъ Ерусалимъ, по бесерменски Мякъка [1]) то де ихъ Бутхана [2]). Тамъ же поидохъ съ Индѣяны до Бутханы мѣсяцъ, и торгу у Бутханы 5 дни. А Бутана же вельми велика есть, съ полъ-Твери камена. Да рѣзаны по ней дѣянія Бутовыя, около ея всея 12 рѣзано вѣнцовъ, какъ Бутъ чудеса творилъ, какъ ся имъ являлъ многими образы: первое, человѣческимъ образомъ являлся; другое, человѣкъ, а хвостъ слоновъ; третье, человѣкъ, а видѣнье обезьянино; въ четвертыя, человѣкъ, а образъ лютаго звѣря, являлся имъ все съ хвостомъ, а вырѣзанъ на камени, а хвостъ черезъ него сажень... Въ Бутханѣ же Бутъ вырѣзанъ изъ камени, вельми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку правую поднялъ высоко да простеръ, аки Устьянъ [3]) царь Цареградскій, а въ лѣвой руцѣ у него копіе, а на немъ ничего нѣтъ... а видѣнье обезьянино... А предъ Бутомъ же стоитъ волъ вельми великъ, а вырѣзанъ изъ камени изъ чернаго, а весь позолоченъ, а цѣлуютъ его въ копыто, а сыплютъ на него цвѣты, и на Бута сыплютъ цвѣты.

Индѣяне же не ядятъ никотораго мяса, ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, а свиней же у нихъ вельми много; а ядятъ же днемъ двожды, а вина не піютъ, ни сыты; а съ бесерменомъ не піютъ, ни ядятъ. А ѣства же ихъ плоха, а единъ съ еднимъ ни піетъ, ни ястъ, ни съ женою: а ядятъ брынецъ, да кичири съ масломъ, да травы розныя ядятъ, а варятъ съ масломъ да съ молокомъ; а ядятъ все рукою правою, а лѣвою не пріимется ни за что а ножа не держатъ, а лжицы не знаютъ, а на дорозѣ ктоже себѣ варитъ кашу, а у всякаго по горнцу. А отъ Бесермянъ крыются, чтобы не посмотрилъ ни въ горнецъ, ни въ яству; а посмотрилъ Бесерменинъ на ѣству, и онъ не ястъ; а ядятъ иные, покрываются платомъ, чтобы никто не видалъ его. А намазъ ихъ на востокъ, порусски; обѣ руки подымаютъ высоко, да кладутъ на темя, да ложатся ницъ, на землѣ, да весь ся истягнетъ по землѣ: то ихъ поклоны. А ясти же садятся, и они омываютъ руки да и ноги, да и ротъ пополаскиваютъ. А бухтаны же ихъ безъ дверей, а ставлены на востокъ, а Буты стоятъ на востокъ. А кто у нихъ умретъ, и они тѣхъ жгутъ, да пепелъ сыплютъ на воду. А у жены дитя родится, ино бабитъ мужъ, а имя сыну даетъ отецъ, а дочери мати... Пошелъ или пришелъ, и они ся кланяютъ почернечески, обѣ руки дотычутъ до земли, а не говоритъ ничего... Индѣяне же вола зовутъ отцомъ, а корову матерью; а каломъ ихъ пекутъ хлѣбы и ѣству варятъ собѣ, а попеломъ тѣмъ мажутся по лицу, и по челу, и по всему тѣлу: ихъ знамя...

---

[1]) Мекка; [2]) храмъ, капище; [3]) Юстиніанъ.

Изъ переписки князя Курбскаго съ царемъ Іоанномъ Грознымъ.
(1564 г.)

Епистолія первая князя Андрея Курбскаго, писана къ царю и великому князю Московскому, прелютаго ради гоненія его. Царю, отъ Бога препрославленому, паче же въ православіи пресвѣтлу явившуся, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, сопротивъ симъ обрѣтшемуся. Разумѣваяй да разумѣетъ, совѣсть прокаженну имущій, якова же ни въ безбожныхъ языцѣхъ обрѣтается... И больше сего о семъ всѣхъ по ряду глаголати не попустихъ моему языку; гоненія же ради прегорчайшаго отъ державы твоея, отъ многія горести сердца потщуся мало изрещи ти.

Про что, царю, сильныхъ во Израили побилъ еси? и воеводъ отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предалъ еси? и побѣдоносную, святую кровь ихъ во церквахъ Божіихъ, во владыческихъ торжествахъ проліялъ еси? и мученическими ихъ кровьми праги церковные обагрилъ еси? и на доброхотныхъ твоихъ и душу за тя полагающихъ неслыханныя мученія, и гоненія, и смерти умыслилъ еси, измѣнами и чародѣйствы и иными неподобными оболгающи православныхъ, и тщася со усердіемъ свѣтъ во тьму прелагати и сладкое горько прозывати? Что провинили предъ тобой, о царю! и чимъ прогнѣвали тя, христіанской предстателю! Не прегордыя ли царства разорили и подручныхъ во всемъ тобѣ сотворили, мужествомъ храбрости ихъ, у нихъ же прежде къ работѣ быша праотци наши? Не претвердые ли грады Германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тобѣ даны бысть? Сія ли намъ бѣднымъ воздалъ еси, всенародно погубляя насъ?..

Коего зла и гоненія отъ тебя не перетерпѣхъ! и коихъ бѣдъ и напастей на мя не повдиглъ еси! и коихъ лжеплетеній презлыхъ на мя не возвелъ еси! А приключившіямися отъ тебя различныя бѣды по ряду, за множествомъ ихъ не могу нынѣ изрещи: понеже горестію еще души моей объятъ быхъ. Но вкупѣ всѣ реку конечнѣ: всего лишенъ быхъ, и отъ земли Божія туне [1]) отогнанъ быхъ, аки тобою понужденъ. Не испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ, и не исходатайствовахъ отъ тебя никоея жъ милости архіерейскими чинами; и воздалъ еси мнѣ злыя за благія, и за возлюбленіе мое непримирительную ненависть! Кровь моя, якоже вода, пролитая за тя, вопіетъ на тя ко Господу моему! Богъ сердцамъ зритель: во умѣ моемъ прилежно смышляхъ и обличникъ совѣстный мой свидѣтеля на ся поставихъ, и искахъ и зрѣхъ мысленнѣ, и обращаяся, и не вѣмъ себя и не найдохъ ни въ чемъ же предъ тобою согрѣшивша: предъ войскомъ твоимъ хождахъ и не исхождахъ, и никоего же тебѣ безчестія приведохъ; но токмо побѣды пресвѣтлы, помощію ангела Господня, во славу твою поставляхъ, и никогда же полковъ твоихъ хребтомъ къ чужимъ обратихъ; но паче одолѣнія преславныя на похвалу тебѣ сотворяхъ...

Не мни, царю! не помышляй насъ суемудренными мысльми, аки уже погибшихъ избіенныхъ отъ тебя неповинно, и заточенныхъ и

---

[1]) Безъ причины.

прогнанныхъ, безъ правды; не радуйся о семъ, аки одолѣніемъ тощихъ хваляся; избіенные тобою, у престола Господня стояще, отомщенія на тя просятъ: заточенные же и прогнанные отъ тебя безъ правды отъ земли ко Богу вопіемъ день и нощь! Аще и тьмами хвалишися въ гордости своей, въ привременномъ семъ скоротекущемъ вѣцѣ, умышляючи на христіанскій родъ мучительные сосуды, паче же наругающе и попирающе ангельскій образъ, и согласующимъ ти ласкателемъ и товарищемъ трапезы, несогласнымъ твоимъ бояромъ, губителемъ души твоей и тѣлу... И о семъ даже до сихъ, писаніе сіе слезами измоченное, во гробъ съ собою повелю вложити, грядуще съ тобою на судъ Бога моего, Іисуса Христа. Аминь. Писано въ Вольмерѣ, градѣ государя моего Августа Жигимонта короля, отъ него же надѣюся много пожалованъ и утѣшенъ быти отъ всѣхъ скорбей моихъ, милостію его государскою, паче же Богу ми помогающу.

Изъ посланія царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи ко князю Андрею Курбскому, противъ его князя Андрея письма, что онъ писалъ изъ града Вольмера. Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый, нынѣ есть Отецъ и Сынъ и святый Духъ, ниже начала имать, ниже конца, о немъ же живемъ и движемся есмы, имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду...

Почто, о княже, аще мнишся благочестіе имѣти, единородную свою душу отверглъ еси? Что даси измѣну на ней въ день Страшнаго Суда? Аще и весь міръ пріобрящеши, послѣди смерть всяко восхититъ тя! Чесо на тѣлѣ душу продалъ еси? Аще убоялся еси смерти, по своихъ бѣсовъ и вышнихъ друзей и назидателей ложному слову...

Како же не усрамишися раба своего Васьки Шибанова? Еже бо онъ благочестіе свое соблюде, и предъ царемъ и предо всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратѣхъ стоя, и ради крестнаго цѣлованія тебе не отвержеся, и похваляя и всячески за тя умрети тщашеся. Ты же убо сего благочестія не поревновалъ еси: единаго ради моего слова гнѣвна, не токмо свою едину душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ еси: понеже Божіимъ изволеніемъ, дѣду нашему, великому государю, Богъ ихъ поручилъ въ работу, и они, давъ свои души, и до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтемъ, приказали служити, и дѣда нашего дѣтемъ и внучатомъ. И ты то все забылъ, собацкимъ измѣннымъ обычаемъ преступилъ крестное цѣлованіе, со врагомъ христіанскимъ соединился еси, и къ тому, своея злобы не разсмотряя, сицевыми и скудоумными глаголы, яко на небо каменіемъ меща, нелѣпая глаголеши, и раба своего во благочестіи не стыдишися и подобная тому сотворити своему владыцѣ отверглся еси...

Крови же въ церквахъ никакія не проливали есмя; побѣдоносецъ же и святыя крови во своей землѣ въ нынѣшнее время, ничего си явленно, не вѣмы. Праги же церковные елико сила наша и разумъ осязаетъ, и яко же подвластные наши къ намъ службу являютъ, сице украшеньми всякими церкви Божіи свѣтятся, всякими благостынями, елико послѣ вашія бѣсовскія державы сотворихомъ, не токмо праги и помостъ, но и преддверія, елика всѣмъ видима есть иноплеменнымъ украшенія. Кровію же никакою праги церковные не обагряемъ; мучениковъ же въ сіе время у насъ нѣтъ... А мукъ и гоненія и смертей многообразныхъ ни на кого не умышлявали есмя, а еже о измѣнахъ и чародѣйствѣ воспомянулъ еси: ино такихъ собакъ вездѣ казнятъ.

Такоже изволися судьбами Божіими быти, родительницѣ нашей благочестивой царицѣ Еленѣ преити отъ земнаго царствія на небесное; намъ же со святопочившимъ братомъ Георгіемъ, сиротствующимъ, отставъ родителей своихъ, ни откуду промышленія уповающе, и на Пресвятыя Богородицы милость, и всѣхъ святыхъ молитвы и на родителей своихъ благословеніе упованіе положихомъ. Мнѣ же осмому лѣту отъ отъ рожденія, тогда преходящу, подвластнымъ нашимъ хотеніе свое улучившимъ, еже царство безъ владѣтеля обрѣтоша, насъ убо государей своихъ никоего промышленія добротнаго не сподобиша, сами же примѣсишася богатству и славѣ, и тако скочиша другъ на друга. И елико сотвориша! колико бояръ и доброхотныхъ отца нашего и воеводъ избиша! и дворы и села и имѣнія дядь нашихъ возхитиша себѣ, и водворишася въ нихъ! и казну матери нашея перенесли въ большую казну, неистово ногами пхающе и осны [1]) колюще; а иное же себѣ разъяша: а дѣдъ твой Михайло Тучковъ то сотворилъ. И тако князь Василій и князь Иванъ Шуйскіе самовольствомъ у меня въ береженье учинилися и тако воцаришася, а тѣхъ всѣхъ, которые отцу нашему и матери нашей главные измѣнники, изъ поиманія выпускали и къ себѣ ихъ примирили. А князь Василій Шуйскій на дядей нашихъ княжъ Андреевѣ дворѣ, сонмищемъ Іудейскимъ отца нашего и нашего дьяка ближняго, Өедора Мишурина изымавъ, позоровавши, убили; и князя Ивана Өедоровича Бѣльскаго и иныхъ многихъ въ разная мѣста заточиша, и на царство вооружишася. Данила митрополита сведши съ митрополіи въ заточеніе послаша: и тако свое хотѣніе во всемъ улучиша, и сами убо царствовати начаша. Насъ же, со единороднымъ братомъ, святопочившимъ Георгіемъ питати [2]) начаша, яко иностранныхъ, или яко убожайшую чадь. [3]) Якова же пострадахъ во одѣяніи и во алканіи! во всѣмъ бо семъ воли нѣсть: но вся не по своей волѣ и не по времени юности. Едино воспомяну: намъ бо во юности дѣтства играюще, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сѣдитъ на лавкѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ; къ намъ же не преклоняяся, не токмо, яко родительски, но еже властелински... и таковая гордыня кто можетъ понести! Како же исчести таковыя бѣднѣ страданія многая, яже въ юности пострадахъ! Многажды поздо ядохъ не по своей волѣ. Что же убо о казнѣ родительскаго ми достоянія? Вся восхитиша лукавымъ умышленіемъ, будто дѣтемъ боярскимъ жалованье, а все себѣ у нихъ поимаша во мздоиманіе; а ихъ не по дѣлу жалуючи, верстая не по достоинству; а казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поимаша; и тако въ той нашей казнѣ исковавши себѣ сосуди злати и сребряни и имена на нихъ родителей своихъ подписаша, будто ихъ родительское стяжаніе: а всѣмъ людемъ вѣдомо: при матери нашей и у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояръ зеленъ на куницахъ, да и тѣ ветхи; и коли бы то ихъ была старина, и чѣмъ было сосуды ковати; ино лучше бы шуба перемѣнити, да во излишнемъ [4]) сосуды ковати. Что же о казнѣ дядь нашихъ и глаголати? все себѣ восхитиша! По семъ на грады и села наскочиша, и тако горчайшимъ мученіемъ, многоразличны бѣды, имѣнія ту живущихъ безъ милости пограбиша...

---

[1]) остънь — остріе посоха; [2])воспитывать; [3])челядь; [4]) на оставшееся (отъ покупки новой шубы) золото.

Егда же достигохомъ лѣта пятагонадесять возраста нашего, тогда Богомъ наставляеми, сами яхомся царство свое строити, и за помощію всесильнаго Бога, начаша строити царство наше мирно и немятежно по волѣ нашей. Но тогда случися, грѣхъ нашихъ ради, отъ произволенія Божія, распростершуся пламени огненному, царствующій градъ Москву попалиша. Наши же измѣнники, бояре, иже отъ тебя нарицаеми мученики, ихъ же имена волею премину, аки благой олучно время измѣнной своей злобѣ улучиша, наустиша скудожайшихъ умовъ народъ, что будто матери нашей мати, княгиня Анна Глинская, со всѣми дѣтьми и съ людьми сердца человѣческая выимали, и таковымъ чародѣйствомъ Москву попалили; да будто и мы тотъ ихъ совѣтъ вѣдали, и таковымъ ихъ измѣнниковъ нашихъ наущеніемъ, множество народа неистовыхъ воскричавъ Іюдейскимъ обычаемъ, пріидоша соборныя и апостольскія церкви въ придѣлъ святаго великомученика Димитрія Селунскаго, и изымавъ боярина нашего князя Юрья Васильевича Глинскаго, безчеловѣчнѣ выволокли въ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, и убиша въ церкви безвинно, противъ митрополича мѣста, и кровію его помостъ церковный окровавивше, и вывлекше тѣло его въ преднія двери церковныя и положиша, яко осужденника, на торжищи, и сіе во церкви святой убійство его всѣмъ вѣдомо. Намъ же тогда живущимъ въ своемъ селѣ Воробьевѣ, да тѣ же наши измѣнники возмутили народъ, якобы и насъ убити, за то, яко же ты, собака, лжеши, что будто мы князь Юрьеву матерь Глинскаго, княгиню Анну, и брата его, князя Михаила, у себя хоронимъ отъ нихъ: и сія суемудрствія како смѣху не подлежатъ! Чесо ради убо намъ царству своему запалители самимъ быти?..

А что речеши: „кровь твоя пролитая отъ иноплеменныхъ за насъ“, по твоему мнимому безумію, „вопіетъ на насъ къ Богу“: тѣмъ же убо смѣху подлежитъ сіе! Еже убо отъ инаго пролитая, на инаго же вопіетъ. Аще бы и тако, еже отъ сопротивныхъ супостатъ пролитая кровь твоя, то должная отечеству сія сотворилъ еси; аще бы не сотворилъ еси, то неси бы еси былъ христіанинъ, но варваръ: —и сіе къ намъ не прилично. Кольми же паче наша кровь на васъ вопіетъ къ Богу, отъ васъ самѣхъ пролитая: не ранами, ниже кровными капли, но многими поты и трудовъ множествомъ отъ васъ отягченъ быхъ безлѣпотно; яко же по премногу отъ васъ отягогихся паче силы! И отъ многаго вашего озлобленія и утѣсненія, вмѣсто кровей, много изліяся слезъ нашихъ, паче же и воздыханія, и стенанія сердечная...

А еже свое писаніе хощешь съ собою во гробъ вложити: се убо послѣднее свое христіанство отложилъ еси! Еже бо Господу повелѣвшему не противитися злу, ты же убо и обычное, еже невѣжды имутъ, конечное прощеніе отверглъ еси; и посему убо нѣсть подобно и пѣнію надъ тобою быти. Въ нашей же отчинѣ, въ Вифляндской [1]) землѣ, градъ Волмеръ [2]) недруга нашего Жигимонта короля нарицаешь; се убо свою злобѣсную собацкую измѣну до конца совершаешь!..

Писана нашея великія Россіи, преименитаго, царствующаго, престольнаго града Москвы, степеней нашего царскаго порога, отъ лѣтаміросозданія 7072, Іулія мѣсяца въ 5 день.

---

[1]) Лифляндской. [2]) Вольмаръ.

Краткое отвѣщаніе князя Андрея Курбскаго на зѣло широкую епистолію великаго князя Московскаго. Широковѣщательное и многошумящее твое писаніе пріяхъ, и выразумѣхъ и познахъ, иже отъ неукротимаго гнѣва, съ ядовитыми словесы отрыгано, еже не токмо цареви, такъ великому и во вселеннѣй славимому, но и простому, убогому воину сіе было недостойно; а наипаче такъ отъ многихъ священныхъ словесъ хватано, и тѣ со многою яростію и лютостію, ни строками, а ни стихами, яко обычай искуснымъ и ученымъ, аще о чемъ случится кому будетъ писати въ краткихъ словесѣхъ многъ разумъ замыкающе; но зѣло паче мѣры преизлишно и звязливо, цѣлыми книгами, и паремьми цѣлыми и посланьями! Туто же о постеляхъ, о тѣлогрѣяхъ, и иныя безчисленныя, во истину яко бы неистовыхъ бабъ басни; и такъ варварско, яко не токмо ученымъ и искуснымъ мужемъ, но и простымъ, и дѣтемъ со удивленіемъ и смѣхомъ, наипаче же въ чужую землю, идѣже нѣкоторые человѣцы обрѣтаются, не токмо въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусные.

III. ЛИТЕРАТУРА XVII в.

Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался Лещъ съ Ершомъ о Ростовскомъ озерѣ и о рѣкахъ.

Судъ судилъ большой бояринъ и воевода Осетръ, околничій былъ Сомъ съ большимъ усомъ.

„Господамъ моимъ Новогороцкимъ судьямъ — Осетру, да Бѣлугѣ да Бѣлои Рыбицѣ, бьетъ челомъ кормовои сынишко боярской Лещишко съ товарищи: въ прошлыхъ, господа, годѣхъ было то ростовское озеро, рѣки и источники за нами сиротами, а тотъ Ершъ лишилъ насъ того ростовскаго озера: расплодился тотъ ершъ по рѣкамъ и по озерамъ; самъ собою малъ, а щетины у него стоятъ, что большія рогатины, и насъ тѣми щетинами своими подъ бока подкалываетъ и прокалываетъ намъ ребра и суется по рѣкамъ и по озерамъ, какъ бѣшеная собака, путь потеряла. А мы, господа, сбойствомъ [1]) жить не умѣемъ, а браниться, ни тягаться не хотимъ, а хотимъ въ оборонѣ жить ваши праведными судьями“. И судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: „ты, Ершъ, истцу Лещу отвѣчаеши, или нѣтъ?“ И отвѣтчикъ Ершъ сказалъ: „отвѣщаю, господа, за себя и за товарищевъ своихъ въ томъ, что то ростовское озеро, рѣки и истоки — старая вотчина дѣдъ нашихъ и отцовъ нашихъ, и тотъ Лещъ жилъ у насъ во кресьянѣхъ на днѣ озера, а на свѣтъ не выхаживалъ! А я, господа, Ершъ, Божіею правдою и крестнымъ цѣлованіеъ и вами праведными судьями, не мутникъ, не воръ, не тать, не разбойникъ; вслѣдъ ко мнѣ не прихаживали, ни полишного у меня не вынимали, — человѣкъ есмь доброй, и живу своею силою, а не чюжою, и знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ князи и бояря, дьяки и дворяня, и подьячіе, попы и дьяконы, гости и гостинои сотни и посацкія люди до-

---

[1]) Разбоемъ

брыя, и покупаютъ меня Ерша дорогою цѣною и варятъ меня Ерша въ ухѣ съ перцомъ, съ шафраномъ и ставятъ меня Ерша предъ собою честно, и многія добрыя люди съ похмѣлья оправляются". И судьи спрашивали истца Леща: „чѣмъ его ты уличаешь?" Истецъ Лещъ сказалъ: „уличаю его, господа, Божіею правдою и крестнымъ цѣлованіемъ, и вами, праведными судьями!" И судьи спрашивали: „сверхъ крестнаго цѣлованія, чѣмъ ты его уличаешь и какими уликами? И кому то вѣдомо у тебя про того Ерша въ старинныхъ вотчинахъ?" Истецъ Лещъ сказалъ: „есть, господа, у насъ люди, люди добрыя,—человѣкъ доброй, а живетъ онъ въ Новогородской области, въ рѣкѣ Волховѣ, а зовутъ ево рыба Сигъ, а другои доброи человѣкъ, а живетъ онъ въ нѣмецкои области, въ рѣкѣ Керанѣ, а зовутъ его рыба Лодога, — на тѣхъ, господа, изъ виноватыхъ шлюся!" (Ершъ отвергаетъ этихъ свидѣтелей, такъ какъ они по его словамъ, слишкомъ близки Лещу, а потому будутъ пристрастны; отвергаетъ онъ и Сельдь, выставленную Лещомъ. Судьи приговорили — Леща оправдали, а Ерша обвинили и велѣли взять въ понятые Линя). И приставъ Окунь емлетъ въ понятыхъ Линя, и Линь Окуню приставу почалъ сулить посулы великія и говоритъ Линь Окуню приставу: „господине Окуне, не пригожуся я въ понятыхъ идти: брюхо у меня велико, ходить не могу!" И приставъ Окунь пался на великіе посулы, отпустилъ Линя, а взялъ въ понятыхъ Головля и поставилъ предъ судьями. (Сельдь показала все противъ Ерша, она сказала, что) Ершъ злой лихъ-человѣкъ, ябедникъ, скитается по рѣкамъ и по озерамъ. (На вопросъ судей, знаютъ ли на Москвѣ знатные люди Ерша, Сельдь отвѣчала): „знаютъ его на Москвѣ, на земскомъ дворѣ ярыжки кабацкія, у котораго случится одна деньга и на ту деньгу купитъ ершевъ много, половину съѣдятъ, а другую расплюютъ и собакамъ размечутъ". (Осетръ самъ припомнилъ, какъ Ершъ его обманулъ,—заманилъ его въ неводъ и надъ нимъ зло смѣялся, когда его тащили изъ воды). И судьи приговорили, Леща оправдали, а Ерша обвинили и выдали истцу Лещу Ерша головою и велѣли ево казнить торговою казнию: противъ солнца повѣсить въ жаркіе дни за его воровство и за ябедничество. У судного дѣла сидѣли все добрыя люди: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, судной списокъ писалъ Вьюнъ, а доброй человѣкъ былъ Карась, а печать Ракъ-глазунъ лѣвою клешнею, и у печати сидѣлъ Вандышъ переяславскои да Сигъ ростовскои, а справилъ Стерлядь своимъ долгимъ носомъ. Судному дѣлу конецъ.

Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ

Въ 1680 году въ Новогородскомъ уѣздѣ имѣлся дворянинъ Фролъ Скобѣевъ; въ томъ же Новгородскомъ уѣздѣ имѣлись вотчины столника Нардина Нащекина; и въ тѣхъ вотчинахъ имѣлась дочь его Аннушка и жила въ нихъ; и провѣдавъ Фролъ Скобѣевъ о той столничьей дочери и взявъ себѣ намѣреніе, чтобъ возымѣть любленіе съ тою Аннушкою. И во время увеселительныхъ вечеровъ, которые бываютъ въ веселость дѣвичеству, называемые Святки, и та дочь стольника Нардина Нащекина, называемая Аннушка, приказывала мамкѣ своей, чтобъ она ѣхала ко всѣмъ дворянамъ, которые въ близости

ихъ вотчинъ имѣютъ жительства, и у которыхъ дворянъ имѣются дочери дѣвицы, чтобъ ихъ просить къ Аннушкѣ на вечеринку для веселости. И та мамка поѣхала и просила всѣхъ дворянскихъ дочерей къ госпожѣ своей Аннушкѣ, и по тому ея прошенію, обѣщалися всѣ быть; и та мамка вѣдаетъ, что у Фрола Скобѣева есть сестра дѣвица, и поѣхала мамка въ домъ Фрола Скобѣева и проситъ сестру его въ домъ госпожи своей Аннушки на вечеринку, и та сестра его объявила мамкѣ: „пожалуй, подожди маленько, я схожу къ брату своему доложу; ежели онъ прикажетъ, то я вамъ съ тѣмъ объявлю!" И какъ пришла сестра ко Фролу Скобѣеву и объявила ему, что „пріѣхала мамка отъ столничьей дочери Аннушки и проситъ меня, чтобы я пріѣхала къ ней въ домъ на вечеринку". И Фролъ Скобѣевъ сказалъ сестрѣ своей: „поди, скажи той мамкѣ, что ты будешь не одна, но будешь нѣкотораго дворянина съ дочерью дѣвицею". И та сестра его о томъ весьма думаетъ, что братъ ея повелѣлъ сказать; однакожъ не смѣла преслушать воли брата своего и сказала, что она будетъ къ госпожѣ ея сей вечеръ съ нѣкоторою дворянскою дочерью. И та мамка поѣхала въ домъ госпожи своей Аннушки. И Фролъ Скобѣевъ сталъ говорить сестрѣ своей: „ну, сестра, пора тебѣ убираться ѣхать въ гости!" И та его сестра стала убираться дѣвическимъ уборомъ, и Фролъ Скобѣевъ сказалъ: „принеси, сестра, и мнѣ дѣвичій уборъ! уберусь и я и поѣдемъ вмѣстѣ съ тобою къ Аннушкѣ къ столничьей дочери!" И сестра его велми о томъ сокрушалась, понеже, ежели признаютъ его, то — „конечно, будетъ въ великой бѣдѣ братъ мой, а столникъ тотъ Нащекинъ въ великой милости при царѣ!" Однакожъ, не преслуша воли брата своего, принесла ему дѣвичій уборъ-и Фролъ Скобѣевъ, убрався въ дѣвичье платье, и поѣхали съ сестрою своею къ столничьей дочери Аннушкѣ. И какъ пріхали, уже много собралось дворянскихъ дочерей у той Аннушки, и Фролъ Скобѣевъ тутъ же, въ дѣвичьемъ платьѣ, и никто его не можетъ познать.

И стали всѣ дѣвицы веселиться разными играми, веселились долгое время, и Фролъ Скобѣевъ съ ними же веселится, и никто его познать не можетъ. И мамка не можетъ признать, что онъ Фролъ Скобѣевъ. И Фролъ Скобѣевъ, вынявъ денегъ 5 р., и подарилъ тою мамку. Мамка же съ великимъ принужденіемъ взяла тѣ деньги; и Фролъ Скобѣевъ видитъ, что мамка его признать не можетъ, и палъ на колѣни ей и объявилъ ей, что онъ дворянинъ Фролъ Скобѣевъ и пріѣхалъ въ дѣвичьемъ уборѣ для Аннушки, чтобъ съ нею имѣть обязательную любовь (мамка помогаетъ Фролу объясниться съ Аннушкой. Аннушка въ него влюбляется). Потомъ пишетъ отецъ изъ Москвы Аннушкѣ столникъ Нардинъ Нащекинъ, чтобъ она ѣхала немедленно въ Москву для того, что сватаются къ ней женихи хорошіе, столничьи дѣти И Аннушка, хотя съ великою неволею, не хотя преслушать воли отца своего, поѣхала къ Москвѣ. Потомъ провѣдавъ Фролъ Скобѣевъ, что Аннушка уѣхала въ Москву, и сталъ въ великомъ сумнѣніи, — не знаетъ, что дѣлать для того, что дворянинъ небогатой и имѣетъ пропитаніе, что всегда ходитъ въ Москвѣ за дѣлами повѣреннымъ. И взялъ себѣ намѣреніе, чтобъ имѣющияся у него пустоши заложить и ѣхать въ Москву, какъ бы Аннушку достать себѣ въ жену, что и учинилъ. И сталъ Фролъ Скобѣевъ отправляться въ Москву, а сестра его объ томъ весьма соболѣзнуетъ, что, конечно будетъ въ какой

притчинѣ [1]). И Фролъ Скобѣевъ сталъ прощаться и сказалъ: — ну, матушка сестрица, пожалуй не тужи ни объ чемъ: хотя и животъ мой утрачю, по тѣхъ мѣстъ и жизнь моя кончается, а отъ Аннушки не отстану, — или буду полковникъ, или покойникъ, а ежели что сдѣлается по намѣренію моему, то и тебя не оставлю; а буде сдѣлается несчастіе, то прошу не позабыть меня поминовеніемъ!“ И простясь, поѣхалъ въ Москву.

И Аннушка проситъ мамки своей, чтобъ она, какъ можно, пошла къ Фролу Скобѣеву, чтобъ онъ, какъ можно гдѣ, выпросилъ карету и съ возниками и пріѣхалъ самъ къ ней и сказалъ бы, будто отъ сестры столника Нардина Нащекина изъ монастыря пріѣхалъ по Аннушку. И та мамка пошла ко Фролу Скобѣеву и сказала ему приказъ госпожи своей. (Сестра Нардина Нащекина монахиня проситъ брата прислать къ ней гостить Аннушку и обѣщаетъ прислэть за нею лошадей. Аннушка, встрѣтясь съ Скобѣевымъ въ церкви, разсказываетъ ему объ этомъ).

И какъ услышалъ Фролъ Скобѣевъ, не знаетъ, что и дѣлать и какъ кого обмануть, для того что его изъ знатныхъ дворянъ всѣ знаютъ, что онъ дворянинъ небогатой, — только великая ябеда и ходатайствовать за приказными дѣлами. И пришло въ память Фролу Скобѣеву, что весьма ему добръ стольникъ Ловчиковъ; и пошелъ съ тому столнику; и какъ пришелъ Фролъ Скобѣевъ къ Ловчикову, и Ловчиковъ имѣлъ съ нимъ разговоръ многъ; и потомъ Фролъ Скобѣевъ сталъ просить Ловчикова, чтобы пожаловалъ ему карету и съ возниками ѣхать для смотрѣнія невѣсты. И Ловчиковъ далъ ему по его прозбѣ карету и кучера; и Флоръ Скобѣевъ поѣхалъ и пріѣхалъ къ себѣ на квартиру, и того кучера споилъ весьма пьяна, и самъ убрался въ лакейское платье и сѣлъ на козлы и поѣхалъ къ столнику Нардину Нащекину по Аннушку. И усмотрѣла мамка Аннушкина, что пріѣхалъ Фролъ Скобѣевъ, сказала Аннушкѣ подъ видомъ: того дому служителей якобы прислала тетка по нее изъ монастыря. И та Аннушка убралась и сѣла въ карету и поѣхала на квартиру Фрола Скобѣева. И тотъ кучеръ Ловчиковъ пробудился: и усмотрѣлъ Фролъ, что кучеръ не въ такомъ сильномъ пьянствѣ, и напоилъ его весьма допьяна и положилъ его въ карету, а самъ сѣлъ въ козлы и поѣхалъ къ Ловчикову на дворъ; и пріѣхалъ ко двору, и отворилъ ворота, и пустилъ возниковъ на дворъ и съ каретою, а самъ пошелъ на свою квартиру. И вышли на дворъ люди Ловчикова и видятъ, что стоятъ возники и съ каретою, а кучеръ лежитъ въ каретѣ жестоко пьянъ, спитъ, а кто ихъ привезъ на дворъ, никто не вѣдаетъ. И Ловчиковъ велѣлъ карету и возниковъ убрать и сказалъ: — „еще то хорошо, что и всего не уходилъ! На Фролѣ Скобѣевѣ взять нечего!“ И наутріе сталъ Ловчиковъ кучера спрашивать, гдѣ онъ былъ со Фроломъ Скобѣевымъ, и кучеръ сказалъ, что „только помню, какъ былъ на квартирѣ, а куды онъ ѣздилъ и что дѣлалъ, того не знаю!“

Потомъ столникъ Нардинъ Нащекинъ пріѣхалъ изъ гостей и спросилъ дочери своей Аннушки; и та мамка сказала, что „по приказу вашему отпущена къ сестрицѣ вашей въ монастырь для того, что она прислала карету и возниковъ!“ И Нардинъ Нащекинъ сказалъ: „изрядно!“

---

[1]) бѣдѣ.

И столникъ Нардинъ Нащекинъ долгое время не былъ у сестры своей и думаетъ, что дочь Аннушка у сестры его въ монастырѣ. А Фролъ Скобѣевъ на Аннушкѣ уже и женился. Потомъ столникъ Нардинъ Нащекинъ поѣхалъ къ сестрѣ своей въ монастырь и сидѣлъ немалое время, а дочери своей не видитъ, и вопросилъ сестры своей: „сестра, что я не вижу Аннушки?“ И сестра ему отвѣтствовала: „полно, братецъ, издѣваться! чтожъ мнѣ дѣлать коли я безчастная моимъ прошеніемъ къ тебѣ: просила я у тебя прислать ко мнѣ! знатно, что ты не вѣришь мнѣ въ томъ, а мнѣ время такова нѣту, чтобъ прислать по нее!“ И столникъ Нардинъ Нащекинъ сказалъ: „какъ государыня сестрица? что ты изволишь говорить? я не могу разсудить, для того, что она отпущена къ тебѣ съ мѣсяцъ, а ты присылала по нее карету и возниковъ, а я въ то время былъ въ гостяхъ и съ женою моею и по приказу нашему отпущена къ тебѣ!“ И сестра сказала: „никакъ, братецъ, я кареты и возниковъ не посылала никогда, и Аннушка ко мнѣ не бывала!“ И столникъ Нардинъ Нащекинъ весьма сожалѣлъ о дочери своей и горько плакалъ, что безвѣстно пропала дочь его, и, пріѣхавъ въ домъ свой, и объявилъ женѣ своей, что Аннушка пропала и сказалъ, что у сестры въ монастырѣ нѣтъ, и мамки спрашивать: „кто пріѣзжалъ и куды она поѣхала?“ Мамка та сказала, что, „пріѣхалъ съ возниками кучеръ и сказалъ: изъ дѣвичья монастыря, отъ сестры вашей, пріѣхалъ по Аннушку, и по приказу вашему и поѣхала Аннушка!“ И о томъ весьма соболѣзновали и горько плакали, а наутріе поѣхалъ столникъ къ государю и объявилъ, что у него безвѣстно пропала дочь его. И велѣлъ государь учинить публикацію о той столничьей дочери: ежели кто содержитъ ее тайно, чтобъ объявили, а ежели кто не обявитъ и сыщется, то послѣ смертію казненъ будетъ.

И Фролъ Скобѣевъ, слышавъ такую публикацію, не вѣдаетъ, что дѣлать; и умысливъ Фролъ Скобѣевъ, — пришелъ къ Ловчикову столнику, для того, что тотъ Ловчиковъ весьма къ нему обходится добръ и милостивъ. И Фролъ Скобѣевъ, пришедши къ Ловчикову, и имѣли много разговоровъ и столникъ Ловчиковъ спрашивалъ Фрола Скобѣева: „что, господинъ Скобѣевъ, женился ли и богату ли взялъ?“ И Скобѣевъ ему на то отвѣтствовалъ: „нынѣ еще богатства не вижу, что вдаль время покажетъ!“ — „Ну, господинъ Скобѣевъ, живи уже постоянно[1]) а за ябедами не ходи, перестань, а живи ты въ вотчинѣ своей — лутче, здоровѣе!“ Потомъ Фролъ Скобѣевъ сталъ просить того стольника, чтобъ онъ предстательствовалъ объ немъ, и Ловчиковъ ему сказалъ; „коли сносно, то буду предстатель, а ежели что несносно, то не гнѣвайся!“ И Фролъ ему объявилъ, что „столника Нардина Нащекина дочь Аннушка у меня, а нынѣ я на ней женился!“ И столникъ Ловчиковъ сказалъ: „какъ дѣлалъ ты, такъ самъ и отвѣтствуй!“ И Фролъ Скобѣевъ сказалъ: „ежели ты предстательствовать не будешь обо мнѣ, и тебѣ будетъ не безъ слова! мнѣ уже пришло показать на тебя, для того что ты возниковъ и карету давалъ, а ежели бъ ты не далъ, — и мнѣ бъ того не учинить!“ И Ловчиковъ сталъ въ великомъ сомнѣніи и сказалъ ему: „настоящей ты плутъ, что ты надо мною сдѣлалъ!“ Добро, какъ мо-

---

[1]) порядочно.

ту, буду предстательствовать!“ И сказалъ ему, чтобъ завтрашней день пришелъ въ Успенской соборъ, и столникъ Нардинъ Нащекинъ будетъ завтра у обѣдни, — и послѣ обѣдни будемъ стоять всѣ мы въ собрани на Ивановской площади, и въ то время приди и пади предъ нимъ и обяви о дочери ево, а я ужъ, какъ могу, буду предстательствовать!“

И пришелъ Фролъ Скобѣевъ въ Успенской соборъ къ обѣднѣ и столникъ Нардинъ Нащекинъ и Ловчиковъ и другие столники всѣ у обѣдни; и по отшестви тогда всѣ обычай имѣли быть въ собрани на Ивановской площади противъ Ивана Великаго и имѣли промежъ собою разговоры, кому что надобно. А столникъ Нардинъ Нащекинъ больше соболѣзнуетъ о дочери своей, такожь и Ловчиковъ съ нимъ разсуждаетъ о дочери его къ склонению милости. И на тѣ ихъ разговоры пошелъ Фролъ Скобѣевъ и отдалъ всѣмъ столникамъ поклонъ, какъ есть обычай, и всѣ столники Фрола Скобѣева знаютъ. И кромѣ всѣхъ палъ предъ столникомъ, Нардиномъ Нащекинымъ и просилъ прощения: „милостивы государь и царевъ столникъ! впервы отпусти вину мою, яко раба своего, которой дерзновенно учинилъ предъ вами!“ И столникъ Нардинъ Нащекинъ имѣлся лѣтами весма древенъ и зрѣниемъ отъ древности уже помраченъ, однакожъ, могъ человѣка усмотрѣть. Имѣли въ то время обычаи тѣ старые люди носить въ рукахъ трости натуральныя съ клюшками — поднимаетъ тою клюшкою Фрола Скобѣева: „кто ты таковъ? скажи мнѣ о себѣ! и что твоя нужда до насъ?“ И Фролъ Скобѣевъ только говоритъ: „отпусти вину мою!“ И столникъ Ловчиковъ подошелъ къ Нардину Нащекину и сказалъ: „лежитъ передъ вами, проситъ отпущения вины своей дворянинъ Фролъ Скобѣевъ!“ И столникъ Нардинъ Нащекинъ воскричалъ: „встань, плутъ, знаю тебя давно плута и бездѣльника! знатно, что наябедничалъ себѣ! что, скажи, плутъ, — буде сносно, стану помогать, а что несносно, какъ хощешь! я тебѣ, плуту, давно говорилъ: „живи постоянно!“ Встань, скажи, что твоя вина?“ И Фролъ Скобѣевъ всталъ отъ ногъ его и объявилъ ему, что дочь его Аннушка у него, и онъ на ней женился; и какъ столникъ Нардинъ Нащекинъ услышалъ отъ него о дочери своей, и сжалился слезами, и сталъ въ безпамятствѣ: и мало опамятовался, и сталъ говорить: „что ты, плутъ, сдѣлалъ? вѣдаешь ли ты о себѣ, кто таковъ? нѣсть тебѣ отпущения вины твоей! тебѣ ли, плуту, владѣть дочерью моею? поиду къ государю и стану на тебя просить о твоей плутовской ябедѣ!“ И вторично пришедъ къ нему столникъ Ловчиковъ, и нача его разговаривать, чтобъ вскорѣ не учинилъ докладу къ государю: „изволишь съѣздить домой и обявить о семъ случаѣ сожительницѣ своей, и по совѣту общему, какъ лутчему — уже быть! Такъ того не возвратить, а онъ, Скобѣевъ, отъ гнѣву вашего скрыться никуды не можетъ!“ И столникъ Нардинъ Нащекинъ послушалъ совѣту Ловчикова, не пошелъ къ Государю, сѣлъ въ корету и поѣхалъ домой, а Фролъ Скобѣевъ пошелъ на квартиру свою и сказалъ Аннушкѣ: „ну, Аннушка, что будетъ мнѣ съ тобою, не вѣдаю—объявилъ о тебѣ отцу твоему!“

И столникъ Нардинъ Нащекинъ прiѣхалъ въ домъ свой, идетъ въ покои, жестоко плачетъ и кричитъ: — „Жена, что ты вѣдаешь? я нашелъ Аннушку!“ И жена его спрашиваетъ: — „Гдѣ она, батюшко?“ — „Охъ, мой другъ, воръ, и плутъ, и ябедникъ, Фролъ Скобѣевъ, женился на ней!“ И жена его услышала тѣ отъ него рѣчи и не вѣдаетъ,

что говорить, соболѣзнуя о дочери своей. И стали оба горько плакать и въ сердцахъ своихъ бранить дочь свою, и не вѣдаютъ, что чинить надъ нею. Потомъ пришли въ память, сожалѣя о дочери своей, и стали разсуждать съ женою: — „Надобно послать человѣка и сыскать, гдѣ онъ, плутъ, живетъ, провѣдать о дочери своей, жива ли она". И призвали къ себѣ человѣка своего и сказали ему: — „Поѣзжай и сыщи квартиру Фрола Скобѣева и провѣдай про Аннушку, жива ли она, и имѣетъ ли пропитаніе какое".

И пошелъ человѣкъ ихъ по Москвѣ искать квартиру Фрола Скобѣева, и по многомъ хожденіи, нашелъ и пришелъ ко двору. И усмотрѣлъ Фролъ Скобѣевъ, что отъ тестя идетъ человѣкъ, и велѣлъ женѣ своей лечь на постелю и притворить себя, яко бы больна. И Аннушка учинила по воли мужа своего. И присланной человѣкъ вошелъ въ покой и отдалъ, какъ по обычаю, поклонъ. И Фролъ Скобѣевъ спросилъ: — „Что ты за человѣкъ? И какую нужду до меня имѣешь?" И человѣкъ отвѣщалъ, что онъ присланъ отъ столника Нащекина провѣдать про дочь его, здравствуетъ ли она. И Фролъ Скобѣевъ говоритъ: — „Видишь ты, мой другъ, каково ея здоровье! Таковъ ти родительскій гнѣвъ, — они ее заочно бранятъ и кленутъ, оттого она при смерти лежитъ! Донеси ихъ милости, хотя бъ они, при жизни ее, заочно благословили." И человѣкъ тотъ отдалъ имъ поклонъ и пошелъ.

И пришелъ къ господину своему и донесъ, что „нашелъ квартиру Фрола Скобѣева, токмо Аннушка очень больна и проситъ отъ васъ заочно хотя словесного благословенія!" И пребезмѣрно родители о дочери своей соболѣзнуютъ, токмо разсуждали: — „Что съ воромъ и плутомъ дѣлать?", но болѣе сожалѣли о дочери своей. Мать ея стала говорить: — „Ну, мой другъ, уже быть такъ, что владѣть плуту дочерью нашею! Уже такъ Богъ велѣлъ, — надобно послать къ нимъ образъ и благословить ихъ, хотя заочно; а когда сердца наши утолятся, то можемъ видѣться съ ними и сами!" Сняли со стѣны образъ, который былъ обложенъ золотомъ и драгимъ каменіемъ, такъ какъ прикладу всего на 500 р., и послали съ тѣмъ же человѣкомъ приказали, чтобъ они тому образу молились, — „а плуту и вору Фролкѣ скажи, чтобъ онъ его не промоталъ".

И человѣкъ ихъ принявъ оной образъ и пошелъ на квартиру Фрола Скобѣева. И усмотрѣлъ Фролъ Скобѣевъ, что пришелъ тотъ же человѣкъ, сказалъ женѣ своей — „Встань, Аннушка." И сѣли оба вмѣстѣ и человѣкъ тотъ вошелъ въ покой ихъ и отдалъ образъ Фролу Скобѣеву и сказалъ, что „родители ваши, богомъ данные, прислали къ Вамъ благословеніе!" И Фролъ Скобѣевъ, приложась къ тому образу и съ Аннушкою, и поставили гдѣ надлежитъ; и сказалъ Фролъ человѣку тому: — „ Таково ти родительское благословеніе,— и заочно ихъ не оставили — и Богъ далъ Аннушкѣ здоровье: нынѣ, слава Богу, здорова! благодари ихъ милость, что не оставили заблудшую дочь свою!" И человѣкъ пришелъ къ господину своему и объявилъ объ отданіи образа и о здравіи Аннушкинѣ и о благодареніи ихъ, и пошелъ въ показанное свое мѣсто. И столникъ Нардинъ Нащекинъ поѣхавъ къ государю и объявилъ, что „дочь свою нашелъ у новгородского дворянина Фрола Скобѣева, которой уже на ней и женился, и прошу вашей государевой милости, чтобъ въ томъ ему Скобѣеву, вину отпустить" — и объявилъ ему все подробно, на что

великій государь ему сказалъ, что „въ томъ твоя воля, какъ желаешь! и совѣтую тебѣ, что уже того не возвратить, а онъ твоимъ награжденіемъ, а моею милостію противъ протчихъ своей братьи оставленъ не будетъ, — и въ томъ на старости возымѣешъ утѣху!“ Столникъ же Нардинъ Нащекинъ поклонялся государю, и поиде въ домъ свой и стали разсуждать и сожалѣть о дочери своей; и сталъ говорить женѣ своей: — „какъ, другъ мой, быть? конечно, плутъ заморитъ Аннушку! чѣмъ ему, вору, кормить ее? и самъ, какъ собака, голоденъ! надобно, другъ мой, послать какого запасу, хотя на 6-ти лошадяхъ“; а жена его сказала: — „Конечно, надобно, другъ, послать!“ И послали тотъ запасъ и при томъ реэстръ. И какъ пришелъ оной запасъ, и Фролъ Скобѣевъ, не смотря по реэстру, приказалъ положить въ показанныя мѣста и приказалъ тѣмъ людямъ за ихъ родительскія милости благодарить. Уже Фролъ Скобѣевъ сталъ жить роскочно и ѣздить вездѣ по знатнымъ персонамъ, и весма Скобѣеву удивлялися, что онъ сдѣлалъ такую притчину [1]) и такъ смѣло. Уже черезъ долгое время (родители) обратились сердцемъ и соболѣзновали душею о дочери своей, такожъ и о Фролѣ Скобѣевѣ, и послали человѣка къ нимъ и приказали просить ихъ кушать къ себѣ. И какъ пришелъ человѣкъ и проситъ: — „Приказалъ батюшко васъ кушать сей день!“ И Фролъ Скобѣевъ сказалъ: — „Донеси государю нашему батюшку, что будемъ не умедля до ихъ здоровья!“

И Фролъ Скобѣевъ убрался съ женою своею Аннушкою и поѣхалъ въ домъ тестя своего и пріѣхалъ въ домъ ихъ и пошелъ въ покои съ женою своею; и Аннушка пала предъ ногами родителей своихъ. Усмотрѣлъ Нардинъ Нащекинъ, какъ дочь свою и съ женою своею приносимую вину свою,—стали ее бранить и наказывать своимъ гнѣвомъ родительскимъ, и смотря на нея весма плачютъ, что она такъ учинила безъ воли родителей своихъ, проклиная жизнь ея словами своими; и по многомъ глаголаніи ихъ и гнѣву, отпустили вину ея и приказалъ Нардинъ Нащекинъ садиться за столъ съ собою, а Фролу Скобѣеву сказалъ: —„А ты, плутъ, што стоишь? садись тутъ же! тебѣ ли бы, плуту, владѣть дочерью моей!“ И Фролъ сказалъ ему: — „Государь-батюшко, уже тому такъ Богъ судилъ!“ — И сѣли всѣ кушать, и столникъ Нардинъ Нащекинъ приказалъ людямъ своимъ, чтобъ никого въ домъ постороннихъ не пускали — сказывали бы, что „время такого нѣтъ столнику, для того что съ зятемъ своимъ, воромъ и плутомъ Фролкою Скобѣевымъ, кушаетъ!“ И по окончаніи стола сталъ столникъ говорить зятю своему: —„Ну, плутъ, чѣмъ ты станешъ жить?“ И Фролъ Скобѣевъ сказалъ: —„Милостивы государь-батюшко! изволишь ты самъ быть извѣстенъ, чѣмъ мнѣ жить,— болѣе не могу пропитанія найти, какъ за приказными дѣлами ходить!“ И столникъ рече: —„Перестань, плутъ, ходить за ябедой — имѣется вотчина моя въ синбирскомъ уѣздѣ, которая состоитъ въ 300-хъ дворахъ, да въ новгородскомъ уѣздѣ въ 200-дворахъ, — справь, плутъ, за собою и живи постоянно!“ И Фролъ Скобѣевъ отдалъ поклонъ и съ женою своею, и приносили благодареніе родителемъ своимъ, и, сидѣвъ немного, поѣхалъ Фролъ Скобѣевъ на квартиру свою и съ женою своею. Тесть же его столникъ Нардинъ Нащекинъ приказалъ

---

[1]) т. е. обдѣлалъ такое дѣло. „Притчина“ здѣсь—приключеніе, дѣло.

Скобѣева возвратить и сталъ говорить: —„Ну, плутъ, есть ли у тебя деньги? чѣмъ ты деревни справишь?“ Фролъ рече: —„Извѣстно вамъ Государь-батюшко, какіе у меня деньги!“ И столникъ приказалъ дать дворецкому своему денегъ 500 р. И простясь Фролъ Скобѣевъ поѣхалъ на квартиру свою и съ женою своею Аннушкою.

И по многомъ времени справилъ Фролъ деревни за собою и сталъ жить очень роскочно, и ѣздилъ къ тестю своему безпрестанно и всегда приниманъ былъ съ честію, а за ябедами ходить уже бросилъ. И по нѣкоемъ времени поживе столникъ Нардинъ Нащекинъ въ глубокой своей старости, въ вѣчную жизнь переселился, и по смерти своей, учинилъ Фрола Скобѣева наслѣдникомъ во всемъ своемъ движимомъ и недвижимомъ имѣніи. Потомъ недолгое время поживъ теща его преставилась,—и тако Фролъ Скобѣевъ, живя въ великой славѣ и богатствѣ, наслѣдниковъ по себѣ оставя и умре.

Изъ сочиненія Григорія Котошихина о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича

(Написано въ Швеціи, куда Котошихинъ бѣжалъ изъ Россіи)

О свадьбахъ. А лучится которому боярину и ближнему человѣку женити сына своего, или самому, или брата и племянника женити, или дочь, или сестру и племянницу выдать замужъ: и они межъ себя, кто свѣдавъ у себя невѣсту, посылаютъ къ отцу тоя невѣсты, или къ матери, или къ брату, говорити друзей своихъ, мужескъ полъ или женскій, что тотъ человѣкъ прислалъ къ нему, велѣлъ говорити и спросити, ежели они похотятъ дочь свою или иного кого выдать замужъ за него за самого, или за иного кого, что будетъ за тою дѣвицею приданаго, платьемъ, и деньгами, и вотчинами, и дворовыми людьми. И тотъ человѣкъ, будетъ хочетъ дочь свою, или иного кого, выдать замужъ, на тѣ рѣчи скажетъ отвѣтъ, что онъ дѣвицу свою выдать замужъ радъ, только подумаетъ о томъ съ женою своею и съ родичами, а подумавъ учинитъ имъ отповѣдь, котораго дня мочно; а будетъ дать за него не хочетъ, вѣдая его, что онъ пьяница, или шаленой, и иной какой дурной обычай за нимъ вѣдаетъ, и тѣмъ людемъ откажетъ, что ему дати за такого человѣка не мочно, или чѣмъ нибудь отговорится и откажетъ.

А будетъ умыслитъ за него выдать, и жена и сродичи приговорятъ: и онъ, изготовя роспись, сколько за тою дѣвицею дастъ приданаго, денегъ, и серебряныя и иныя посуды, и платья, и вотчинъ, и дворовыхъ людей пошлетъ къ тѣмъ людямъ, которые къ нему отъ жениха приходили, а тѣ люди отдадутъ жениху; а дочери, или кому ни буди, о томъ не скажутъ, и не вѣдаетъ до замужества своего. И будетъ тому жениху по тому приданому та невѣста полюбится, посылаетъ къ невѣстину отцу и къ матери говорить, черезъ ихъ же людей, чтобъ они ему тое невѣсту показали; а какъ тѣ посланные люди придутъ и говорить о томъ учнутъ, и отецъ или мать тоя невѣсты скажутъ, что они дочь свою показать ради, только не ему самому жениху, а отцу или матери, или сестрѣ, или сродственной женѣ,

кому онъ женихъ самъ вѣритъ. И по тѣмъ ихъ словамъ посылаетъ женихъ смотрити мать свою или сестру, на который день приговорятъ: и тоя невѣсты отецъ и мать къ тому дни готовятся, и невѣсту нарядятъ въ доброе платье, и созовутъ гостей, сродственныхъ людей, и посадятъ тое невѣсту за столъ; а какъ та смотрильщица прiѣдетъ, и ей честь воздавъ, посадятъ за столъ подлѣ тоя невѣсты; — и сидячи за столомъ, за обѣдомъ, та смотрильщица съ тою невѣстою переговариваетъ о всякихъ дѣлахъ, извѣдываючи ея разуму и рѣчи, и и высматриваетъ въ лицо, и въ очи, и въ примѣты, чтобъ сказать, прiѣхавъ къ жениху, какова она есть; и бывъ малое или многое время, поѣдетъ къ жениху. И будетъ той смотрильщицѣ та невѣста не полюбится, и она скажетъ жениху, чтобъ онъ къ ней больше того не сватался, присмотритъ ее, что она глупа, или на лицо дурна, или на очи не добра, или хрома, или безъязычна, — и тотъ женихъ отъ отъ тоя невѣсты отстанетъ прочь, и больше того свататься не учнетъ; а будетъ та невѣста полюбилась, и скажетъ тому жениху, что добра и разумна, и рѣчью и всѣмъ исполнена, и тотъ женихъ посылаетъ къ невѣстиному отцу и къ матери тѣхъ же первыхъ людей, что онъ тое невѣсту излюбилъ, и хочетъ съ нимъ учинить сговоръ и записи написать, что ему на ней жениться на поставленный срокъ, а они бъ по тому жъ тое невѣсту за него выдали на тотъ же срокъ. И тоя невѣсты отецъ и мать приказываютъ съ тѣми присланными людьми къ жениху, чтобъ онъ прiѣхалъ къ нимъ для сговору съ небольшими людьми, кому онъ въ такомъ дѣлѣ вѣритъ, того дни до обѣда или по обѣдѣ; и скажетъ имъ день, когда къ нему быть, и къ тому дни готовиться. И женихъ, дождався того дни, нарядясь съ отцомъ своимъ, или сродичами, или съ друзьями, кого любитъ, поѣдетъ къ невѣстину отцу или матери; а прiѣхавъ, и невѣстинъ отецъ и сродственные встрѣчаютъ ихъ и честь воздадутъ, какъ годится, и идутъ въ хоромы и садятся по чину, а посидѣвъ учнетъ говорить отъ жениха отецъ, или инои сродственникъ, что они прiѣхали къ нимъ для добраго дѣла, по его приказу, и господинъ дому своего отвѣщаетъ, что онъ радъ ихъ прiѣзду и хочетъ съ ними дѣлать сговорное дѣло. И они межъ себя, съ обѣ стороны, учнутъ уговариваться о всякихъ свадебныхъ статьяхъ, и положатъ свадьбѣ срокъ, какъ кому мочно къ тому времени изготовиться, за недѣлю, и за мѣсяцъ, и за полгода, и за годъ, и больше; и учнутъ межъ себя писати въ записѣхъ своихъ имена, и третьихъ, и невѣстино, а напишутъ, что ему по сговору тое невѣсту взять на прямой установленный срокъ, безъ премѣненiя, а тому человѣку невѣсту за него выдать на тотъ же срокъ безъ премѣненiя, и положатъ межъ собой въ томъ письмѣ нарядъ: будетъ тотъ человѣкъ на установленный срокъ тоя дѣвицы не возьметъ, или тотъ человѣкъ своей дѣвицы на срокъ не выдастъ, взяти на виноватомъ 1000, или 5.000, или 10.000 рублевъ денегъ, сколько кто напишетъ въ записи. И сидѣвъ у него въ гостяхъ, ѣдчи, и пивъ, поѣдутъ къ себѣ, а невѣсты ему не покажутъ, и невѣста его жениха не видаетъ, а выходитъ въ то время ширинкою [1]) дарити жениха отъ невѣсты мать, или замужняя сестра, или чья сродственная жена.

---

[1]) Фатою

И послѣ того сговору женихъ провѣдаетъ про тое невѣсту, или кто со стороны, хотя тое невѣсту взять за себя или за сына, нарочно тому жениху разобьетъ, что она глуха, или нѣма, или увѣчна, и что нибудь худое за нею провѣдаетъ, или скажутъ, и тотъ человѣкъ тоя невѣсты за себя не возьметъ: — и тоя невѣсты отецъ и мать бьютъ челомъ о томъ патріарху, что онъ по сговору своему и по заряду тоя невѣсты на срокъ не взялъ, и взяти не хочетъ, и тѣмъ ее обезчестилъ; или тоя невѣсты отецъ и мать, провѣдавъ про того жениха, что онъ пьяница, или зерньщикъ, [1]) или уродливъ, или что нибудь свѣдавъ худое, за него не выдастъ и выдать не хочетъ, и тотъ женихъ бьетъ челомъ о томъ патріарху. И патріархъ велитъ про то сыскать, и по сыску по зарядным записямъ на виноватомъ возьмутъ зарядъ, что будетъ въ записи написано, и отдадутъ правому жениху, или невѣстѣ; а послѣ того вольно ему жениться на комъ хочетъ, или невѣсту вольно выдать за кого хочетъ же.

Также и межъ торговыхъ людей и крестьянъ свадебные сговоры и чинъ бываетъ противъ того жъ обычая, во всемъ; но только въ поступкахъ ихъ и въ платѣ съ дворянскимъ чиномъ рознится, сколько кого станетъ.

А будетъ у котораго отца, или матери, есть двѣ или три дочери дѣвицы, и первая дочь увѣчна очьми, или рукою, или ногою, или глуха, и нѣма, а другія сестры ростомъ и красотою, и рѣчью исполнены и во всемъ здоровы; и будетъ кто учнетъ свататься у того человѣка на дочери его, и посылаетъ смотрити мать свою или сестру, и кому вѣрить, и тѣ люди вмѣсто тоя своея увѣчныя дочери, назвавъ именемъ тоя дочери, за которую не вѣдаючи учнуть свататься, показываютъ другую или третью дочерь, и та присланная, смотря дѣвицы тоя, излюбитъ и скажетъ жениху, что она добра и жениться на ней мочно; и какъ женихъ по тѣмъ словамъ полюбитъ, и свадьбѣ у нихъ съ отцемъ и съ матерью учинится сговоръ, что ему на той именемъ дѣвицѣ жениться на срокъ, а тому человѣку тое свою дѣвицу за него выдать на тотъ же установленый срокъ, и напишутъ въ письмѣ своемъ заряды великіе, что платить виноватому не мочно; а какъ будетъ свадьба, и въ то время за того жениха по сговору выдаютъ они замужъ увѣчную или худую свою дочерь, которыя имя въ записяхъ своихъ пишутъ, а не тое, которую сперва смотрильщицѣ показывали, и тотъ человѣкъ, женяся на ней, того дни въ лицо ея не усмотритъ, что она слѣпа, или крива или что иное худое, или въ словахъ не услышитъ, что она нѣма или глуха, потому что въ тое свадьбу бываетъ закрыта и не говоритъ ничего, также ежели хрома и руками увѣчна, и того потому жъ не узнаетъ, потому что въ то время ее водятъ свахи подъ руки... А какъ отвѣнчався ее увидитъ, что не добрѣ добра, вѣкъ съ нею жить, а всегда плакать и мучиться, и потомъ умыслитъ надъ нею учинить, чтобъ она постриглась; а будетъ по доброй его волѣ, не учинитъ, не пострижется, и онъ ее бьетъ и мучитъ всячески, до тѣхъ мѣстъ, что она хочетъ постричься сама.

А котораго человѣка обманутъ, выдадутъ за него дѣвицу, не тое, которую показывали смотрильщицѣ, бьетъ челомъ о томъ патріарху и властемъ: и по его челобитью возьмутъ у нихъ зарядныя запи-

---

[1]) игрокъ.

ся и допрашиваютъ сосѣдей и дворовыхъ людей, по душамъ, что впрямъ ли выдана та, которая въ записи стоитъ именемъ? И будетъ та, и по тому такъ и быти противъ записей, и что скажутъ люди, — а тому не вѣрить, которую смотрилъ, для того: не провѣдавъ подлинно, не женися. А будетъ сосѣди и сторонніе, и дворовые люди скажутъ, что выдалъ дочь свою не тое, которая въ записи написана, и такихъ мужа и жену разведутъ, да сверхъ того, кто не правдою выдалъ, возьмутъ пеню большую и убытки жениховы, да его жъ за такое воровство бьютъ кнутомъ, или еще временемъ бываетъ больше того, каково полюбится царю.

Также у котораго отца одна дочь дѣвица, а увѣчна будетъ чѣмъ ни буди худымъ, и вмѣсто ея на обманство показываютъ нарочно служащую дѣвку или вдову, назвавъ именемъ инымъ и нарядя въ платье въ иное. А будетъ которая дѣвица ростомъ невелика, и подъ нея подставляютъ стулы, потому что видится доброродна, а на чемъ стоитъ, того не видѣть.

А которыя дѣвицы бываютъ увѣчны, и стары, и замужъ ихъ взяти за себя никто не хочетъ: и такихъ дѣвицъ отцы и матери постригаютъ въ монастырехъ безъ замужества.

А который человѣкъ женихъ похочетъ смотрити невѣсты самъ, и по его прошенію отецъ или мать, вѣдая дочь свою, что ее предъ людьми показати не въ стыдъ, укажутъ тому жениху, и тотъ женихъ, смотря тоя невѣсты, а послѣ того ему не полюбится, и тое невѣсту начнетъ хулить и поносить худыми и позорными словами, и другихъ жениховъ учнетъ отъ нея отбивать прочь; и тоя невѣсты отецъ или мать, или кто нибудь, провѣдавъ о томъ, учнетъ о томъ бить челомъ патріарху или властемъ, что тотъ человѣкъ невѣсты ихъ смотрилъ самъ, а послѣ ее хулитъ и безчеститъ, и другимъ людемъ разбиваетъ, чтобъ о томъ они указъ чинили: и по сыску патріархъ и власти, кто смотря хулилъ и безчестилъ тое невѣсту, велятъ женити его на ней сильно; а будетъ онъ женится до того челобитья на иной, той невѣстѣ возьмутъ безчестье по указу.

Благоразумный читателю! Не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ; а такого у нихъ обычая не повелось, какъ въ иныхъ государствахъ, смотрити и уговариватися временемъ съ невѣстою самому.

Изъ исторіи объ азовскомъ осадномъ сидѣніи донскихъ казаковъ

Лѣта 7150-го октября въ 24 день пріѣхали къ Москвѣ къ государю и великому князю Михаилу Θеодоровичу, всея Россіи самодержцу, съ Дону и Азова-города Донскіе казаки: атаманъ Наумъ Васильевъ да ясаулъ Θедоръ Ивановъ, а съ ними казаковъ пріѣхало 24 человѣка, которые сидѣли въ Азовѣ-городѣ отъ Турокъ въ осадѣ, и своему осадному сидѣнію привезли роспись и тое роспись подали на Москвѣ въ Посольскомъ Приказѣ печатнику и думному дьяку Θедору Θедоровичу Лихачеву, а въ росписи ихъ пишетъ.

(Въ началѣ разсказывается о посольствѣ султана въ Азовъ, о его требованіяхъ).

Іюля въ 24 день, въ первомъ часу дня, пришли къ намъ паши его подъ городъ. И Крымскій царь наступилъ на насъ со всѣми великими Турецкими силами. Всѣ наши поля чистыя орды Ногайскими изнасѣяны: гдѣ у насъ была степь чистая, тутъ стало у насъ однимъ часомъ, людьми ихъ многими, что великіе лѣса темные. Отъ силы ихъ многія и отъ рысканія ихъ конскаго земля у насъ подъ Азовомъ потряслася и погнулася; изъ рѣки у насъ, изъ Дону, вода на берегъ выступила отъ такихъ великихъ тягостей, и изъ мѣстъ своихъ вода на луги пошла. И почали они Турки по полямъ у насъ шатры свои Турецкіе ставити, и полатки многія, и наметы великіе, и дворы большіе, полотняные: что горы страшныя забѣлѣлися. И почали у нихъ въ полкахъ ихъ быти трубли великія въ трубы большія, и игры многія, и писки отъ нихъ въ полкахъ пошли великіе, и несказанными голосами страшными ихъ бусурманскими. И послѣ того въ полкахъ ихъ почала быти стрѣльба пушечная и мушкетная великая: какъ есть — стала гроза великая надъ нами, страшная, будто громъ великъ и молнія страшная отъ облака бываетъ съ небеси. Отъ стрѣльбы ихъ сталъ огонь и дымъ до неба; и всѣ наши градныя крѣпости потряслися отъ стрѣльбы ихъ той; и солнце померкло въ днѣ томъ и въ кровь превратилось: какъ есть—наступила тьма темная. И страшно добрѣ намъ стало отъ стрѣльбы ихъ въ тѣ поры; трепетно и дивно ихъ несказанный, и страшный, и дивный приходъ бусурманскій намъ было видѣти... Близостію самою они почали ставитися за полверсты малыя отъ Азова-города. Ихъ яныченскія головы строемъ идутъ къ намъ подъ городъ, великими полки. Головы ихъ и сотники, отдѣляяся отъ нихъ, предъ ними идутъ пѣши же. Знамена у нихъ у всѣхъ янычеией великія, черныя: яко тучи страшныя, покрываютъ людей. Набаты у нихъ гремятъ многіе, и въ трубы трубятъ, и въ барабаны бьютъ, въ великіе и несказанные. Ужасно слышати сердцу всякому ихъ бусурманская трубля: яко звѣри воютъ страшны надъ главами нашими, розными голосами. Ни въ какихъ странахъ ратныхъ такихъ людей невидали мы, и не слыхано про такую рать отъ вѣку; подобно тому какъ царь Греческій приходилъ подъ Троянское государство многими государствы и тысячи. 12 ихъ головъ яныченскихъ пришли къ намъ самою близостію къ городу, и осадили насъ они пришедши, и... стали кругъ Азова-города въ восмь рядовъ, отъ рѣки Дону до моря, захватя рука за руку, и патожки они свои потыкали, и мушкеты свои на насъ прицѣлили...

Того же дня на вечеръ, какъ пришли Турки къ намъ подъ городъ, и прислали къ намъ паши ихъ Турецкіе толмачей своихъ бусурманскихъ, и Персидскихъ, и Еллинскихъ, а съ ними, толмачами, прислали говорити голову яныченскаго отъ строю своего пѣхотнаго. Почалъ намъ говорити голова ихъ яныченскій слово царя своего Турскаго, и отъ 4 пашей его, рѣчію гладкою:

„О люди Божіи, Царя Небеснаго! Никимъ вы въ пустыняхъ водими или посылаеми, яко орлы паряще, безъ страха по воздуху летаете; аки львы свирѣпые, въ пустыняхъ рыкаете. Казачество Донское, вольное, свирѣпое! Сосѣди наши ближніе, непостоянные нравы, лукавые, пустынные жители! Убійцы и разбойники непощадные! Не сыти ваши очи, не полны ваши чрева. Какъ отъ вѣка не наполните своего

чрева гладнаго? Кому приносите такія обиды великія и страшныя грубости? Наступили есте вы на такую великую десницу, высокую, — на государя царя Турскаго! Не впрямь вы еще на Руси богатыри Святорусскіе нарицается. Гдѣ, воры, теперво можете утечи отъ руки его страшныя? Птицею ли вамъ изъ Азова летѣти? Осажены вы теперво накрѣпко. [Послы перечисляютъ обиды, нанесенныя казаками туркамъ и требуютъ, чтобы казаки очистили Азовъ и покорились Султану].

Отвѣтъ нашъ казачій изъ Азова - города Турецкимъ и розныхъ языковъ и вѣръ толмачемъ и головѣ яныченскому:

„О прегордые и лютые варвары! Видимъ мы всѣхъ васъ и до мѣстъ про васъ вѣдаемъ, силы и пыхи царя Турскаго всѣ знаемъ мы, и вѣдаемся съ вами, Турками, почасту на морѣ и за моремъ, и на сухомъ пути. Знакомы ужь вы намъ. Ждали мы васъ, гостей, къ себѣ подъ Азовъ - городъ дни многіе. Гдѣ полно вашъ Обрагимъ, Турскій царь, умъ свой дѣлъ? Позоръ его конечный будетъ. Или у него, царя, не стало злата и сребра, что онъ прислалъ подъ насъ, казаковъ, для кровавыхъ казачьихъ зипуновъ нашихъ 4 паши свои? А съ ними, сказываете, что подъ насъ прислано рати Турецкія одной его по описи 300.000: то мы и сами впрямь видимъ и вѣдаемъ, что есть столько силы его подъ нами, съ 300.000 люду боевого, окромѣ мужика чернаго и охотника. Тѣхъ впрямь людей много, что травы въ полѣ или песку на морѣ... И то вамъ, Туркомъ, самимъ давно вѣдомо, что съ насъ по сю пору никто нашихъ зипуновъ даромъ не имывалъ съ плечъ нашихъ. Хотя онъ у насъ, Турецкій царь, Азовъ и взятьемъ возьметъ такими своими великими Турецкими силами и наемными людьми Нѣмецкими, а не своимъ царевымъ промысломъ и дородствомъ, и разумомъ; не большая ему то честь и похвала будетъ его царя Турскаго, имени, что возьметъ насъ, казаковъ, въ Азовѣ - городѣ: не избудетъ онъ тѣмъ на вѣки и не изведетъ казачьяго имени и прозвища, и не запустѣетъ Донъ головами нашими. На взысканіе смерти нашей съ Дону удалые молодцы къ вамъ тотчасъ будутъ подъ Азовомъ. Не утечи будетъ пашамъ вашимъ отъ отъ нихъ и за моремъ. А естьли только насъ избавитъ Богъ отъ руки вашей сильныя, отсидимся отъ васъ въ осадѣ въ Азовѣ - городѣ, отъ великихъ такихъ силъ его, отъ 300.000 человѣкъ, людьми своими малыми, — всего насъ, казаковъ, въ Азовѣ сидитъ 5.000: — срамно то будетъ царю вашему Турскому, и вѣчный стыдъ и позоръ отъ его братьи, отъ всѣхъ царей и королей Нѣмецкихъ. Назвалъ онъ высоко себя, будто онъ выше всѣхъ земскихъ царей: а мы — люди Божіи; надежа у насъ вся на Бога и Матерь Божію Богородицу, и на иныхъ угодниковъ, и на всю братію и товарищей своихъ, которые у насъ по Дону и въ городкахъ живутъ. А холопи мы природные государя царя христіянскаго царства Московскаго, а прозвище наше вѣчно — казачество вольное и Донское безстрашное. Станемъ мы съ нимъ царемъ Турскимъ биться, что съ худымъ свинымъ наймитомъ. Мы собе казачество вольное исповѣдаемъ и живота своего не разсуждаемъ, ни страшимся того, что ваши силы великія. Гдѣ бываютъ рати великія, тутъ ложатся и трупы многіе... Наши казачьи руки малыя — срамота и стыдъ, и укоризна ему вѣчная будетъ, царю вашему Турскому, и пашамъ, и всему войску. Гдѣ его рать топерво великая въ поляхъ у насъ, ревутъ и славятся, а завтра въ томъ мѣстѣ у васъ будутъ вмѣсто игоръ вашихъ горести лютыя и плачи мно-

гіе: лягутъ отъ рукъ нашихъ трупы многіе. И давно у насъ въ поляхъ нашихъ летаючи клекчутъ орлы сизые, и играютъ вόроны черные подлѣ Дона тихаго; всегда воютъ звѣри дивіи, волци сѣрые, по горамъ у насъ брешутъ лисицы бурыя, а все то скликаючи, вашего бусурманскаго трупа ожидаючи. Прежде сего накормили мы ихъ головами вашими, какъ Азовъ взяли; а топерво вамъ опять отъ насъ хочется того же, чтобъ плоти вашея мы тѣхъ звѣрей накормили; и то вамъ будетъ по прежнему. А Азовъ - городъ взяли мы у царя вашего Турскаго не разбойничествомъ и не татинымъ промысломъ, взяли мы Азовъ - городъ впрямь дородствомъ своимъ и разумомъ, для опыту, каковы его люди Турскіе въ городѣхъ сидятъ. А мы сѣли въ Азовѣ людьми малыми, роздѣляся съ товарищи нарокомъ надвое, для опыту же: посмотримъ мы Турецкихъ умовъ и промысловъ. А все то мы примѣняемся къ Ерусалиму и Царюграду. Хочется намъ такожъ взяти Царьградъ: то государство было крѣпостное христіянское.

„Да вы же насъ пужаете, бусурмане поганые, что съ Руси не будетъ къ намъ ни запасу хлѣбнаго, ни выручки, а сказываете намъ, будто къ вамъ изъ Государства Московскаго про насъ о томъ писано. И мы про то сами и безъ васъ, собакъ, вѣдаемъ, какіе мы на Руси въ государствѣ Московскомъ люди дорогіе, и чему мы тамо надобны. Очередь мы свою собою сами вѣдаемъ. А государство Московское многолюдно, велико и пространно; сіяетъ свѣтло посреди, паче всѣхъ иныхъ государствъ и ордъ бусурманскихъ, Персидскихъ и Еллинскихъ, аки въ небѣ солнце. А насъ на Руси не почитаютъ и за пса смердящаго. А бѣгаемъ мы изъ того государства Московскаго изъ работы вѣчныя, изъ холопства невольнаго, отъ бояръ и отъ дворянъ государевыхъ; да здѣ прибѣгли и вселились въ пустынѣ непроходнѣй: взираемъ на Христа Бога небеснаго. Кому отъ насъ тамъ потужити? Ради тамъ всѣ концу нашему. А запасы къ намъ хлѣбные и выручки съ Руси николи не бывали. Кормитъ насъ, молодцовъ, и поитъ тихій Донъ Ивановичъ на полѣ водою свѣжею, и рыбами живыми, и звѣрьми дивіими. Питаемся мы, аки птицы небесныя: ни сѣемъ, ни оремъ, ни житницы сбираемъ. Такъ питаемся подлѣ море Черное. А злато и сребро емлемъ у васъ за моремъ: то вамъ самимъ вѣдомо. А жены себѣ красныя и любимыя водимъ и выбираемъ отъ васъ же, изъ Царяграда...

„А се мы взяли Азовъ-городъ своею волею, а не государскимъ повеленіемъ, — для казачьихъ зипуновъ своихъ и для лютыхъ и высокихъ пыхъ вашихъ, поганыхъ и скаредныхъ. И за то на насъ, холопей своихъ, государь нашъ зѣло кручиноватъ: отъ него великаго государя казни ждемъ смертныя за взятье Азовское. А государь нашъ великій и праведный и пресвѣтлый царь и великій князь Михайло Федоровичъ, всея Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и ордъ государь и обладатель: много у него великаго государя на вѣчномъ холопствѣ такихъ бусурманскихъ царей служатъ ему великому государю, какъ и вашъ Обрагимъ, Турской царь. Полно онъ государь нашъ великій, пресвѣтлый и праведный царь чинитъ по преданію святыхъ отцевъ; не желаетъ пролитія кровей вашихъ бусурманскихъ. Довольно онъ великій государь богатъ данными своими царскими оброками, и безъ вашего бусурманскаго скареднаго богатства собачья...

„Да вы же насъ зовете словомъ царя Турскаго. чтобъ намъ служить царю Турскому, а сулите намъ отъ него царя Турскаго честь великую и богатство многое. А мы люди Божіи а холопи государя царя Московскаго, а се нарицаемся по крещенію православные христіяне. Какъ служити можемъ ему царю Турскому, невѣрному, оставя пресвѣтлый здѣшній свѣтъ и будущій? Въ тьму итти не хощемъ. Будемъ впрямь ему царю Турскому надобны, и мы отсидимся отъ васъ въ Азовѣ-городѣ, побываемъ мы у него царя за моремъ, подъ его Царемъ-градомъ: посмотримъ мы его Царяграда, строеніе кровей своихъ. Тамъ съ нимъ царемъ Турскимъ переговоримъ рѣчь всякую, лише бы ему царю наша казачья рѣчь полюбилася. Станемъ мы служить ему царю пищальми казачьими да своими сабельки вострыми...

(Турки приступаютъ къ осадѣ Азова.)

И въ тѣ поры отчаявши мы животъ свой въ Азовѣ-городѣ, въ выручкѣ своей безнадежны стали отъ человѣкъ. Только себѣ чаемъ помощи отъ вышняго Бога. Прибѣжимъ, бѣдные, къ своему помощнику, Предотечеву образу предъ нимъ-свѣтомъ росплачемся слезами своими горькими: „Государь-свѣтъ, помощникъ нашъ, Предотеча Христовъ, Іоаннъ! По твоему, свѣтову, изволенію разорили мы гнѣздо зміево, взяли Азовъ-градъ, побили мы въ немъ всѣхъ христіанскихъ мучителей и идолослужителей. И твой свѣтовъ домъ, Никола Чудотворецъ, очистили, и украсили ваши чудотворные образы отъ своихъ грѣшныхъ, недостойныхъ рукъ. Безъ пѣнія у насъ по сѣ поры передъ вашими образы не бывало. Али мы васъ, свѣтовъ, чѣмъ прогнѣвали, что опять хощете итти въ руки бусурманскія? На васъ мы, свѣтовъ, надѣялись, въ осадѣ сидѣли, оставя всѣхъ своихъ товарищевъ. А топерво отъ Турокъ видимъ впрямь смерть свою: поморили насъ безсоніемъ; 14 дней и 14 нощей съ ними безпрестани мучимся. Уже наши ноги подъ нами подогнулися, и руки наши оборонныя уже не служатъ намъ, и отъ истомы уста наши замертвѣли, и глаза у насъ порохомъ выжгло отъ безпрестанной стрѣльбы; языкъ уже нашъ во устахъ нашихъ на басурманъ закричать не воротится. Такое наше безсиліе: не можемъ въ рукахъ своихъ никакого оружія держати: почитаемъ себя уже за мертвый трупъ. Часа уже съ 2 не будетъ въ осадѣ сидѣнья нашего. Топерво мы, бѣдные, розставаемся съ вашими чудотворными иконами и со всѣми христіяны православными. Не бывать ужъ намъ на святой Руси: смерть наша грѣшная въ пустыняхъ, за ваши иконы чудотворныя, за вѣру христіянскую, за имя государское".

Почали уже мы, атаманы и казаки, и удалые молодцы, и все великое Донское и Запорожское свирѣпое войско прощатися:

„Прости насъ, государь нашъ, православный царь Михайло Федоровичъ, всея Россіи самодержецъ, холопей своихъ грѣшныхъ! Вели наши помянути души грѣшныя. Простите, государи, вси патріархи вселенскіе! Простите, государи, всй преосвященіи митрополиты! Простите, государи, вси архіепископы и епископы! Простите, государи, архимандриты и игумены! Простите, государи, протопопы и вси священницы, и діаконы, и вси собори освященніи! Простите, государи, вси мниси и затворники! Простите насъ, вси святіи отцы! Простите, государи, вси христіане православные! поминайте наши души грѣшныя своихъ ради родителей! Простите насъ, лѣса темные и дубравы зеленыя! Простите насъ, поля чистыя и тихія заводи! Простите насъ, море синее и рѣ-

ки быстрыя! Прости насъ, государь нашъ, тихій Донъ Ивановичъ! Уже намъ по тебѣ и атаману нашему съ грознымъ войскомъ не ѣздить, дикаго звѣря въ чистомъ полѣ не стрѣливать, въ тихомъ Дону Ивановичѣ рыбы не лавливать!“

А для того мы имѣли постъ и чистоту душевную. И Турки насъ спрашивали почасту: „Кто-де у васъ изъ Азова выѣзжаютъ два юноши младыхъ, и сѣкутъ нашихъ Турокъ на полѣ?“ И мы имъ сказали: „То-де наши воеводы Азовскіе“. А на первомъ приступѣ многіе у насъ искусные люди видѣли ясно, что отъ образа Ивана Предотечи, отъ суха древа, течаху многи слезы, аки струя: то мы вѣдаемъ, что стоитъ надъ нами милость Божія.

А послѣ своего прощанія, взяли мы иконы чудотворныя, Предотечину да Николину, да пошли съ ними противу бусурмановъ на вылазку; и милостію Божіею и молитвою Пречистыя Богородицы, и заступленіемъ силъ, и помощію ихъ угодниковъ Предотечи Іоанна и Николы Чудотворца на вылазкѣ явно бусурмановъ побили. И видя то люди турецкія, что стоитъ надъ нами милость Божія, что ни въ чемъ осилить не умѣютъ насъ, и съ тѣхъ мѣстъ не почали уже присылать къ приступу къ намъ людей своихъ, яныченъ... А мы отъ тѣхъ мѣстъ отъ бѣдъ своихъ, и отъ смертныхъ ранъ, и отъ истомы ихъ отдохнули въ тѣ дни, и замертво повалялись...

И они, турки, какъ увидали, что въ похвальбѣ имъ Богъ не пособилъ взять взятьемъ Азовъ-городъ, и они покиня свои таборы, побѣжали къ своимъ кораблямъ и каторгамъ [1]), видя они свою погибель и страхъ великій отъ нашея руки малыя. И мы, бѣдные, на свои руки оборонныя и ноги подломныя не надѣяся, только чая себѣ отъ Бога милости и отъ Пречистыя помощи, и заступленія Предотечева, крикнули мы, бѣдные, на ихъ турецкія таборы; а по таборамъ только огни горятъ. Отъ нашего страха великаго побѣжали они къ Черному морю, чтобъ имъ уйти отъ насъ за Черное море. И мы бѣдные, надѣяся на Бога вышняго, пошли за ними въ походъ: ажно садятся они на свои бусы и каторги, а которые стоятъ на сухомъ пути, и они не видя другъ друга, почали метаться и больше того потопились въ Черномъ морѣ...

А мы, бѣдные остальцы, — всего насъ осталось полчетверты тысячи, и тѣ всѣ переранены, — и взяли мы икону Іоанна Предотечи и Николы Чудотворца, а мѣсто Азовское оставили, а сами пошли на свой тихій Донъ, и тамъ сотворили обитель Іоанна Предотечи, атамана поставили игуменомъ и въ монастырѣ учали жити и Богу молиться.

Отъ нашея руки малыя и отъ казачества вольнаго имъ бусурманамъ срамота стала вѣчная отъ всѣхъ земель, отъ царей и отъ королей, а нашему православному государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу, всея Россіи самодержцу, слава вѣчная во всѣ орды бусурманскія, персидскія и еллинскія, а нашему атаману Науму Васильеву и всему грозному войску Донскому слава вѣчная.

---

[1]) Каторга (катарка) — весельное судно.

Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи

А въ началѣ вѣка сего тлѣннаго
Сотворилъ Богъ небо и землю,
Сотворилъ Богъ Адама и Евву,
Повелѣлъ имъ жити въ святомъ раю.
Далъ имъ заповѣдь божественную,
Не повелѣлъ вкушати плода винограднаго
Отъ едемскаго древа великаго.
Человѣческое сердце несмыслено и неуимчиво,
Прельстился Адамъ со Еввою, —
Позабыли заповѣдь Божію,
Вкусили плода винограднаго
Отъ дивнаго древа великаго, —
И за преступленіе великое
Господь Богъ на нихъ разгнѣвался,
И изгналъ Богъ Адама съ Еввою
Изъ святаго раю изъ едемскаго,
И вселилъ онъ ихъ на землю на низкую,
Благословилъ онъ ихъ раститися-плодитися
И отъ своихъ трудовъ велѣлъ имъ сытымъ быть,
Отъ земныхъ плодовъ. . .
Учинилъ Богъ заповѣдь законную:
Велѣлъ онъ бракамъ и женитьбамъ быть
Для рожденія человѣческаго и для любимыхъ дѣтей.
Ино зло племя человѣческо:
Въ началѣ пошло нопокорливо,
Къ отцову ученію зазорчиво,
Къ своей матери непокорливо,
И къ совѣтному другу обманчиво;
А се роди пошли слабы, добрѣ убожливы,
А на безуміе обратилися,
И учали жить въ суетѣ и въ враждѣ . . .
А прямое смиреніе отринули.
И за то на нихъ Господь Богъ разгнѣвался;
Положилъ ихъ въ напасти великія,
Попустилъ на нихъ скорби великія,
И срамные позоры немѣрные,
Безживотіе злое, сопостатные находы,
Злую немѣрную наготу и босоту,
И безконечную нищету и недостатки послѣдніе,
Все смиряючи насъ, наказуя,
И приводя насъ на спасенный путь.
Тако рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери.

Будетъ молодецъ уже въ разумѣ, въ беззлобіи.
И возлюбили его отецъ и мать,
Учить его учали, наказывать,
На добрыя дѣла наставливать.
Молодецъ былъ въ то время семалъ и глупъ,
Не въ полномъ разумѣ и несовершенъ разумомъ:
Своему отцу стыдно покоритися,
И матери поклонитися;
А хотѣлъ жити, какъ ему любо.
Наживалъ молодецъ пятьдесятъ рублевъ,
Залѣзъ [1]) онъ себѣ пятьдесятъ друговъ;
Честь его, яко рѣка, текла;
Друговя къ молодцу прибивалися,
Родъ-племени причиталися.
Еще у молодца былъ милъ надеженъ другъ;
Назвался молодцу названый братъ,
Прельстилъ его рѣчьми прелестными,
Зазвалъ его на кабацкій дворъ,
Завелъ его въ избу кабацкую,
Поднесъ ему чару зелена вина,
И кружку поднесъ пива пьянаго,
Самъ говоритъ таково слово:
„Испей ты братецъ мой названый,
Въ радость себѣ и въ веселіе, и во здравіе.
Испей чару зелена вина,
Запей ты чашею меда сладкаго:
Хошь и упьешься, братецъ, допьяна,
Ино гдѣ пилъ, тутъ и спать ложися;
Надѣйся на меня, брата названаго,
Я сяду стеречь и досматривать:
Въ головахъ у тебя, мила друга,
Я поставлю кружку ишему [2]) сладкаго,

---

[1]) нашелъ; [2]) меда.

Вскрай поставлю зелено вино,
Близь тебя поставлю пиво пьяное,
Сберегу я, милъ другъ, тебя накрѣпко,
Сведу я тебя ко отцу твоему и матери".
Въ тѣ поры молодецъ понадѣялся
На своего брата названаго;
Не хотѣлося ему друга ослушаться.
Принимался онъ за питья за пьяныя,
И испивалъ чару зелена вина,
Запивалъ онъ чашею меду сладкаго,
И пилъ онъ, молодецъ пиво пьяное.
Упился онъ безъ памяти,
И гдѣ пилъ, тутъ и спать ложился:
Понадѣялся онъ на брата названаго.
Какъ будетъ день уже до вечера,
А солнце на западѣ,
Ото сна молодецъ пробуждается;
Въ тѣ поры молодецъ озирается:
А что сняты съ него драгіе порты;
Чары и чулочки все поснимано,
Рубашка и все слуплено,
И вся собина [1]) у его ограблена,
А кирпичекъ положенъ подъ буйну его голову,
Онъ накинутъ гунькою кабацкую,
Въ ногахъ у него лежатъ лапотки-отопочки;
Въ головахъ мила друга и близко нѣтъ.
И всталъ молодецъ на бѣлы ноги,
Учалъ молодецъ наряжатися:
Обувалъ онъ лапотки.
Надѣвалъ онъ гуньку [2]) кабацкую,
Покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое;
Умывалъ онъ лице свое бѣлое;
Стоя молодецъ закручинился,
Самъ говоритъ таково слово:
„Житіе мнѣ Богъ далъ великое,
Ясти-кушати стало нечего!
Какъ не стало деньги, ни полуденьги.
Такъ не стало ни друга, ни полдруга;
Родъ и племя отчитаются,
Всѣ друзи прочь отпираются!
Стало срамно молодцу появитися
Къ своему отцу и матери,
И къ своему роду и племени,
И къ своимъ прежнимъ милымъ другомъ.
Пошелъ онъ на чужу страну, дальну, незнаему.
Нашелъ дворъ, что градъ стоитъ;
Изба на дворѣ, что высокъ теремъ;
А въ избѣ идетъ великъ пиръ почестенъ:
Гости пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются.
Пришелъ молодецъ на честенъ пиръ,
Крестилъ онъ лицо свое бѣлое,
Поклонился чуднымъ образомъ,
Билъ челомъ онъ добрымъ людемъ
На всѣ четыре стороны.
А что видятъ молодца люди добрые,
Что гораздъ онъ креститися,
Ведетъ онъ все по писанному ученію.
Емлютъ его люди добрые подъ руки,
Посадили его за дубовый столъ,
Не въ большее мѣсто, не въ меньшее,
Садятъ его въ мѣсто среднее,
Гдѣ сѣдятъ гости гостиныя.
Какъ будетъ пиръ на веселіе,
И всѣ на пиру гости пьяны, веселы,
И сѣдя всѣ похваляются;
Молодецъ на пиру невеселъ сидитъ,
Кручиноватъ, скорбенъ, нерадостенъ,
А не пьетъ, ни ѣстъ онъ, ни тѣшится,
И ничѣмъ на пиру не хвалится.
Говорятъ молодцу люди добрые:
„Что еси ты, добрый молодецъ,
Зачѣмъ ты на пиру невеселъ сѣдишь,
Кручиноватъ, скорбенъ и нерадостенъ,
Ни пьешь ты, ни тѣшишься,
Да ничѣмъ ты на пиру не хвалишься?
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала?
Или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей?

[1]) Имущество; [2]) одеженку.

Или малыя дѣти тебя изобидѣли?
Или глупые люди, немудрые
Чѣмъ тебѣ, молодцу, насмѣялися?
Или дѣти наши къ тебѣ не ласковы?"
Говоритъ имъ, сѣдя, добрый молодецъ:
„Государи вы, люди добрые!
Скажу я вамъ про свою нужду великую,
Про свое ослушаніе родительское,
И про питье кабацкое, про чашу медвяную,
Про лестное питіе пьяное,
Язъ какъ принялся за питье за пьяное,
Ослушался язъ отца и матери:
Благословеніе мнѣ отъ нихъ миновалося;
Господь Богъ на меня разгнѣвался,
И на мою бѣдность великія
Многія скорби неисцѣльныя
И печали неутѣшныя,
Скудость и недостатки и нищета послѣдняя.
Укротила скудость мой рѣчистый языкъ;
Изсушила печаль мое лицо и тѣло бѣлое:
Ради того мое сердце невесело,
А бѣлое лицо унынливо:
И ясныя очи замутилися;
Все имѣніе и взоры у мене измѣнилися;
Отечество мое потерялося,
Храбрость молодецкая отъ мене миновалася.
Государи вы люди добрые!
Скажите и научите, какъ мнѣ жить
На чужой сторонѣ, въ чужихъ людехъ,
И какъ залѣзти [1]) мнѣ милыхъ друговъ!"
Говорятъ молодцу люди добрые:
„Добро еси ты, разумный молодецъ!
Не буди ты спѣсивъ на чужой сторонѣ:
Покорися ты другу и недругу,
Поклонися ты стару и молоду,
А чужихъ ты дѣлъ не объявливай,
А что слышишь или видишь — несказывай,
Не льсти ты межъ други и недруги;
Не имѣй ты упадки вилавыя —
Не вейся зміею лукавою:
Смиреніе ко всѣмъ имѣй,
И ты съ кротостію держися истины съ правдою,
То тебѣ будетъ честь и хвала великая.
Первое, тебѣ люди отвѣдаютъ.
И учнутъ тя чтить и жаловать
За твою правду великую,
За твое смиреніе и за вѣжество;
И будутъ у тебя милые други—
Названые братья надежные".
И оттуда пошелъ молодецъ на чужу сторону,
И учалъ онъ жити умѣючи,
Отъ великаго разума
Наживалъ онъ живота больше стараго.
Присмотрѣлъ невѣсту себѣ по обычаю.
Захотѣлося молодцу женитися.
Срядилъ молодецъ честенъ пиръ.
Отечествомъ и вѣжествомъ,
Любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ билъ челомъ.
И по грѣхомъ молодцу, и по Божію попущенію,
А по дѣйству діаволю,
Предъ любовными своими гостьми
И други и назваными браты похвалился.
А всегда гнило слово похвальное:
Похвала живетъ человѣку пагуба.
Наживалъ-де я молодецъ, живота больше стараго!
Подслушало Горе-Злочастіе
Хвастанье молодецкое!
Само говоритъ таково слово:
„Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ,
Не хвастай своимъ богатствомъ,
Бывали люди у меня Горя
И мудряя тебя и досужае,

[1]) найти.

И я ихъ, Горе, перемудрило.
Учинися имъ злочастіе великое:
До смерти со мною боролися,
Во зломъ счастіи позорилися,
Не могли у мене, Горя, уѣхати.
Инъ они во гробъ вселилися,
Отъ мене накрѣпко они землею накрылися:
Босоты и наготы они избыли,
И я отъ нихъ, Горе, миновалось,
А Злочастіе на ихъ въ могилѣ осталось"!
Еще возграяло: — „Я, Горе, къ инымъ привязалось.
А мнѣ, Горю и Злочастію, не въ пустѣ же жить:
Хочу я, Горе, въ людехъ жить;
И батогомъ меня не выгонить;
А гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ!"
Говоритъ сѣро Горе-горинское;
„Какъ бы мнѣ молодцу появитися?"
Ино зло то Горе излукавилось,
Во снѣ молодцу привидѣлось:
„Откажи ты, молодецъ, невѣстѣ своей любимой;
Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
Еще быть тебѣ отъ тое жены удавлену,
Изъ злата и сребра быть убитому!
Ты пойди, молодецъ, на царевъ кабакъ:
Не жали ты, пропивай свои животы.
А скинь ты платье гостиное,
Надежи ты на себя гуньку кабацкую;
Кабакомъ-то горе избудется,
Да то злое Злочастіе останется,
За нагимъ-то Горе не погонится,
Да никто къ нагому не привяжется;
А нагому-босому шумѣть—разбой!"
Тому сну молодецъ не повѣровалъ.
Ино зло то Горе излукавилось...
Молодцу по-прежнему
Еще вновь Злочастіе привязалося:
„Али тебѣ, молодецъ, невѣдома
Нагота и босота безмѣрная,
Легота [1]) безпроторица [2]) великая?
На себя что купить то проторится,
А ты, удалъ молодецъ, и такъ живешь!
Да не бьютъ, не мучатъ нагихъ-босыхъ,
И изъ раю нагихъ-босыхъ не выгонятъ,
А съ того свѣту сюды не вытепутъ;
Да никто къ нему не привяжется;
А нагому-босому шумѣть—разбой!"
Тому сну молодецъ онъ повѣровалъ:
Сошелъ онъ пропивать свои животы,
Пошелъ молодецъ на чужу страну, дальну, незнаему.
На дорогѣ пришла ему быстра рѣка.
За рѣкою перевозчики,
А просятъ у него перевознаго,
Ино дать молодцу нечего:
Не везутъ молодца безденежно.
Сѣдитъ молодецъ день до вечера,
Миновался день недобѣднемъ,
Не ѣдалъ молодецъ ни полу-куса хлѣба.
Вставалъ молодецъ на скоры ноги,
Стоя, молодецъ закручинился,
А самъ говоритъ таково слово:
„Ахти мнѣ, Злочастіе горинское!
До бѣды меня, молодца, домыкало,
Уморило меня, молодца, смертью голодною.
Уже три дни мнѣ были нерадошны,
Не ѣдалъ я, молодецъ, ни полу-куса хлѣба!
Ино кинусь я, молодецъ, въ быстру рѣку:
Полощи мое тѣло, быстра рѣка!
Ино ѣжьте, рыбы, мое тѣло бѣлое!
Ино лучше мнѣ житія сего позорнаго:
Уйду ли я у Горя злочастнаго".
И въ тотъ часъ у быстры рѣки,
Скочи Горе изъ-за камени,
Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано,
Богатырскимъ голосомъ воскликало:

---

[1]) легкость. [2]) бѣдность.

„Стой ты, молодецъ, меня, Горя, не уйдешь никуды!
Не мечися въ быстру рѣку,
Да не буди въ горѣ кручиноватъ;
А въ горѣ жить—не кручинну быть!
А кручинну въ горѣ погинути!
Вспамятуй, молодецъ, житіе свое первое:
И какь тебѣ отецъ говорилъ,
И какъ тебѣ мати наказывала.
О чемъ тогда ты ихъ не послушалъ?
Не захотѣлъ ты имъ покоритися,
Постыдился ты имъ поклонитися,
А хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть!
А кто родителей своихъ на добро ученія не слушаетъ,
Того выучу я, Горе злочастное!
Не къ любому онъ учнетъ упадывать,
И учнетъ онъ недругу покорятися!“
Говоритъ Злочастіе таково слово:
„Покорися мнѣ, Горю нечистому,
Поклонися мнѣ, Горю, до сыры земли!
А нѣтъ меня, Горя, мудряя на семъ свѣтѣ;
И ты будешъ перевезенъ за быструю рѣку,
Напоятъ тя, накормятъ люди добрые“.
А что видитъ молодецъ бѣду неминучую,
Покорился Горю нечистому,
Поклонился Горю до сыры земли!
Пошелъ, поскочилъ добрый молодецъ,
По круту по красну по бережку,
По желтому песочику;
Идетъ веселъ, некручиноватъ;
Утѣшилъ онъ Горе-Злочастіе;
А самъ, идучи, думу думаетъ:
Когда у меня нѣтъ ничего,
И тужить мнѣ не о чемъ!
Да еще молодецъ не кручиноватъ,
Запѣлъ онъ хорошую напѣвочку,
Отъ великаго крѣпкаго разума:
„Безпечальна мати меня породила
Гребешкомъ кудерцы расчесывала,
Драгими порты [1]) меня одѣяла
И отшедъ подъ ручку посмотрила:
„Хорошо ли мое чадо въ драгихъ портахъ?
А въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣтъ!“
Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
Ино я самъ знаю и вѣдаю,
Что не класти скарлату [2]) безъ мастера,
Не утѣшити дитяти безъ матери,
Не бывать бражнику богату,
Не бывать костарю [3]) въ славѣ доброй;
Завѣченъ [4]) я у своихъ родителей,
Что мнѣ быти бѣлешеньку,
А что родился головенькою“. —
Услышали перевозчики молодецкую напѣвочку,
Перевезли молодца за быстру рѣку,
А не взяли у него перевознаго,
Напоили, накормили люди добрые,
Сняли съ него гуньку кабацкую,
Дали ему порты крестьянскіе!
Говорятъ молодцу люди добрые:
„А что еси ты, добрый молодецъ,
Ты поди на свою сторону,
Къ любимымъ честнымъ своимъ родителямъ,
Къ отцу своему и къ матери любимой,
Простися ты съ своими родители,
Съ отцомъ и матерію,
Возьми отъ нихъ благословеніе родительское!“
И оттуда пошелъ молодецъ на свою сторону.
Какъ будетъ молодецъ на чистомъ полѣ,
А что злое Горе напередъ зашло,
На чистомъ полѣ молодца встрѣтило,
Учало надъ молодцемъ граяти,
Что злая ворона надъ соколомъ;
Говоритъ Горе таково слово:
„Ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!

---

[1]) одеждами; [2]) скарлатъ—иностр. сукно; [3]) игроку въ кости; [4]) обреченъ.

Не на часъ я къ тебѣ, Горе злочастное, привязалося;
Хошь до смерти съ тобою помучуся!
Не одно я, Горе, — еще сродники,
А вся родня наша добрая;
Всѣ мы гладкіе, умильные;
А кто въ семью къ намъ примѣшается, —
Ино тотъ между нами замучится!
Такова у насъ участь и лучшая.
Хотя кинься во птицы воздушныя,
Хотя въ синее море ты пойдешь рыбою, —
А я съ тобой пойду подъ руку подъ правую",
Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сизымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А Горе за нимъ съ борзыми выжлецы;
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,
А Горе пришло съ косою вострою,
Да еще Злочастіе надъ молодцемъ насмѣялося:
Быть тебѣ, травонька, посѣченой,
Лежать тебѣ, травонька, посѣченой,
И буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной.
Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
А Горе за нимъ съ частыми неводами,
Еще Горе злочастное насмѣялося:
Быть тебѣ, рыбонькѣ, на бережку уловленой,
Быть тебѣ да и съѣденой,
Умереть будетъ напрасною смертію!
Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
А Горе подъ руку подъ правую!
Научаетъ молодца богато жить,
Убити и ограбити,
Чтобы молодца за то повѣсили,
Или съ камнемъ въ воду посадили.
Вспамятуетъ молодецъ спасенный путь,
И оттолѣ молодецъ въ монастырь пошелъ постригатися,
А Горе у святыхъ воротъ остается,
Къ молодцу впредь не привяжется!
А сему житію конецъ мы вѣдаемъ:
Избави, Господи, вѣчныя муки,
А дай намъ, Господи, свѣтлый рай!
Во вѣки вѣковъ аминь.

Изъ сочиненій протопопа Аввакума

Изъ житія.

Аввакумъ родился въ 1621 г. въ семьѣ священника. Въ 1644 г. рукоположенъ въ священники.

Аввакумъ-священникъ въ селѣ Лопатицахъ на Волгѣ. Пріидоша въ село мое плясовые медвѣди съ бубнами и съ домрами, и я грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ, — одного ушибъ и паки ожилъ, а другого отпустилъ въ поле. И за сіе меня Василей Петровичь Шереметевъ, пловучи Волгою въ Казань на воеводство, взялъ на судно и браня много велѣлъ благословить сына своего Матвѣя, бритобрадца. Азъ же не благословилъ, но отъ писанія его порицалъ, видя блудоносный образъ. Бояринъ же

гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить въ Волгу и, много томя, протолкали, а опослѣ учинились добры до меня; у царя на сѣняхъ прощались, а брату моему меньшому боярыня Васильева и дочь духовная была. Такъ то Богъ строитъ своя люди!

Переходъ въ городъ Юрьевецъ. По малѣ паки иніи изгнаша мя отъ мѣста того вдругорядь. Азъ же сволокся къ Москвѣ и Божіею волею государь меня велѣлъ въ протопопы поставить въ Юрьевцѣ Повольскомъ. И тутъ пожилъ не много, только 8 недѣль. Діаволъ научилъ поповъ и мужиковъ и бабъ: пришли къ патріархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и вытаща меня изъ приказа собраніемъ (человѣкъ съ тысячу и полторы ихъ было), среди улицы били батожьемъ и топтали, а бабы были съ рычагами; грѣхъ ради моихъ замертво убили и бросили подъ избной уголъ. Воевода съ пушкарями прибѣжалъ и, ухватя меня, на лошади, умчали въ мой дворишко; а пушкарей воевода около двора поставилъ. Людіе же ко двору приступаютъ и по граду молва велика, наипаче же попы и бабы вопятъ: „убить вора, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ". — Азъ же отдохня въ 3-й день ночью, покиня жену и дѣти, по Волгѣ самъ третій ушелъ къ Москвѣ. На Кострому прибѣжалъ, ано и тутъ протопопа же Даніила изгнали. Охъ, горе! нигдѣ отъ діавола житья нѣтъ! Прибрелъ къ Москвѣ; духовнику Стефану показался; и онъ на меня учинился печаленъ; на что де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ другое горе. Царь пришелъ къ духовнику благословитися ночью, меня увидѣлъ тутъ; — опять кручина: На что де городъ покинулъ? А жена, и дѣти и домочадцы человѣкъ съ двадцать въ Юрьевцѣ остались невѣдомо — живы, невѣдомо — прибиты, тутъ паки горе!

Въ Москвѣ Аввакумъ принялъ участіе въ борьбѣ противъ патріарха Никона. Никонъ вводитъ трехперстное сложеніе. Ревнители старой вѣры возмутились. „Мы же, разсказываетъ Аввакумъ, задумалися, сошедшеся между собою: видимъ яко зима хощетъ быти; сердце озябло и ноги задрожали". Аввакумъ и его единомышленники подали царю записку противъ новшествъ Никона. Никонъ отвѣчалъ на это преслѣдованіями старовѣрцевъ.

Въ Москвѣ; борьба съ Никономъ, начало преслѣдоній. Таже меня взяли отъ всенощнаго, Борисъ Нелединскій со стрѣльцами; человѣкъ со мною съ шестьдесятъ взяли; ихъ въ тюрьму отвели, а меня на патріарховѣ дворѣ на чѣпь посадили ночью. Егда же разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря. И тутъ на чѣпи кинули въ темную палатку, — ушла въ землю, и сидѣлъ три дня, не ѣлъ, не пилъ, — во тьмѣ сидя, кланялся на чѣпи, не знаю на востокъ, не знаю на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. Бысть же я въ третій день пріалченъ, сирѣчь ѣсть захотѣль, и послѣ вечерни ста предо мною, не вѣмъ ангелъ, не вѣмъ человѣкъ, — и по се время не знаю, токмо въ потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ чѣпію къ лавкѣ привелъ, и посадилъ, и ложку въ руки далъ, хлѣбца немножко, и штецъ далъ похлебать, — зѣло превкусны хороши, и реклъ мнѣ: „полно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію". Да и не стало его. Двери не отворялись, а его не стало. Дивно только человѣкъ, а что же ангелъ, ино не чему дивиться: вездѣ ему не загоро-

жено. На утро архимандритъ съ братіею пришли и вывели меня; журятъ мнѣ, что патріарху не покорился, а я отъ писанія его браню да лаю. Сняли большую чѣпь да малую наложили, отдали чернцу подъ началъ: велѣли волочить въ церковь. У церкви за волосы дерутъ, и подъ бока толкаютъ, и за чѣпь трогаютъ, и въ глаза плюютъ. Богъ ихъ проститъ въ сей вѣкъ и въ будущій! не ихъ то дѣло, но сатаны лукаваго. Сидѣлъ тутъ я 4 недѣли.

Въ 1653 г. Аввакумъ былъ сосланъ въ Сибирь. Сперва онъ былъ поселенъ въ Тобольскѣ, затѣмъ причисленъ къ отряду воеводы Пашкова, посланнаго въ экспедицію въ Даурію.

Въ Сибири (первая ссылка). Таже сѣлъ опять въ корабль свой, еже показанъ ми, — что выше сего рекохъ, — поѣхалъ на Лену. А какъ пріѣхалъ въ Енисейской, другой указъ пришелъ: велѣно въ Дауры везти, — двадцать тысячь и больше будетъ отъ Москвы. И отдали меня Афанасью Пашкову въ полкъ. Людей съ нимъ было 600 человѣкъ; и, грѣхъ ради моихъ, суровъ человѣкъ: безпрестанно людей жжетъ, и мучитъ, и бьетъ. И я его много уговаривалъ да и самъ въ руки попалъ; а съ Москвы отъ Никона приказано было мучить меня. Егда поѣхали изъ Енисейска, какъ будемъ въ большой Тунгускѣ рѣкѣ, въ воду загрузило бурею дощеникъ мой: совсѣмъ налился среди рѣки полонъ воды и парусъ изорвало, одни палубы надъ водою, а то все въ воду ушло. Жена моя на палубы изъ воды ребятъ кое какъ вытаскала, простоволоса ходя, а я, на небо глядя, кричу: „Господи, спаси! Господи, помози!“

На другомъ, Долгомъ порогѣ сталъ (Пашковъ) меня изъ дощеника выбивать· „для-де тебя дощеникъ худо идетъ; еретикъ-де ты; поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи“, О, горе стало! Горы высокія, дебри непроходимыя, утесъ каменной, яко стѣна стоитъ, и поглядѣть—заломя голову! Въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зміи великіе; въ нихъ же витаютъ гуси и утицы — періе красное, вороны черные и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы, и соколы, и кречеты и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди и иныя дикія, многое множество, птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляютъ звѣри многіе дикіе: козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе — во очію нашу, а взять нельзя. На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ со звѣрьми и птицами витати, и азъ ему малое писаньице написалъ, сице начало: „Человѣче! убойся Бога, сѣдящего на херувимѣхъ и призирающаго въ бездны, Егоже трепещутъ небесныя силы и вся тварь со человѣки, единъ ты презираешь и неудобство показуешь“ и прочая, такъ многонько писано. И послалъ къ нему. А се бѣгутъ человѣкъ съ пятьдесятъ: взяли мой дощеникъ и помчали къ нему, версты три отъ него стоялъ. Я казакамъ каши наварилъ да кормлю ихъ; а они бѣдные и ѣдятъ, и дрожатъ, а иные плачутъ, глядя на меня: жалѣютъ по мнѣ. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ съ шпагою стоитъ и дрожитъ; началъ мнѣ говорить: „попъ ли или распопъ?“ И азъ отвѣщалъ: „Азъ есмь Аввакумъ протопопъ; говори: что тебѣ дѣло до меня?“ Онъ же рыкнулъ, яко дикій звѣрь, и ударилъ меня по щекѣ, таже по другой и паки въ голову и сбилъ меня съ ногъ и, чеканъ ухватя, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды и, разболокши, по той же спинѣ 72 удара кнутомъ. И я говорю: „Господи Ісу-

-се Христе, Сыне Божій, помогай мнѣ". Да тоже безпрестанно говорю; такъ горько ему, что не говорю: „пощади". Ко всякому удару молитву говорилъ, да середи побой вскричалъ я къ нему; „полно бить то!" Такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолвилъ ему: „за что ты меня бьешь: знаешь ли?" И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ; и отпустили: я задрожалъ да и упалъ, и онъ велѣлъ меня въ казенный дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шелъ; всю нощь подъ капелью лежалъ...

Возвращеніе изъ ссылки. Таже съ Нерчи рѣки паки назадъ возвратились къ Русѣ. Пять недѣль по льду голому ѣхали на нартахъ, Мнѣ подъ робятъ и подъ рухлядишко далъ двѣ клячки, а самъ и протопопица брели пѣшіе убивающеся о ледъ. Страна варварская, иноземцы не мирные; отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадьми итти не поспѣемъ; голодные и темные люди. Протопопица бѣдная бредетъ, бредетъ да и повалится: скользко гораздо; въ иную пору бредучи повалилась, а иной темной же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился; оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: „матушко государыня! прости!" А протопопица: „что ты, батько, меня задавилъ?" Я пришолъ. На меня бѣдная пеняетъ, говоря: „долго ли муки сея, протопопъ, будетъ?" И я говорю: „Марковна, до самыя смерти!" Она вздохня, отвѣщала: „Добро, Петровичь; ино еще побредемъ".

Курочка у насъ черненька была: по два яичка на день приносила робяти на пищу Божіимъ повелѣніемъ, нуждѣ нашей помогая: Богъ такъ строилъ. На нартѣ везучи: въ то время удавили по грѣхомъ. И нынѣча жаль мнѣ курочки той, какъ на разумъ придетъ. Ни курочка, ништо чудо было: во весь годъ по два яичка давала, сто рублевъ при ней плюново дѣло, желѣзо! И та курочка, одушевленное Божіе твореніе, насъ кормила, а сама съ нами кашку сосновую изъ котла тутъ же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала, а намъ противъ того два яичка на день давала. Слава Богу все сотворившему благая! И не просто она намъ и досталася. У боярыни куры всѣ переслѣпли и мереть стали; такъ она собравши въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала: чтобъ-де батько пожаловалъ, помолился о курахъ. И я подумалъ: кормилица то есть наша, дѣтки у нея, надобны ей куры. Молебенъ пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродилъ, корыто имъ сдѣлалъ, изъ чего ѣсть и водою покропилъ, да къ ней все отослалъ. Курки Божіимъ мановеніемъ изцѣлѣли и исправилися по вѣрѣ ея. Отъ того то племени и наша курочка была. Да полно того говорить: у Христа не сегодня такъ повелось. Еше Козма и Даміанъ человѣкомъ и скотомъ благодѣйствовали и цѣлили о Христѣ. Богу вся надобна: и скотинка, и птичка во славу его, пречистаго Владыки, еще и человѣка ради.

Десять лѣтъ онъ [1]) меня мучилъ — или я его, не знаю; Богъ разберетъ въ день вѣка. Перемѣна ему пришла, а мнѣ грамота: велѣно ѣхать на Русь. Онъ поѣхалъ, а меня не взялъ, умышлялъ въ умѣ своемъ: „хотя де онъ одинъ и поѣдетъ, и его де убьютъ иноземцы". Онъ къ дощеникахъ со оружіемъ и людьми уплылъ, а слышалъ я, ѣдучи, отъ иноземцевъ дрожали и боялись. А я мѣсяцъ

---

[1]) Пашковъ.

спустя послѣ сего, набравъ старыхъ и больныхъ и раненыхъ, кои тамъ не годны, человѣкъ съ десятокъ, да я съ женой и дѣтьми, 17 насъ человѣкъ въ лодку сѣдше, уповая на Христа и крестъ поставя на носу, поѣхали, аможе Богъ наставитъ, ничего не бояся. Книгу Кормчую далъ прикащику, и онъ мнѣ мужика кормщика далъ. Да друга моего Василія выкупилъ, который тамъ при Пашковѣ на людей ябедничалъ и крови проливалъ, и моея головы искалъ: въ иную пору, бивши меня, на колъ было посадилъ, да еще Богъ сохранилъ. А послѣ Пашкова хотѣли его казаки до смерти убить, и я выпросилъ у нихъ Христа ради, а прикащику выкупъ далъ, на Русь его вывезъ отъ смерти къ животу; пускай его бѣднаго! либо покается о грѣсѣхъ своихъ. Да и другаго такого же увезъ замотая; сего не хотѣли мнѣ выдать, и онъ ушелъ въ лѣсъ отъ смерти и, дождався меня на пути, плачучи кинулся мнѣ въ карбасъ. Ано за нимъ погоня, дѣть стало негдѣ. Я-су, простите, своровалъ: яко Раавъ блудница во Iерихонѣ Iисуса Навина людей, спряталъ его, положа на дно въ суднѣ и постелю накинулъ и велѣлъ протопопицѣ и дочери лечь на него. Вездѣ искали, а жены съ мѣста не тронули, лишь говорятъ: „матушка! опочивайте; и такъ ты, государыня, горя натерпѣлась". А я, простите, Бога ради, — лгалъ въ тѣ поры и сказывалъ: нѣту его у меня!" — не хотя его на смерть выдать. Поискавъ, пошли ни съ чѣмъ, и я его на Русь вывезъ. Старецъ да и рабъ Христовъ! Простите же меня, что я лгалъ тогда. Каково вамъ кажется, не велико ли мое согрѣшеніе?

Въ Москвѣ. Милость царя. Таже къ Москвѣ пріѣхалъ и, яко ангела Божія пріяша мя, Государь и бояра; всѣ мнѣ рады. Къ Өедору Ртищеву зашелъ; онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ меня и учали говорить съ нимъ много: три дня и три нощи домой меня не отпускалъ и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: „здорово ли де, протопопъ живешь? еще-де видѣться Богъ велѣлъ". И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: „Живъ Господь, жива и душа моя, царь государь! а впредь, что повелитъ Богъ". Онъ же, миленькой, вздохнулъ да и пошелъ, куда надобѣ ему. И иное кое что было, да что много говорить — прошло уже то! Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ и, въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько таки, а самъ говоритъ: „благослови-де меня и помолися о мнѣ!" И шапку въ иную пору мурманку снимаючи съ головы, уронилъ ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ. Таже и вси бояра послѣ его челомъ да челомъ: „Протопопъ, благослови и молися о насъ". Какъ су мнѣ мнѣ царя того и бояръ тѣхъ не жалѣть? Жаль о су! видишь, каковы были добры: давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ; и въ духовники звали, чтобы я съ ними соединился въ вѣрѣ. Азъ же вся сія яко уметы вмѣнихъ, да Христа пріобрящу и смерть поминая, яко вся сія мимоидетъ

Возобновленіе борьбы. Ссылка на Мезень. Видятъ они, что я не соединяюсь съ ними; приказалъ государь уговаривать мене Родіону Стрѣшневу, чтобы я молчалъ. И я потѣшилъ его; царь, то есть, отъ Бога учиненъ и добренекъ до мене. Чаялъ, либо помаленьку исправится. А се посулили мнѣ Симеонова дни сѣсть на Печатномъ дворѣ книги править; и я радъ сильно: мнѣ то надобно лучше

й духовничества... Такъ то съ полгода жилъ. Да вижу, яко церковное ничто же успѣваетъ, но паче молва бываетъ,— паки заворчалъ, написалъ царю многонько таки, чтобъ онъ старое благочестіе взыскалъ и мати нашу общую, святую церковь, отъ ереси оборонилъ и на престолъ бы патріаршескій пастыря православнаго учинилъ вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика... Съ тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиноватъ сталъ: не любо стало, какъ опять сталъ я говорить; любо имъ, какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось. А власти яко козлы пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже раби Христови многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвше истину, не стали къ прелестной службѣ ихъ ходить. И мнѣ отъ царя выговоръ былъ: „власти-де на тебя жалуются, церкви де ты запустошилъ; поѣдь-де въ ссылку опять", сказывалъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Да и повезли на Мезень: надавали было кое чего во имя Христово люди добрые много, да и все осталося тутъ; токмо съ женою и съ дѣтьми и съ домочадцы повезли. По городамъ паки людей Божьихъ училъ и ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, обличалъ. И привезли на Мезень..

Возвращеніе въ Москву. Лишеніе сана и судъ надъ Аввакумомъ. Полтора года державъ, паки одного къ Москвѣ взяли да два сына со мною, Иванъ да Прокопій, съѣхали же, а протопопица и прочія на Мезени остались всѣ. А привезши къ Москвѣ, отвезли подъ началъ въ Пафнутьевъ монастырь; и туда присылка была, тоже да тоже говорятъ: „долго ли тебѣ мучить насъ? Соединись съ нами, Аввакумушко!" Я отрицался, что отъ бѣсовъ, а они лѣзутъ въ глаза; сказку имъ тутъ съ бранью большою написалъ и послалъ...

Также державъ 10 недѣль въ Пафнутьевѣ на чѣпи, взяли меня паки въ Москву и въ крестовой стяжашася власти со мною: ввели меня въ соборный храмъ и стригли по переносѣ меня и діакона Өедора, потомъ и проклинали, а я ихъ проклиналъ сопротивъ: зѣло было мятежно въ обѣдню ту. И подержавъ на патріарховѣ дворѣ, повезли насъ ночью на Угрѣшу къ Николѣ въ монастырь. И бороду враги Божьи отрѣзали у меня. Чему быть! волки то есть, не жалѣютъ овецъ; оборвали, что собаки, одинъ хохолъ оставили, что у поляка, на лбу. Везли не дорогою въ монастырь, болотами да грязью, чтобъ люди не вѣдали: сами видятъ, что дуруютъ, а отстать отъ дурна не хотятъ; омрачилъ діаволъ; что на нихъ и пенять...

Держали меня у Николы въ студеной палаткѣ 17 недѣль. Тутъ мнѣ Божіе присѣщеніе было; чти въ царевѣ посланіи, тамо обрящеши. И царь приходилъ въ монастырь: около темницы моей походилъ и, постонавъ, опять пошелъ отъ монастыря; кажется потому, и жаль ему меня, да что воля Божья такъ лежитъ. Какъ стригли, въ то время великое нестроеніе въ Верху у нихъ бысть съ царицей съ покойницей: она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня. О томъ много говорить; Богъ ихъ проститъ!..

По семъ свезли меня паки въ монастырь Пафнутьевъ и тамъ, заперши въ темную палатку, скованна держали годъ безъ мала...

Какъ привезли меня изъ монастыря Пафнутьева къ Москвѣ и поставили на подворье и, волоча многажды въ Чудовъ, поставили передъ вселенскихъ патріарховъ; и наши всѣ тутъ же, что лисы, сидѣли,

Отъ писанія съ патріархами говорилъ много. Богъ отверзъ грѣшныя мои уста и посрамилъ ихъ Христосъ. Послѣднее слово ко мнѣ рекли: „что де ты упрямъ; вся де наша Палестина, и Серби, и Алъбансы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, всѣ де трема персты крестятся; одинъ де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣма персты; такъ не подобаетъ“. И я имъ о Христѣ отвѣщалъ сице: „Вселенстіи учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно, и ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ; и у васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Магмета, немощни есте стали. И впредь пріѣзжайте къ намъ учиться; у насъ Божіей благодатію самодержство, до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно и церковь немятежна. Никонъ, волкъ съ діаволомъ предали трема персты креститься, а первые наши пастыри, яко же сами пятію персты крестились, такоже и благословляли по преданію святыхъ отецъ нашихъ Мелетія Антіохійскаго, Θеодорита блаженнаго, епископа Кипрскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и московскій помѣстный бывый соборъ при царѣ Иванѣ, также слагая персты креститися и благословляти повелѣваетъ, яко же прежніи святіи отцы, Мелетій и прочіи, научиша. Тогда при царѣ Иванѣ быша на соборѣ знаменосцы Гурій и Варсанофій, казанскіе чудотворцы, и Филиппъ, соловецкій игуменъ, отъ святыхъ русскихъ“. — И патріарси задумалися; а наши, что волченки, вскоча, завыли, и блевать стали на отцевъ своихъ, говоря: „глупы де были и не смыслени наши русскіе святые; неученые де люди были: чему имъ вѣрить? они де грамотѣ не умѣли!“ О Боже святый! како претерпѣ святыхъ своихъ толика досажденія? Мнѣ бѣдному горько, а дѣлать нечего стало; побранилъ ихъ, сколько могъ, и послѣднее слово рекъ: „Чистъ есмь азъ и прахъ прилѣпшій отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному; лучше единъ, творяй волю Божію, нежели тьмы беззаконныхъ“. Такъ на меня и пуще закричали: „возьми, возьми его: всѣхъ насъ обезчестилъ“; да толкать и бить меня стали. И патріархи сами на меня бросились, человѣкъ 40 ихъ, чаю, было,— велико антихристово войско собралося. Ухватилъ меня Иванъ Уваровъ, да потащилъ; и я закричалъ: „Постойте, не бейте!“ Такъ они всѣ отскочили, и я толмачу архимандриту говорить сталъ: „Говори патріархомъ: Апостолъ Павелъ пишетъ: таковъ намъ подобаше архіерей преподобенъ, незлобивъ и проч., а вы, убивше человѣка, какъ литоргисать станете?“ Такъ они сѣли. А я отшелъ ко дверямъ да на бокъ повалился: „посидите вы, а я полежу“,— говорю имъ. Такъ они смѣются: „דуракъ-де протопопъ, и патріарховъ не почитаетъ!“ И я говорю: „мы уроди Христа ради; вы славни, мы же безчестни; вы сильны, мы же немощны“. Потомъ паки пришли ко мнѣ власти и про аллилуіа стали говорить со мною, и мнѣ Христосъ подалъ, посрамилъ я въ нихъ римскую (ересь) Діонисіемъ Ареопагитомъ, какъ выше сего въ началѣ речено. И Еѵфимей, чудовской келарь, молвилъ: „Правъ де ты, нечего-де намъ больше говорить съ тобою“; да и повели меня на чѣпь. Потомъ полуголову царь прислалъ со стрѣльцами и повезли меня на Воробьевы горы...

Затѣмъ (**1667** г.) Аввакумъ былъ сосланъ въ Пустозерскъ. Здѣсь и было имъ написано „Житіе“. За рѣзкое укорительное посланіе къ царю Θедору Алексѣевичу онъ былъ приговоренъ къ сожженію на кострѣ (**1682**).

Изъ посланій Аввакума.

О церковныхъ новшествахъ. По попущенію Божію умножилось въ русской землѣ иконнаго письма неподобнаго. Изографы [1]) пишутъ, а власти соблаговоляютъ имъ, и всѣ грядутъ въ пропасть погибели, другъ за друга уцѣпившеся... Пишутъ Спасовъ образъ Эммануила—лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявыя, руки и мышцы толстыя, тако же и у ногъ бедра толстыя, и весь яко Нѣмчинъ учиненъ, лишь сабли при бедрѣ не написано. А все то Никонъ-врагъ умыслилъ будто живыхъ писати... А устрояетъ все по фряжскому, сирѣчь по нѣмецкому, яко же фрязи пишутъ... Не покланяйся ты, рабе Божій, неподобнымъ образамъ, писаннымъ по нѣмецкому преданію, яко же трое отроци въ Вавилонѣ тельцу златому на полѣ Деирѣ. Толсто тоже телище было вылито и велико, что нынѣшнія иконы. Старые добрые изографы писали не такъ подобіе святыхъ: лицо, и руки, и всѣ чувства отончали, измождали отъ поста, и труда и всякія скорби. А вы нынѣ подобіе ихъ измѣнили, пишете таковыхъ же, каковы сами.

Русскіе возлюбили обычаи и поступки римскаго костела, а свои истинные возненавидѣли и держащихся православія токмо жги да пали! Охъ, охъ, бѣдная Русь! чего тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ обычаевъ?

О свѣтской мудрости и западной наукѣ. Я не ученъ діалектикѣ, риторикѣ и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имѣю... Не ищи глаголъ высокославныхъ, но смиренномудрія. А кто гордостью движется, Платонски на судѣ поучается говорить, таковый всяко изнеможется и отвержется. Гордоустцевъ [2]) тѣхъ не любитъ Господь. Молись передъ Владыкою, да будетъ проклято всякое еретическое мудрованіе. Не затекайте во многомъ мудрованіи, отъ гордости той, что черви капустные, пропадете.

Древле дьяволъ сказалъ: „поставлю престолъ свой на небеси и буду подобенъ Вышнему"; такъ и альманашники [3]) глаголютъ: „мы разумѣемъ небесная и земная и кто намъ подобенъ"... Христіане достизаютъ не мудрости внѣшнія подразумѣвати и луннаго теченія, но на самое небо восходятъ смиреніемъ и тѣла ихъ нетлѣнны пребываютъ на земли. Видишь, гордоусецъ-альманашникъ, гдѣ твои Пиѳагоръ и Платонъ: всѣхъ ихъ, яко свиней, черви съѣли. Мои же святые смиренія ради отъ Бога прославлены... Свиньи и коровы больше васъ знаютъ: передъ погодой визжатъ да ревутъ, да подъ повѣти бѣгутъ, и послѣ того дождь бызаетъ. А вы, разумныя свиньи, лице неба и земли измѣряете, а времени своего не искушаете, како умереть. Горе да и только съ вами, съ толстыми быками.

О необходимости крѣпко стоять за вѣру и быть готовымъ пострадать. Любо мнѣ, что вы охаете: „охъ, охъ! Какъ спастися? Искушеніе пріиде!" — Чаю-су, охъ. Да ладно, такъ меньше спите; убуждайте другъ друга. А я себѣ играю, въ землѣ сидя. Я уже нынѣча не плачу самъ: вамъ велю плакать о всѣхъ и о мнѣ. А надъ всѣмъ мудрость змѣину имѣй, а цѣлость голубину. Разумѣешь, чего для Господь на змію-ту указываетъ и на голубя?

---

[1]) иконописцы; [2]) Гордо говорящихъ (отъ „гордыя уста"); [3]) Составители альманаховъ, т. е. предсказаній будущаго, астрологи.

А то: змію-ту какъ бьетъ кто, такъ она все тѣло предаетъ біемо быти, главу же свою соблюдаетъ, елико возможно: свернется въ клубокъ, а голову ту въ землю хоронитъ. Я ихъ бивалъ съ молода ума. Какъ главы не разобьешь, такъ и опять оживетъ, а голову то какъ разобьешь, такъ она и цѣла, а мертва. Такъ и христіанинъ, безъ головы умретъ смертью вѣчной, сирѣчь безъ вѣры Христовой непорочной; хотя онъ и цѣлъ, не разоренъ и не убитъ, да безъ вѣры мертвъ. А аще разграбленъ и уязвенъ, да глава непорочна, еже есть православная вѣра въ души его — живъ есть таковый животомъ вѣчнымъ. Еще же и незлобіе во время гоненія подобаетъ имѣти голубино. Понеже голубь, птенцовъ своихъ лишаемъ, не гнѣвается и отъ владыки своего не отлетаетъ, паки гнѣздо строитъ и иныхъ дѣтей заводитъ. Я ихъ смолода держалъ — поповичъ я, голубятникъ былъ. Какъ нехороши дѣтенки-тѣ, и лишаешь отъ родителей, а они бѣдные свиваются и другихъ станутъ заводить. Тако и христіанину безгнѣвно подобаетъ жити, — аще и жену и дѣтей отымутъ, не гнѣватися, а о имѣньи и слова не говорю. Пускай дьяволъ емлетъ: онъ владыка вѣку сему, Христосъ заплатитъ въ будущій вѣкъ. А жену-ту и дѣтей Христосъ сохранитъ же въ нечестивыхъ рукахъ. У меня Марковна сидитъ себѣ въ землѣ съ дѣтьми, будто въ клѣткѣ, Божіей благодатью снабдѣваема. А я пою Богу моему донеже есмь...

Душе моя, душе моя, возстани, что спиши? Виждь, мытолюбная [1]), кто при тебѣ: боярыня Ѳеодосія Прокопьевна Морозова: и сестра ея Евдокія Прокопьевна княгиня Урусова, и Даниловыхъ дворянская жена Марья Герасимовна съ прочими. Мучатся въ Боровскѣ, въ землю живы закопаны по многихъ мукахъ и домовъ разореніи, алчутъ и гладаютъ. Жены суть, немощнѣйшая чадь, а со звѣремъ по человѣку борются. Чудо, да только подивиться чуду сему! Какъ такъ! 50 тысячъ крестьянъ имѣла, да домового заводу тысячъ больше двухсотъ было — дѣти духовныя и знаю про нихъ — сына не пощадѣла единороднаго, къ сему и другая также дѣтей. А нынѣ вмѣсто позлащенныхъ одровъ въ землѣ закопаны сидятъ, за старое православіе мучатся. А ты, душе, много ли имѣешь при нихъ? Развѣ мѣшокъ, да горшокъ, а третье — лапти на ногахъ. Безумная, нутко опрянися [2]) и исповѣждь Сына Божія явственнѣ! Полно укрыватися! Иного времени долго ждать. Само царство небесное валится въ ротъ; а ты откладываешь, говоря: дѣти малы, жена молода, разориться не хочется! А того не видишь, какую честь-ту бросили боярыни-тѣ! Да еще жены суть. А ты мужикъ, да безумнѣе бабъ, не имѣешь цѣла ума. Ну, дѣтей-то переженишь, жену-ту утѣшишь, а затѣмъ что? Не гробъ-ли? И та же смерть, да не та, понеже не Христа ради, но общій всемірный конецъ. Блаженни умирающіе о Господѣ!..

А хотя и бить станутъ или жечь: ино и слава Господу Богу о семъ. На се бо изыдохомъ изъ чрева матери своея. А во огнѣ то здѣсь небольшое время потерпѣть — аки окомъ мгнуть, такъ душа и выступитъ. Боишься пещи той? Дерзай, плюнь на нее, не бойся! До пещи страхъ-отъ; а егды въ нее вошелъ, тогда и забылъ вся. Егда же загорится, а ты и видишь Христа и ангельскія силы съ нимъ; емлютъ душу тѣ отъ тѣлесъ, да и приносятъ ко Христу, а Онъ надежа,

[1]) мотыло — пометъ, навозъ, нечистота. Мотылюбная душа — нечистая душа, грѣшная; [2]) воспрянь.

и благословляетъ и силу ей подаетъ божественную, не уже ктому бываетъ тяжка, но яко восперенна, туды жъ со ангелы летаетъ, равно яко птичка попархиваетъ, рада — изъ темницы той вылетѣла. Темница горитъ въ пещи, а душа яко бисеръ, и яко злато чисто взимается со ангелы выспрь во славу Богу и Отцу. А темницу никоніане бердышами сѣкутъ въ огнѣ, да уже не слышитъ ничего: персть бо есть, яко камень горитъ, или земля...

Всякъ вѣрный не развѣшивай ушей и не задумывайся, гряди съ дерзновеніемъ въ огнь и съ радостью Христа ради постражди. Много никоніане людей перегубили, думая службу приносити Богу. Мнѣ сіе гораздо любо: освятилась русская земля кровью мученическою. Не лѣнитесь, бѣдные, подвизайтесь гораздо. Русачки бѣдные рады, что мучителя дождались: полками дерзаютъ въ огнь за Христа. Я бы умеръ, да и паки бы умеръ по Христѣ Бозѣ нашемъ. Сладокъ вѣдь Исусъ-то! Помнишь ли трехъ отроковъ въ пещи огненной? Навуходоносоръ глядитъ, анъ Сынъ Божій четвертый съ ними гуляетъ. Не бось, не покинетъ и васъ Сынъ Божій. Дерзайте всенадежнымъ упованіемъ; таки размахавъ, да и въ пламя. На вотъ, дьяволъ, еже мое тѣло, до души моей тебѣ дѣла нѣтъ!

Отрывокъ изъ романа въ стихахъ.

Дѣйствіе романа происходитъ въ Москвѣ. Дѣвица полюбила сосѣда-парня. Отецъ узналъ объ этой любви.

...отецъ мой любовь повѣдалъ,
въ церкви съ сосѣдомъ побранился,
мною укорился.
Пришедъ въ домъ, отецъ мнѣ объявляетъ,
мать мою сокрушаетъ;
отецъ мой собакъ съ цѣпей спущаетъ,
любезнаго отъ меня отлучаетъ,
но псы любезнаго не отлучали,
любовь нашу сердечную не разлучали,
отъ отца пропадали.

Я [1])

Яростно съ того времени сталъ отецъ ко мнѣ приступати;
любезнаго скоро нельзя увѣдомляти.
Къ любезному тайно письмо посылала,
съ печалію увѣдомляла.
Къ любезному посланный отъ меня письмо принимаетъ,
на лазку полагаетъ,
на лавкѣ письмо забываетъ,
любезнаго словесно увѣдомляетъ.
Я себя въ тотъ день снаряжала,
въ гости уѣзжала.
Отецъ домой приходитъ,
тайное письмо находитъ;
сталъ его читати,
матери моей объявляти;
трость примаетъ,
мать убиваетъ.
Мати того письма не знаетъ,
клятвою себя заклинаетъ,
тростью отецъ мать мою убиваетъ,
руку переломляетъ.
Я млада того не знаю,

[1]) Каждая глава обозначена буквой алфавита; съ этой буквы начинается и первое слово этой главы.

въ гостяхъ себя увеселяю;
домой я приходила,
мати моя мнѣ младой объявила,
отцомъ устрашеваетъ,
побои мнѣ объявляетъ.
Отецъ домой прихождаетъ,
за косу меня младу о полъ ударяетъ,
о письмѣ меня воспрашиваетъ,
отъ страха отвѣта отъ меня не получаетъ.
Въ память приходила,
отцу объявляла,
что письма того не знаю:
„вѣстно тебѣ, отче,
что грамотѣ научена
и писать не умѣю,
а писать не обучена!“
Клятвою отцу клянулась,
письма того отвернулась.
Отецъ мать мою убиваетъ,
о письмѣ томъ воспрашиваетъ.
Мати моя клянется,
обо мнѣ печется,—
такъ о себѣ не сожалѣетъ,
какъ обо мнѣ младой радѣетъ.
Клятвою меня младу заклинала,
супружества между нами желала,
благословенiе подавала.
Любезной матери моей полюбился
и ласкою ей показался;
. . . .
Многiе непотребные поступки (отецъ) учинялъ,
насъ до конца искоренялъ:
гладомъ насъ морилъ,
деньги окаянный копилъ,
работницы въ домъ не нанималъ,
убытковъ себя избавлялъ.
Любезный сiи поступки за отцомъ зналъ,
зубами скрежеталъ;
того ради отецъ любезнаго обѣгалъ
и меня младу за него не отдавалъ.

Е

Еще къ любезному посылала,
вѣсточкою умоляла,
печаль свою объявляла,
опасатися повелѣвала,
письмо посылала,
въ знакъ любви власы полагала:
„Аще хощеши, любезный, мя посѣтити,
прошу чрезъ едину улицу тебѣ не ходити,—
врази тя ожидаютъ,
убити тебя желаютъ.
Когда мой платокъ въ окнѣ увидишь,
тогда ко мнѣ да придешь!“

Я

Яблочки щипала,
къ любезному посылала;
сама прежде накусала,
знакъ любви отдавала,
гостинцы посылала,
къ себѣ любезнаго своего ожидала.
Посѣтити мой любезный обѣщеваетъ,
сердце мое возвеселяетъ.
Отецъ мой свахъ призываетъ,
меня дѣвицу съ любезнымъ разлучаетъ.
Окаянная сваха жениха привести обѣщеваетъ.
Къ жениху выходила,
аки на пса смотрѣла.
Жениху я млада полюбилась,
едва не сокрушилась.
Отцу женихъ полюбился
и умъ его распустился.
На словѣ полагаютъ,
сердце мое надрываютъ.
Любезный того не знаетъ;
сердце его провѣщеваетъ.
За столъ съ женихомъ меня сажаютъ,
на дворъ выхождаютъ!
Тайно стали шептати,
чтобъ мнѣ не дать того знати;
въ горницу сталъ входити,
намъ говорити,
чтобъ мы изъ-за стола вставали,
Богу поклонъ отдавали.
Стали меня младу заручати,
потомъ за столъ сажати.
Отецъ меня вызываетъ:
смерть мнѣ младой объявляетъ,
аще жениха буду хулити,—
„то сей часъ смертiю имамъ тя погубити!“

Любезный не знаетъ,
вѣсточки ожидаетъ;
отецъ мой поспѣшаетъ,
сватьбу понуждаетъ.
Дѣвишникъ приходитъ,
женихъ съ отцомъ моимъ въ домъ входитъ;
стала жениху подносити,—
боюсь, какъ бы подноса не уронити.
За столъ меня младу сажаютъ,
женихъ ручку мою принимаетъ...
Невольное мое младое дѣло сталось,
отца опасалась.
Стали изъ-за стола вставати,
Богу поклонъ отдавати;
руку мою принимали,
жениху отдавали;
немилый ручку принимаетъ,
крѣпко сжимаетъ.
Дѣвишникъ приходитъ,
отецъ меня въ городъ выводитъ.
Со отцомъ и съ свахою чепцы покупали,
не по моей волѣ поступали:
что мнѣ потребно,
то имъ негодно.
Отецъ отъ меня отставляетъ,
со свахою покидаетъ;
крашенымъ рядомъ пошла,
любезнаго нашла,
напредъ сваху отпустила,
съ любезнымъ говорила,
любезному объявила,—
едва печалью себя не сокрушила.
Любезный слезами себя обливаетъ,
власы на себѣ терзаетъ,
совѣта у меня прошаетъ,
съ горестныхъ словъ на себѣ власы терзаетъ,
у меня младой совѣта прошаетъ,
горестныя слова причитаетъ.
Горестно разставались,
слезами обливались.
На Бога надежду уповать повелѣваю,
отъ сокрушенія обо мнѣ унимаю:
„такъ намъ Богъ повелѣлъ быти,
что супружества за грѣхи наши не допустилъ!“
Едва домой пришла;
отцу радостну себя объявила,
тайно въ чуланъ выходила,
слезами обливала
и горестныя слова сіи причитала:
красота моя, красота и молодость!
кому ты досталась?
вопрошали тя, съ тѣмъ ли я желала?
тебя веселить, по-истинѣ реку,
ниже въ помышленіи моемъ,
аще-бы не злѣйши мой родитель:
по нуждѣ меня съ любезнымъ разлучалъ,
аки бѣлую голубицу разлучаетъ
кокошъ отъ голубя!
Что мой родитель между нами учинилъ,
по-истинѣ души наши вѣчно погубилъ!
Что есть спасеніе родителямъ симъ,
что совокупляютъ
въ супружество за богатыхъ да неравныхъ—вѣчно души наши погубляютъ!
Напиткомъ у зятей хотятъ себя увеселити,
корыстей всякихъ отъ богатыхъ зятьевъ хотятъ получити,
желаютъ старости своей красоту и честь получить.
Что добре сотворится? платьемъ дочь себя увеселяетъ,
а мыслями вѣчно погибаетъ,
а отца и матерь вѣчно проклинаетъ,
хотя въ домъ себѣ пущаетъ,
тако радостно не принимаетъ, —
отчего многія въ блудъ впадаютъ
и тѣмъ по-истинѣ родители души свои погубляютъ,
велій грѣхъ себѣ сотворяютъ,
не за нравнаго выдаваютъ.
Лучше скудно жити,
а съ мужемъ въ любви жити,
нежели за богатымъ да неравнымъ:
въ любви могутъ нажити,
а безъ совѣта и послѣднее прожити...

У

Узникамъ милостыню подавала
и о здравіи любезнаго упрашевала;
о любезномъ не упросила,

сердце свое сокрушила;
хотя поневолѣ отъ любезнаго отлучна,
сердце мое отъ него неотлучно!
Не то дорого, что красное золото —
то дорого что чистое серебро!
Любезному сметанку —
немилому творогъ!
Съ любезнымъ часокъ лучше
немилаго года!
По-неволѣ вѣнчались,
сердцемъ надрывались·
Къ вѣнчанью везли, —
изъ очей моихъ слезы текли.
Въ церковь вводя, къ попову благословенію приводятъ..
Попъ спрашиваетъ:
„волею ли и не усилованіемъ?„
Но кого вопрошаетъ?
уста мои отъ горести кровь запекаетъ.
Страха отъ отца неволею сказать боюся,
да не въ горшую бѣду ввалюся..
Попу отвѣщеваю,
въ волю его себя отдаваю.
Любезный при томъ вѣнчаніи стоитъ,
къ оговоренію мои письма въ рукахъ держитъ,
слезами себя обливаетъ,
власы на себѣ терзаетъ,
письма моей руки друзьямъ объявляетъ,
совѣта прошаетъ,
желаетъ меня отъ вѣнца отлучити,
себѣ совокупити.
Друзья его унимали,
отцово мнѣ смертное сокрушеніе объявляли.

О

Охъ, горестно, горестно спознаться
съ любезнымъ, да разстаться!
А тошнѣе того на семъ свѣтѣ,
кто по радости останется!
Въ жалости тошно разстаться
голубенку съ голубушкой!
Тошнѣе того голубушкѣ по голубчикѣ!..
Отъ вѣнчанья изъ церкви меня младу въ домъ ведутъ,
изъ очей моихъ слезы текутъ;
о тайной совѣсти сумнѣвалась,
жалостію о любезномъ сокрушалась
мужу боюся появиться,
како бы тайною совѣстью не обличиться.
Отъ вѣнца приводятъ,
въ хоромы вводятъ,
за столъ сажаютъ,
русу косу расплетаютъ.

Я

Яблоки любезный ко мнѣ присылаетъ,
любовь мою не забываетъ;
вѣдаетъ любезный, что по-неволѣ съ нимъ разсталась
и отъ любви моей сердцемъ по немъ истосковалась.
Ленточки къ любезному посылала,
къ сердцу своему прижимала,
любезно ихъ цѣловала,
поклонъ ему отдавала.
Ленточки мой любезный принимаетъ
на сердцѣ своемъ полагаетъ;
когда мой любезный опочиваетъ,
тогда мои ленточки на сердцѣ своемъ полагаетъ.

И

Иже кто хощетъ спастися,
тотъ сего да хранится:
аще сего сохранишься,
то и царствія небеснаго не лишишься:
Богъ не хочетъ смертной грѣшнику пропасти
и во адово дно впасти:
не приде Господь призвати праведныхъ,
но насъ грѣшныхъ покаяніемъ!
Виждь, коли напасти дьяволъ содѣваетъ,
сѣтію своею родъ христіянскій уловляетъ!

Изъ сочиненія Посошкова „О скудости и богатствѣ“

О крестьянствѣ.

Крестьянское житіе скудно ни отъ ничего иного, токмо отъ своея ихъ лѣности, а потомъ отъ неразсмотрѣнія правителей, и отъ помѣщичья насилія и отъ небреженія ихъ.

Аще бы царскаго величества поборы были расположены по владѣнію земли ихъ, колико кой крестьянинъ на себя пашетъ, и поборы собирали бы съ нихъ въ удобное время, а помѣщики ихъ излишняго ничего съ нихъ неймали, и работы бы излишнія не накладывали, но токмо и подать свою и работу налагали по владѣнію земли ихъ, и смотрѣли бы за крестьянами своими, чтобы они кромѣ недѣльныхъ и праздничныхъ дней не гуляли, но всегда бы были въ работѣ, то никогда крестьянинъ весьма не оскудѣетъ. А буде кой крестьянинъ станетъ лежебочить, то бы таковыхъ жестоко наказывали, понеже кой крестьянинъ изгуляется, въ томъ уже пути не будетъ, но токмо уклонится въ разбой и во иныя воровства.

Крестьянину надлежитъ лѣтомъ землю управлять неоплошно, а зимою въ лѣсу работати, что надлежитъ про домашній обиходъ или на люди, отъ чего бы какой себѣ прибытокъ учинить.
А буде при дворѣ своемъ никакой работы пожиточной нѣтъ, то шелъ бы въ такія мѣста, гдѣ изъ найму люди работаютъ, дабы даромъ времени своего не теряли. И тако творя никакой крестьянинъ не оскудѣетъ.

Паки не малая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. Аще въ коей деревнѣ дворовъ двадцать и тридцать, а грамотнаго человѣка ни единаго у нихъ нѣть, и какой къ нимъ не пріѣдетъ съ какимъ указомъ или безъ указу, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ, и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки; потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, ни разумѣютъ. И того ради многіе и безъ указу пріѣхавъ пакости имъ чинятъ великія, а они оспорить не могутъ, а и въ поборѣхъ много съ нихъ излишнихъ денегъ емлютъ, и отъ того даровой пріемлютъ себѣ убытокъ.

И ради охраненія отъ таковыхъ напрасныхъ убытковъ, видится, не худобъ крестьянъ и поневолить, чтобы они дѣтей своихъ, кои десяти лѣтъ и ниже, отдавали дьячкамъ въ наученье грамоты, и научa грамотѣ и учили бы ихъ писать. Я чаю, не худо бы было такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безъ грамотнаго человѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ, и положить имъ срокъ года на три или на четыре.

А буде въ четыре года дѣтей своихъ не научатъ, такожде кои робята и впредь подрастутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе [1])

А сіе не весьма право зрится, еже помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена, неудобь носимая, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ

---

[1]) Штрафъ

единаго дня, ежебы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ, или что наложено у ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ, и какой крестьянинъ станетъ мало-мало посытнѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатитися не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя, царство пустошатъ; понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ. Отъ таковыя нужды домы свои оставляютъ и бѣгутъ иные въ Понизовыя мѣста, иные же и во Украинныя, а иные — и въ зарубежныя; тако чужія страны населяютъ, а свою пустоту оставляютъ. А чтобы до того помѣщикамъ дѣла, что крестьяне богаты, лишь бы онъ пашни не запустилъ, хотя бы у него и не одна тысяча рублевъ, была, только бы не воровалъ, и безъявочно не торговалъ; что крестьяне богаты, то бы и честь помѣщику.

Крестьяномъ помѣщики невѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ Владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно.

И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство — богатство царственное.

И того ради мнится мнѣ: лучше и помѣщикамъ учинить расположеніе указанное, почему имъ съ крестьянъ оброку и иного чего имать, и по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и иного какого сдѣлья дѣлать, чтобы имъ сносно было государеву подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить безъ нужды. Того судьямъ вельми надлежитъ смотрѣть, чтобы помѣщики на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали, и въ нищету бы ихъ не приводили.

По моему мнѣнію, царю паче помѣщиковъ надлежитъ крестьянство беречи; понеже помѣщики владѣютъ ими временно, а царю они вѣковые, и крестьянское богатство — царственное, а нищета крестьянская — оскудѣніе царственное.

И того ради царю яко великородныхъ и военныхъ, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто въ убожество не входилъ, но всѣ бы по своей мѣрности изобильны были.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТР.

Предисловіе 3

ОТДѢЛЪ I. НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Пѣсни 5
Былины 13
Изъ историческихъ пѣсенъ: Петръ Великій 23
Сказки 26
Изъ духовныхъ стиховъ 32
Народная Комедія 35

ОТДѢЛЪ II. ЛИТЕРАТУРА ДОПЕТРОВСКАГО ПЕРІОДА

I. Литература XI — XV вв.

Изъ Лѣтописи Нестора 37
Изъ Хожденія Игумена Даніила въ Святую Землю 39
Изъ Поученія Владимира Мономаха 43
Изъ Моленія Даніила Заточника 46
Слово о Полку Игоревѣ 49
Переводъ Слова на современный языкъ 56
Изъ Задонщины 62
Изъ Житія Преп. Сергія Радонежскаго 64
Изъ Слова о Погибели Земли Русской 67

II. Литература Московскаго періода XV — XVI вв.

Изъ Путешествія Афанасія Никитина 67
Изъ Переписки Ивана IV съ Курбскимъ 70

III. Литература XVII в.

Списокъ суднаго дѣла какъ тягался Лещъ съ Ершомъ 74
Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ 75
Изъ сочиненія Котошихина о Россіи 82
Изъ Исторіи объ Азовскомъ сидѣніи 85
Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи 91
Изъ Сочиненій протопопа Аввакума 96
Отрывокъ изъ Романа въ стихахъ 105
Изъ сочиненія Посошкова, О скудости и богатствѣ 109